

ISSN 2949-348X

ВЕСТНИК

Калужского университета

**Серия 2.
Исследования
по филологии.**

**2026
№ 1**

**Серия 2
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ФИЛОЛОГИИ**

Научный журнал
Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского

Основан в августе 2022 г.
г. Калуга

Журнал включён в систему Российского индекса научного цитирования (<http://elibrary.ru/>),
дополнительное соглашение № 1 от 17.10.2023 г. к договору № 342-09/2019 от 03.09.2019 г.

Научные статьи и доклады

- языкознание
- литературоведение

Научная хроника

Обзоры и рецензии

Редакционная коллегия

Васильев Л. Г., доктор филологических наук, профессор
(главный редактор)

Балашова Е. А., доктор филологических наук, доцент

Ерёмин А. Н., доктор филологических наук, профессор

Каргашин И. А., доктор филологических наук, доцент

Похаленков О. Е., доктор филологических наук, доцент

Салтыкова Е. А., кандидат филологических наук, доцент

Терехова С. С., кандидат филологических наук, доцент

Кулабухов Н. В., кандидат филологических наук (ответственный секретарь)

Коненкова Н. В. (технический редактор)

Адрес редакции:

248023, г. Калуга, ул. Степана Разина, д. 22/48, комн. 605

Тел.: (4842) 50-30-21

E-mail: VKU2@tksu.ru

Учредитель:

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

© КГУ, 2026

СОДЕРЖАНИЕ**ЯЗЫКОЗНАНИЕ****Графова Е. А., Васильев Л. Г.**

К характеристике этоса и пафоса публичных речей Ж. Борреля..... 4

Гусева О. А.

Семиотические единицы агонального характера в публицистической персуазивной аргументации..... 12

Кууз А. В.

Атрибуция как конструкт аргументативной стратегии в политическом интервью..... 19

Романовская М. Ю., Васильев Л. Г.

К языковым средствам формирования этоса, пафоса и логоса в политических речах Барака Обамы..... 24

Топорков П. Е., Останина Е. Р.

Моделирование онтогенеза речи в языке художественной литературы (на материале романа М. Зусака «Книжный вор»)..... 33

Яшкина О. В., Васильев Л. Г.

Сравнительный анализ методологических подходов к аргументации в отечественной и зарубежной филологии в условиях современной научной парадигмы..... 40

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**Балашова Е. А.**

Шпаликов в библиографических изданиях..... 56

Елистратова В. А.

Мифопоэтический образ «двойника» и его значение для понимания личности в произведениях Ф. М. Достоевского..... 62

Коста А. А.

Образ лирического героя в поэзии А. И. Полежаева..... 67

Молодинская В. А.

Нарративные стратегии в малой прозе Р. Л. Стивенсона: холистический подход..... 77

Савотина Е. Г.

Культурологические особенности лирики Б. Л. Пастернака..... 85

Симак Н. И.

Концепт «луна» в поэтике Ю. К. Балтрушайтиса и В. И. Иванова..... 92

Юсифова И. А.

Лирическое и сатирическое творчество Шакира Хейла..... 99

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ**Балашова Е. А.**Три родины Валерия Перелешина: Рецензия на диссертацию Лю Лэ «Художественные концепты *дом* и *родина* в лирике Валерия Перелешина», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов российской федерации (филологические науки) (Калининград, 2025, 187 с.)..... 107**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 113**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'42

Е. А. Графова, Л. Г. Васильев

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭТОСА И ПАФОСА ПУБЛИЧНЫХ РЕЧЕЙ Ж. БОРРЕЛЯ

В статье исследуется образ современного ратора на примере публичных выступлений Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозепа Борреля. Основной акцент сделан на анализе этоса и пафоса как ключевых категорий риторической аргументации. Рассмотрены две трактовки этоса: широкая и узкая. На материале «Версальской речи», заявлений ко Дню Европы и к годовщине начала конфликта показана трансформация политического образа Ж. Борреля. Подробно анализируется ценностный фундамент речей, включающий такие понятия, как человеческое достоинство, суверенитет, солидарность и борьба с дезинформацией. Отдельное внимание уделено риторическому локусу пафоса, где на уровне тропов и риторических фигур демонстрируется механизм эмоционального воздействия на аудиторию.

Ключевые слова: этос; пафос; Ж. Боррель; европейские ценности; санкции; конфликт России с Украиной; политический дискурс.

E. A. Grafova, L. G. Vasilev

ON THE CHARACTERISTICS OF ETHOS AND PATHOS IN JOSEP BORRELL'S PUBLIC SPEECHES

The article examines the image of a modern rhetorician through the case study of public speeches by Josep Borrell, the High Representative of the EU for Foreign Affairs and Security Policy. The primary focus is on the analysis of ethos and pathos as the core categories of rhetorical argumentation. The author explores two interpretations of ethos: the broad perspective and the narrow perspective. Based on the «Versailles Speech», statements on Europe Day, and the anniversary of the conflict's commencement, the article demonstrates the transformation of Josep Borrell's political image. The study provides a detailed analysis of the value-based foundation of the speeches, encompassing concepts such as human dignity, sovereignty, solidarity, and the fight against disinformation. Special attention is given to the rhetorical locus of pathos, where the mechanisms of emotional impact on the audience are demonstrated through the use of tropes and rhetorical figures.

Keywords: ethos; pathos; Josep Borrell; European values; sanctions; Russia-Ukraine conflict; political discourse.

Основными свойствами риторической аргументации являются логос, этос и пафос. Риторическая триада также составляет образ ратора. Рассмотрим подробнее понятия этоса и пафоса.

Согласно словарю лингвистических терминов, в риторике **этнос** [др.-греч. ἦθος нрав, характер, душевный склад] – это этический аспект образа ратора, соответствующий нравственным идеалам общества и требованиям к речи ратора [5, с. 473].

Современная наука также выделяет широкую и узкую трактовки термина. В широкой трактовке этос сопоставим с понятием этичности. У Ю. В. Рождественского этос – это часть социального существа человека, условия, предложенные адресатом речи адресанту: время,

место, сроки ведения речи, определяющие часть содержания речи, ее тему, которую получатель речи может считать уместной или неуместной. Неуместную речь получатель вправе отклонить. Главным признаком уместности является тема речи, а остальные условия должны быть согласованы между участниками речевой коммуникации заранее [7, с. 96].

О. Э. Сухарева выделяет несколько трактовок этоса на основе монографии, названной выше:

- а) этос как риторическая ситуация в целом: условия, касающиеся времени, места, сроков ведения речи, уместности или неуместности ее содержания;
- б) этос как целеполагание;
- с) этос как уместность речи [9].

В узкой (др.-греческой) трактовке этос – это качества ратора, свойственные ему не на постоянной основе, а приписываемые аудиторией, т. е. социально-конструктивные. Такое понимание этоса соотносится с репутацией оратора, в которой важны не только прошлые действия ратора, но и то, как он себя проявляет в настоящем риторическом событии. Это реакция аудитории на речевое поведение оратора, ее постоянно меняющееся восприятие [4, с. 14–16].

В широкой (др.-римской) трактовке этос – это совокупность принципов нравственного и социально-конструктивного поведения в обществе, соотносимый с современным понятием этики; это понимание непосредственно связано с ценностями (социокультурными константами), и очевидным образом подчиняет себе первую трактовку.

Ж. Боррель – это испанский политик, с 2019 по 2024 г. являвшийся Верховным представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности. Он принимал активное участие в обсуждениях конфликта России и Украины.

За последнее десятилетие нравственные идеалы стран ЕС прошли серьезные трансформации. Традиционные взгляды сменились толерантными, иногда – радикальными. Борьба за права женщин, феминизм, а также борьба за права различных меньшинств и изменение взглядов на гендер вообще – это неотъемлемая часть современной политической и общественной морали стран Европы. Большим влиянием обладают экологические движения: люди понимают свою моральную ответственность перед природой и планетой, осознают вред потребительства и отказываются от него [8; 10].

Высшие чиновники обязаны транслировать ценности современного европейского общества, например, Ж. Боррель подвергся критике за свое неосторожное высказывание, в котором он назвал Европу садом, а остальной мир – джунглями. Его обвинили в неокOLONIALном мышлении, которое противоречит политике ЕС.

За последние годы ЕС перешел от концепции «нормативной силы», заключающейся в распространении ценностей с помощью диалога, к концепции «языка силы», позволяющей сохранить подвергающиеся угрозе ценности, опираясь на экономическую и военную мощь. В отношении России Ж. Боррель придерживается следующих стратегий институционального поведения:

- противодействие при нарушении международного права и прав человека, заключающееся в наложении санкции, высылке дипломатов;
- сдерживание и ограничение возможностей России влиять на ЕС и его соседей, заключающиеся в борьбе с дезинформацией, стремлении к энергетической независимости;
- взаимодействие, заключающееся в сохранении каналов связи в отношении ограниченного круга тем, например, темы климата.

ЕС постоянно использует свою возможность вводить санкции при нарушении прав человека и активно участвует в поддержке гражданского общества и оппозиции по всему миру [6].

Нами были проанализированы три публичные речи Ж. Борреля, в которых в том числе обсуждается введение санкций против России:

- 1) речь от 11.03.2022 г.: «Россия/Украина: заявление Верховного представителя ЕС Ж. Борреля о четвертом пакете ограничительных мер» [1];
- 2) речь от 08.05.2022 г.: «Ценность Европы: заявление Верховного представителя ЕС Ж. Борреля в День Европы» [3];
- 3) речь от 15.02.2023 г.: «Россия/Украина: официальное заявление Верховного представителя ЕС Ж. Борреля о десятом пакете ограничительных мер» [2].

Ценности ЕС являются основой, на которой строятся названные выше речи. Они помогают при обосновании политиком санкций и поддержки Украины. Из них (1) и (2) могут считаться терминальными, а остальные – локальными.

1. *Человеческое достоинство и права человека* являются центральным мотивом рассматриваемых речей, поскольку российская сторона якобы нарушает фундаментальные европейские ценности, совершая «крупномасштабный акт агрессии против мирного населения», «серию злодеяний, приравняваемую к военным преступлениям» и вызывая «гуманитарную катастрофу». Согласно словам политика, Россия показывает свое «бесчеловечное лицо» (inhuman face). Особое внимание уделяется «зверским похищениям людей, депортациям и принудительному усыновлению в России украинских детей». В европейской системе ценностей последнего десятилетия защита прав ребенка является абсолютным моральным императивом.
2. *Свобода и демократия*: Ж. Боррель называет украинских военных «защитниками свободы» (freedom fighters), т. е. Украина борется за свой суверенитет, за как бы отнятое у нее право быть свободной.
3. *Солидарность и единство ЕС*: единство государств-членов ЕС при введении санкций и отказе от энергетической зависимости от России подается как моральная победа.
4. *Гуманизм ЕС* в отношении украинских беженцев, несмотря на огромный масштаб перемещения людей.
5. *Верховенство международного права*, за нарушение которого Россия должна нести ответственность, поскольку совершает «военные преступления» и демонстрирует «бесчеловечное агрессивное поведение». Война описывается как попытка вернуть в международные отношения «закон джунглей», т. е. одобряется право сильного. ЕС также вводит санкции против «так называемых судей четырёх незаконно аннексированных украинских регионов», обеспечивающих «фальшивую легитимность» (fake legitimacy).
6. *Борьба с дезинформацией*: Ж. Боррель заявляет о санкциях против людей, играющих ведущую роль в «дезинформации и пропаганде», называя это «войной идей» и «войной нарративов». Политик говорит об организациях, которые «загрязняют публичное пространство дезинформацией и вредоносным искажением фактов». Он разделяет военные действия и «информационную войну» (information warfare).

7. *Ценность «языка силы»*: современная Европа учится использовать «язык силы». Это не противоречит идеалам мира, а является способом их защиты. Коллективная сила ставится на службу защиты суверенитета партнера ЕС – Украины.

I. Рассмотрим этос речи Ж. Борреля от 11.03.2022 г.:

Этос в широком понимании (= этичность).

а) Этос как риторическая ситуация в целом.

Данную речь называют «Версальской речью», поскольку в этот день была принята Версальская декларация. Вторжение России в Украину произошло за две недели до этого, и от оратора такого уровня ждут лидерства, конкретики, жесткости и адекватности происходящему.

б) Этос как целеполагание.

Целью Ж. Борреля является оправдание радикальных экономических мер, от которых пострадают все стороны, поэтому санкции преподносятся как необходимый источник правосудия. Политик не просто сочувствует пострадавшей стороне, но и несет материальную ответственность перед ней, выделяя средства на оборону. Военная помощь Украине также рассматривается в качестве необходимого для всего ЕС шага. Ж. Боррель превращает политический конфликт в моральную необходимость Европы, ее борьбу за справедливость. Политик стремится показать ЕС как игрока, способного на «язык силы».

с) Этос как уместность речи (времени, статусу, стилю).

Речь показала необходимую в тот момент решительность. Ж. Боррель выступает как Верховный представитель ЕС, и его этос здесь полностью соответствует новой роли ЕС как «жесткого и сильного игрока». Политик избегает сложной дипломатической двусмысленности, его стиль прямой, наступательный и предельно конкретный.

Этос в узком понимании (= репутация).

До этой речи Боррель часто воспринимался как дипломат «старой школы», предпочитающий переговоры, однако в Версале его репутация закрепились в новом качестве – как идеолога «жесткой силы» ЕС.

II. Рассмотрим этос речи от 08.05.2022 г.

Этос в широком понимании (= этичность).

а) Этос как риторическая ситуация в целом.

Данная речь – это программная речь Ж. Борреля ко Дню Европы. Его риторика и риторика ЕС переходит от кризисного управления к философскому и стратегическому обоснованию новой роли Европы. Эта дата традиционно посвящена миру и бюрократическим успехам ЕС, а празднование мира в разгар войны приобретает совсем иной смысл. В контексте новых угроз в Европе переосмысливают старый символ – Декларацию Шумана.

б) Этос как целеполагание.

Одной из целей оратора является необходимость переубеждения людей, скептически настроенных по отношению к Европейскому союзу и его пользе. В своей речи Ж. Боррель прямо обращается к подобным людям, убеждая их, что ЕС справится и с этим испытанием (войной с Россией).

с) Этос как уместность речи (времени, статусу, стилю).

После начала войны многие граждане ЕС начали сомневаться в необходимости Союза, т.к. он не смог предотвратить войну. Ж. Боррель доказывает, что нахождение в Союзе умножает силу каждого участника и предоставляет всем коллективную безопасность.

Этос в узком понимании (= репутация)

Ж. Боррель выступает борцом за либеральные ценности. Он проявляет себя как решительный лидер, который способен превратить моральные нормы (достоинство, право, мир) в конкретные политические и военные инструменты. У слушателей сложилось впечатление о нем как о политике, ведущем Европу к новой стадии «стратегической автономии».

III. Рассмотрим этос речи от 15.02.2023 г.

Этос в широком понимании (= этичность).

а) Этос как риторическая ситуация в целом.

Прошёл почти год с начала конфликта России и Украины, что подразумевает подведение итогов произошедшего и обозначение дальнейших планов. Речь произнесена в Страсбурге и адресована прессе, т. е. о ней узнают во всём мире. Оратор находится в достаточно жёстких рамках, поскольку речь имеет официальный статус.

В 2023 г. актуальна тема перехода от мягкой силы (дипломатии) к жесткой (санкциям). Тема уместна, поскольку аудитория ожидает наказания стороны-агрессора. Проявление экономической агрессии в виде санкций представлено как легитимный ответ на военную агрессию.

б) Этос как целеполагание.

Цель Европейского союза – это оправдание введения санкций, имеющих негативные последствия для всех сторон. Россия, подвергающаяся санкциям, выставляется в невыгодном свете. Также ЕС продолжает демонстрировать сплоченность, а решения, принимаемые там, актуальны для каждого государства-участника. В речи присутствует устрашение: для того, чтобы сломать российскую систему изнутри, вводятся индивидуальные санкции, предполагающие персональную ответственность каждого виновного.

с) Этос как уместность речи (времени, статусу, стилю).

Годовщина вторжения требует от оратора твёрдости и решительных действий. Речь уместна, ввиду того что соответствует масштабу даты. Ж. Боррель – серьезный государственный деятель, глава европейской дипломатии, и используемый им лексикон ограничен рамками его полномочий. В рассматриваемой речи он использует более эмоционально окрашенную лексику – и это этическое соответствие реальности.

Этос в узком понимании (= репутация).

Ж. Боррель демонстрирует знание ситуации и таких её деталей, о которых широкий слушатель не может знать. В глазах общественности он обладает доступом к информации, а также проявляет себя в роли гуманиста, затрагивая священные для аудитории понятия (голод, дети).

Пафос [др.-греч. *παθος* страсть, возбуждение, воодушевление] в риторике: эмоционально-волевой аспект образа ратора, связанный с замыслом высказывания; ритор ставит проблему, предлагает ее решение и стремится к обоснованию и реализации этого решения [5, с. 256]. Пафос – это мощный инструмент воздействия, который иногда способен превосходить логос – например, в политическом дискурсе [4].

В современной науке выделяют широкую и узкую трактовки термина. В широкой трактовке пафос – это:

- 1) «намерение, замысел создателя речи, имеющего цель развить перед получателем определенную и интересующую его тему»;
- 2) часть личной психологической природы человека;

- 3) целеустановка «категории пафоса – прославить или проклясть кого-либо и что-либо, рассмотреть прошедшие и не видимые сейчас события, склонить или отклонить предлагаемые решения»;
- 4) эмоциональные характеристики аудитории, оратор «формирует на основании своего пафоса такой образ речевого воздействия, который погрузит аудиторию в речевую эмоцию»;
- 5) действия оратора в предложенных ему обществом рамках [4; 7].

Пафос, с одной стороны, ограничен категорией этоса и может реализоваться лишь в пределах локусов места и времени. Другое ограничение пафоса – те словесные средства, которыми располагает создатель для установления контакта с получателем речи. Благодаря речевой эмоции, созданной пафосом, становится возможным принять решение и предпринять целесообразные действия относительно существующей проблемы [7].

Пафос в узкой трактовке в основном сводится к вызову у аудитории определенных (инициируемых ритором) чувств и эмоций для формирования или изменения у нее отношения к тому или иному положению дел [4].

Рассмотрим пафос речи от 11.03.2022 г.:

1) Тропы.

Метафора:

cripple the financing: глагол «cripple» имеет значения «калечить», «ослаблять»; применяя его к слову «финансирование», мы придаём объекту свойства одушевленного существа;

Kremlin's war machinery (военная машина Кремля): действия России дегуманизируются, с ее стороны воюют не люди, а машины;

a real war, an ideas war, a narrative war (настоящая война, война идей, война смыслов) – пропаганда и дезинформация приравниваются к реальной кровопролитной войне по своему негативному воздействию.

Гипербола:

biggest move of people since the end of World War II: признаки Второй мировой войны переносятся на войну России с Украиной, что является преувеличением, усилением пафоса.

Перифраз:

Ukrainian freedom fighters: ВСУ не называются прямо, а описываются с помощью образного «защитники свободы», «борцы за свободу».

2) Риторические фигуры.

Анафора:

Putin is trying to destroy... Putin is destroying... Putin is wreaking havoc... (Путин пытается уничтожить... Путин уничтожает... Путин сеет хаос...): В. Путин предстаёт единственным ответственным за случившееся, война словно происходит по его инициативе и желанию.

Эпанортоза (самоисправление):

two and a half million – two and a half million in less than two weeks: оратор невольно поправляет свои же слова, что подчеркивает его удивление, даже шок.

Градация (нисходящая):

killed, injured or displaced – постепенное убывание трагизма ситуации;

more individuals and more companies... more people, more people... – обещание неизбежного возмездия.

Антитеза:

senseless invasion – bravery and determination: столкновение хаоса (Путин) и осмысленного мужества (Украина).

Пафос речи от 08.05.2022 г.:

1) Тропы.

Метафора:

the law of the jungle (закон джунглей): метафора хаоса и отсутствия международного права;

mantle of multilateral relativism (мантия многостороннего релятивизма): абстрактная концепция – одежда, скрывающая истинные намерения;

energy blackmail (энергетический шантаж): использование ресурсов как инструмента давления.

Метонимия:

soil (почва): используется для обозначения территории и суверенитета Европы.

Эпитет:

dramatic and striking way (драматичный и поразительный образ): усиливают эмоциональное восприятие войны;

undeniable vocation (неоспоримое призвание): подчеркивает предопределенность европейского пути Украины;

strategic resilience (стратегическая устойчивость): придает действиям ЕС долгосрочный характер.

2) Риторические фигуры

Антитеза:

aggressor on one side, Russia, and an aggressed on the other, Ukraine: четкое разделение ролей для создания моральных образов.

Литота:

some would have thought this unthinkable: мягкая форма признания того, что в единство ЕС изначально мало кто верил.

Пафос речи от 15.02.2023 г.:

1) Тропы.

Метафора:

weaponizing winter, food and hunger (превращая в оружие зиму, пищу и голод): перенос свойств оружия, способного убивать людей, на другие объекты; использование агрессором бедствий в качестве дополнительного источника силы;

polluting the public space (загрязняя публичное/общественное пространство): пропаганда и дезинформация представляются как нечто токсичное, пагубно воздействующее на окружающее пространство;

Russia continues to show its inhuman face (Россия продолжает демонстрировать своё бесчеловечное/нечеловеческое лицо): свойственное человеку переносится на государство.

Метонимия:

the Kremlin's ability (способность Кремля): имеется в виду руководство России.

2) Риторические фигуры.

Градация (восходящая): *inhuman kidnappings, deportations and forced adoption*.

Параллелизм: *those responsible for military activities, for political decisions, propaganda, and disinformation*.

Перифраз: *proxu authorities and so-called judges*.

Таким образом, риторическое (этическое и пафосное) представление публичных речей Ж. Борреля позволяет говорить об умеренно сформированной (т. е. в несколько обедненном, по сравнению с рядом европейских политиков того же уровня, виде) институциональной языковой личности этого политика. Названный анализ, по соображениям объема настоящей статьи, не включает исследования логосно-риторического аспекта дискурсивных практик данного политика, которое может дать более или менее полную картину его публичного имиджа.

Список литературы:

1. Боррель Ж. Выступление Верховного представителя Жозепа Борреля на пресс-конференции по итогам неформальной встречи лидеров ЕС в Версале, 11 марта 2022 г. [Электронный ресурс] // Европейская служба внешних связей (EEAS). URL: [Russia/Ukraine: Statement by High Representative/Vice-President Josep Borrell on the fourth package of restrictive measures | EEAS](#) (дата обращения: 23.05.2025).
2. Боррель Ж. Заявление Верховного представителя Жозепа Борреля по случаю годовщины полномасштабного вторжения России в Украину и 10-го пакета санкций, 15 февраля 2023 г. [Электронный ресурс] // Европейская служба внешних связей (EEAS). URL: [Russia/Ukraine: Press statement by High Representative/Vice-President Josep Borrell on the 10th package of sanctions against Russia | EEAS](#) (дата обращения: 23.05.2025).
3. Боррель Ж. Речь к Дню Европы: статья Верховного представителя / Вице-президента Жозепа Борреля, 9 мая 2022 г. [Электронный ресурс] // Европейская служба внешних связей (EEAS). URL: [The value of Europe: Statement by High Representative/Vice-President Josep Borrell on Europe Day | EEAS](#) (дата обращения: 23.05.2025).
4. Васильев Л. Г. Проблема речевого воздействия: отечественные и зарубежные подходы / Монография. Калуга: Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, 2016. 152 с.
5. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
6. Игумнова Л. О. Европейская дипломатия в период кризиса: подход Верховного представителя ЕС Жозепа Борреля в отношении России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24, № 4. С. 445–455.
7. Рождественский Ю. В. Теория риторики / Ю. В. Рождественский. М.: Добросвет, 1997. 597 с.
8. Рубинский Ю. И. Ценностные ориентиры Европы : доклады Института Европы № 297 / под ред. Ал. А. Громыко. М.: Институт Европы РАН, 2013. 91 с.
9. Сухарева О. Э. Западная риторическая традиция и проблема убедительности монолога (на материале публичной речи): Дис. ... канд. филол. наук. Калуга: Калужск. гос. пед. ун-т, 2010. 202 с.
10. Шкалина Г. Е. Европейские ценности: история формирования // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2020. Т. 6, № 1. С. 69–78.

УДК 81

О. А. Гусева

**СЕМИОТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ АГОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА
В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСУАЗИВНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ**

Аргументация вне ситуации чистого аргументирования, что чаще всего и имеет место в публицистике, принимает формы убеждения за счет влияния на восприятие событий экстралингвистической реальности, что обуславливает достаточно высокий потенциал паралогических средств и оперирования единицами, позволяющими неагрессивно модифицировать дискурсивное представление экстралингвистической реальности за счет референциальных сдвигов и смещения прагматического фокуса.

Ключевые слова: агональность; пейоративное отчуждение; негативная оценочность; косвенные речевые акты; прагматический сдвиг.

O. A. Guseva

**SEMIOTIC UNITS OF AGONAL CHARACTER
IN JOURNALISTIC PERSUASIVE ARGUMENTATION**

Argumentation outside the situation of pure argumentation, which is most often the case in journalism, takes the form of persuasion due to the fact that it influences the perception of extralinguistic reality, which determines a fairly high potential of paralogical means and the units that allow for non-aggressive patterns that modify the discursive representation of extralinguistic reality through referential shifts and a shift in pragmatic focus.

Keywords: agonism; pejorative alienation; negative evaluativeness; indirect speech acts; pragmatic shift.

Коммуникация в социальном пространстве в направлении от агентов дискурса к клиентам и маргиналам с неизбежностью диктует ориентир на интенсификацию персуазивности в ущерб конвинсивности, поскольку аудитория чаще всего характеризуется гетерогенностью своего состава, а также гетерохронностью и гетеротропностью своих пресуппозиций, в связи с чем у отправителя сообщения во-первых, нет оснований рассчитывать на одинаковую восприимчивость аудитории к рационально-логической аргументации, во-вторых, присутствует необходимость формирования долгосрочной и устойчивой к внешним воздействиям приверженности продвигаемой позиции, что требует оперирования паралогическими средствами и апелляции к надличностным образованиям. Указанная специфика наиболее свободно проявляется в тематике, затрагивающей вопросы второстепенной значимости. Если вопрос соотносится с непосредственными жизненными приоритетами и интересами целевой аудитории, она чаще всего обладает эмпирическим опытом и сформированными установками, что в совокупности на определенном отрезке времени дает высокий уровень закрытости в отношении внешних попыток дискурсивно модифицировать интерпретацию экстралингвистической реальности. При этом если вопрос имеет косвенное отношение к интересам аудитории, но тем не менее находится в пределах его аксиологического поля, аудитория более открыта к восприятию иных точек зрения, особенно если рассуждения отправителя сообщения подаются в полемическом ключе, имитируя общественное обсуждение.

Следует отметить, что в организации высказывания заметная детерминирующая роль принадлежит фактической интенции отправителя сообщения: как указывает В.З. Демьянков, стратегии, тактики, выбор более мелких единиц предопределяется наличием желания добиться чего-то от адресата или аудитории через создание условий для изменения мнений или же в основе высказывания лежит желание самоуспокоения, самопрезентации и иные личностные мотивы [2, с. 22]. Так, публицистика является авторской сферой, хотя проявления выраженности авторства варьируются, поэтому при рассмотрении публицистического текста необходимо учитывать и возможность иной мотивированности, нежели та, что считается в сообщении.

Публицистика в известной степени относится к дискурсам влияния, поскольку способствует формированию общественных настроений и представлений массовой аудитории о внериторической реальности, в связи с чем конституирующие составляющие общественной коммуникации (ориентация, интеграция, агональность) в их семиотическом измерении задействуются и в данной области, позволяя осуществлять референциальные сдвиги, смещать прагматический фокус и в конечном итоге переводить тезисы, требующие доказательств, в статус социального факта.

Е.И. Шейгал разделяет функциональные знаки, работающие в общественном дискурсивном пространстве на специализированные, относя к ним единицы в их прямом значении и назначении, и транспонированные, к которым причисляются единицы с семиотическим или прагматическим сдвигом. Последнее зачастую индуцируется при помощи актуализации соотношенности знака с маркерами компонентов «свой» и «чужой», которые являются фундаментальными для организации социума на разных уровнях. [4]. Таким образом, знак из одной категории может переходить в другую с подавлением референциального содержания.

Публицистика того сегмента, который направлен не на информирование, а на фатику, в основном, оперирует знаками интеграции и агональности, причем оба типа знаков так или иначе имплицитно указывают на наличие и характеристику противоположного полюса оппозиции: если целевая аудитория объединяется на основе моделирования компонента «свой», то подразумевается наличие «чужого» и наоборот, что, в свою очередь, предполагает наличие в тексте определенной доли агональности. Агональные знаки традиционно соотносятся с единицами вербальной агрессии, однако следует помнить, что дискурсивные конвенции накладывают ряд ограничений на агрессивные речевые действия и, например, открытая бранная инвектива возможна далеко не на всех информационных площадках. Фактически единственным приемлемым проявлением инвективности в публицистике является стигматизация, суть которой заключается в том, что единица лишается функции характеристики денотата и используется для обозначения социально неодобряемого качества вне зависимости от степени объективного его наличия. Л.О. Чернейко трактует слово-ярлык как «аксиологическое имя» [5, с.42], с чем можно согласиться с той оговоркой, что задействованная аксиологическая составляющая коррелирует исключительно с негативной оценочностью, поскольку в слово-ярлыке индуцируется отрицательная коннотация.

Таким образом, пользуясь классификацией Е.И. Шейгал, эксплетивная форма агональности в публицистике является маргинальным явлением, тогда как манипулятивная (основанная на изменении исходного смысла единицы) и имплицитная (косвенные формы выражения от синтаксических до номинативных, включая иронию и насмешку) широко практикуются [4, с. 310].

Агональные единицы обслуживают конфронтационное взаимодействие разных уровней, включая внешне неагрессивную полемику, и имеют направленность на понижение статуса оппонента. Прагматические заимствования из сферы бытового общения в виде вульгаризмов и обсценной лексики можно наблюдать только в низовом публицистическом сегменте и исключительно в интернет-пространстве. Поскольку данные знаки соотносятся с полюсом «чужой», для их реализации используются как графические маркеры отчуждения (кавычки, выделение шрифтом), так и речевые куда входят дейктические и полнозначные единицы с компонентом дистанцирования, маркеры недоверия, единицы с коннотацией пейоративного отчуждения (в частности, единицы умаления значимости объекта) [4, с. 164]. При этом тимнологическая оценка (оценочное ранжирование по параметру значимости, серьезности) зачастую актуализирует аксиологическую [3, с. 36], поскольку то, что оценено как несущественное или малозначимое, автоматически относится на периферию ценностных ориентаций. Кроме того, тимнологическая оценка именно в силу своей оценочной природы может сращиваться с пейоративным отчуждением и выстраивать деривационно-смысловую цепочку от нейтрального маркирования объекта в качестве несущественного до резко негативного оценивания.

В публицистике отправитель сообщения, с одной стороны, является агентом дискурса, поскольку обладает коммуникативной инициативой, а зачастую и монополией и транслирует смыслы ядра дискурса целевой аудитории, с другой стороны, редко является самостоятельным, но выступает посредником между социальными институтами и аудиторией, в силу чего не выступает агентом в полном смысле слова. Кроме того, публицистика позволяет сделать коммуникацию в определенном смысле обезличенной и в силу этого иллюзорно объективной – если речь не идет об авторских колонках или персональных каналах, читателю предлагается материал, где личность автора не находится в фокусе внимания ни в текстовом отношении, ни графически, что в свою очередь затрудняет атрибуцию сообщения как принадлежащего той или иной группе интересантов, стоящих за редакционной политикой издания или за конкретным автором. При этом публицист обладает определенной стилистической свободой и возможностью варьировать эмоциональность высказывания, вплоть до превращения текста в воззвание или юмореску, а опосредованный характер коммуникации позволяет выстраивать сообщение без учета фактора реакции оппонента, который накладывает известные ограничения при прямом взаимодействии.

В качестве примера рассмотрим материал, опубликованный в издании «МК Псков» и посвященный общественной дискуссии вокруг установки памятника князю Довмонту. Данный материал примечателен разнонаправленным вектором агональности, которая фактически обращена и против участников дискуссии с обеих сторон, и в чем-то даже против самого предмета дискуссии. Более традиционным является вариант, где публицистический материал через семиотическое маркирование группы «чужой» отстаивает интересы группы «свой», в данном же случае такого явного разделения нет. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что автор системно реализует аргументирование через игру слов и иронию как форму высмеивания, непрямую предикацию, косвенные речевые акты, т.е. через максимально сглаженную агональность. Высмеивание имеет компонент негативной оценки вне зависимости от степени его эксплицитной выраженности, а потому обслуживает ту же цель, что и специализированные агональные знаки, при этом, являясь косвенной формой выражения негативной характеристики объекта, и имеет не так много ограничений со стороны требований конвенциональных норм коммуникации в рамках того или иного

социального института. В тех случаях, когда высмеивание связано с аргументированием, оно чаще всего представлено такими средствами, как перифраз, умолчание, преувеличение, преуменьшение, сравнение, риторический вопрос в качестве основных, и использованием экспрессивной лексики, метафоры, метонимии, каламбура, повторов, параллельных конструкций, модальности, интонации в качестве вспомогательных средств [1: 153]. Автор рассматриваемого материала оперирует преимущественно средствами второго уровня, при этом следует отметить, что эти средства включаются в текст не спорадически, а с повышенной частотностью, что служит приращению смысла и концентрированию негативной оценки.

Заголовок статьи «Без шапки, зато в тапках: псковичи обсудили памятник князю Довмонту» в поверхностно нейтральной формулировке содержит отсылку к реплике автора памятника, который на вопрос о том, почему именно этот памятник должен быть установлен, парировал словами «кто раньше встал, того и тапки». Данная фраза в обиходном употреблении обозначает приоритет не по заслугам, таким образом, автор имплицитно указывает на отсутствие достоинств у памятника в сочетании с умением скульптора продвигать свои работы. В свою очередь форма утверждения фиксирует данную информацию как факт. Отдельно стоит остановиться на конструкции «псковичи обсудили», которая наводит читателя на мысль о представительных слушаниях и мнении большинства, таким образом, распределяя ответственность за принятое решение на всех жителей Пскова, хотя при дальнейшем чтении материала можно понять, что под «псковичами» подразумевается небольшая группа людей.

Материал построен через моделирование агональности на основе насмешливого тона и скепсиса, поскольку, как уже подчеркивалось, высмеивание представляет собой одно из наиболее безопасных средств выражения конфронтационности, т.к. в нем не содержится прямой инвективы, а имплицитные позиции допускают множественную интерпретацию, в связи с чем могут быть легко нивелированы предложением альтернативного прочтения. Интенция автора в высмеивании также размыта, что позволяет избежать обвинений в преднамеренном создании неблагоприятного образа объекта высказывания.

В материале упомянуты критики проекта, сторонники проекта совместно с авторами, а также непосредственно памятник.

Проиллюстрируем оперирование автором средствами агональности на примере выдержек из статьи: *«маститые псковичи...распереживались, что скульптор Андрей Мартьянов плоховато своего Довмонта одел. А скульптор им на это: кто девушку танцует – тот и заказывает ей халатик с перламутровыми пуговицами»*. В данном фрагменте мы видим обесценивание дискуссии через контраст между маркером статусности («маститые псковичи») и передачи предмета обсуждения через единицы разговорного стиля («распереживались», «плоховато»), попутно смещая фокус внимания с предмета обсуждения на субъективные позиции критиков, т.к. указана их эмоция, вызванная недетализированным стимулом – «плоховато» можно интерпретировать предельно широко, в то время как претензии критиков относились к категорической недостоверности облачения, не имеющего прецедентов в истории. Иронический контекст создается за счет соединения перефразированной прецедентной конструкции из анекдота и прецедентной фразы из фильма, причем графическое оформление указывает на то, что имеет место не цитирование, а именно авторская интерпретация реплик участников дискуссии. При этом отсылка к анекдоту не так безобидна, поскольку имплицитно, во-первых, обладание субъектом как объектом, а во-вторых, в сочетании со второй отсылкой создает фривольный контекст, запуская механизм

тимиологической оценки. Деривационно-смысловая цепочка агональной направленности запускается и через отсылки к другим единицам прецедентного характера: «...не унимались псковские общественники, продолжая вносить правки в проект в духе мемных приёмщиков творческого заказа». Использование маркера статусности задействовано также в фрагменте «Дмитрий Пославский только велел передвинуть куда-нибудь детскую площадку...»: говорящий не наделен соответствующими полномочиями, поэтому выбор единицы «велел» создает эффект иронии.

Автор несколько раз употребляет слово «звезды» в отношении представителей общественности: «звезды сошлись», «ни одна звезда с другой на общественных слушаниях не подрались», «собрали всех псковских звезд», однако включает эту единицу в скептический контекст, что делает единицу «звезды» пейоративно маркированным компонентом.

В пассаже «Краткое обоснование необходимости установки в Пскове памятника Довмонту свелось к тому, что князь был: - «просто огонь»; - «кремень»; - «кругом герой»; - «канонизирован на 150 лет раньше самого Александра Невского»; - «имея такую власть, дал развиться псковскому вече» просторечная формулировка аргументов за памятник (последовательная просторечность наводит на мысли о том, что элементы в кавычках не являются прямым цитированием высказанных мнений), а также их эмоционально-оценочный характер вкупе с аргументацией через народные представления, а не через фактологию работает на понижение уровня экспертности суждения участников встречи, формируя генерализованное представление о них как о низкостатусной профанной группе.

Индивидуализированные референции в статье также последовательно используют мягкие средства агональности: так, во фразе «...доктор наук, главный довомонтовед Валентина Охотникова пригрозила им еще одной лекцией про Довмонта» несмотря на формально уважительное указание научного звания, автор выражает ироничное отношение к оратору через номинацию «довмонтовед» и «пригрозила» в отношении серьезного просветительского мероприятия. При этом В. И. Охотникова является крупным специалистом по древнерусской литературе, в том числе осуществляла перевод и комментирование памятника 14 в. «Сказание о Довмонте», что говорит об отсутствии объективных оснований для скепсиса в ее адрес. Сходный способ именованья лиц применяется и к другому участнику: «Вот и монах Антоний от лица Псковской митрополии сказал... владыка видел эскизы и одобряет». Подчеркнутое пренебрежение правилами оформления сана и именованья монашествующего (фамилия монашествующего лица указывается после имени в скобках) переводит цитируемого в разряд обезличенных условных персонажей наподобие Иван Иванов. При этом ссылка на позицию главы Псковской митрополии обозначена не как цитирование слов представителя епархии, а как выбранная автором номинация, что также создает стертый эффект фамильярности, поскольку является обиходным обращением в кругах верующих к архиерею на ближней коммуникативной дистанции, для официальной светской хроники это все же «глава Псковской митрополии», «митрополит Псковский и Порховский Матфей».

«Назло маме отморожу уши» озаглавлен раздел статьи, посвященный вопросу отсутствия головного убора на скульптурном князе. Идиоматическая конструкция конвенционально означает, что шапка в реальности необходима, а упорства в протестных тактиках приведет к причинению вреда себе же. Однако дальнейший текст высмеивает тех, кто настаивал на принципиальности головного убора. Таким образом, в подаче автора и памятник с непокрытой головой – неуместен, а упорство в отсутствии убора неконструктивно, и те, кто требует покрытой головы – нелепы в своих претензиях.

В статье также представлены иронические номинации, которые являются способом соединить насмешку и инвективность: *«Тогда на помощь Мартьянову бросились ныне здравствующие свидетели Довмонта из числа участников слушаний. Один такой попаданец из прошлого вдруг начал подробно расписывать публике... Андрей Мартьянов, конечно, поблагодарил очевидцев за такие подробности»*. Поскольку князь Довмонт – деятель 13 в., и это известно всем жителям Пскова, то именование тех, кто озвучивал исторические данные «свидетелями Довмонта» и «очевидцами», сообщившими «такие подробности», служит не сообщению пропозиции, а реализации пейоративного отчуждения, таким образом через отношение к выступавшим формируется и отношение к озвучиваемым ими претензиям. Номинация «попаданцы из прошлого» усиливает этот эффект, имея дополнительные ассоциации с жанром фантастической литературы, и переводит озвучиваемые конкретно-исторические соображения на уровень фэнтези.

Автор прибегает также к манипулированию фактологической составляющей, граничащей с диффамацией, и также задействующей механизмы отчуждения: *«...по-настоящему любить свою малую родину человек, по мнению Андрея, научается, только когда оказывается за её пределами. Вот, например, его самого «судьбинушка» в своё время забросила в Афганистан – и готово дело», «Мартьянов, когда уехал в Санкт-Петербург, сразу стал настоящим псковичом»*. Юридическое понимание диффамации предполагает ограничение на законное распространение информации, в данном случае сочетается факт, имевший место – переезд, военная служба – а затем деятельность, последовавшая за этими событиями, подается как их прямой коррелят, при этом будучи окрашенной насмешливой тональностью, создаваемой комплексом из графических маркеров, словообразовательных моделей, просторечных оборотов и косвенных речевых актов.

Также в статье активно применяются кавычки, либо не обусловленные необходимостью цитирования, либо прикрывающиеся цитированием, т.к. приводится незначительный смысловой элемент, не требующий дословного воспроизведения: *«мы тут прикинули», сколько это стоит... его самого «судьбинушка» в свое время забросила..., и так, дескать, «заждались»*. Обильно представлены и маркеры недоверия («мол», «дескать» в значении «якобы»)

Завершение статьи *«Но лучшая цитата с этих слушаний вот: «Да им всем надо памятники поставить, кто это инициировал!»* содержит обесценивание непосредственно феномена памятника массовостью и интерпретацию через фразеологизм, подразумевающий не фактическое возведение монумента, а заметное чествование в иных формах, а также через размытие референциального ядра местоимением «это». Вынесение в завершающую, а потому привлекающую внимание и запоминающуюся часть материала данной цитаты имплицитно подразумевает наличие у участников интересов иных, нежели прославление исторического персонажа достойным способом, и в некоторой степени объясняет скептический настрой автора в отношении состоявшейся дискуссии.

Таким образом, с одной стороны, речевые действия автора направлены на понижение статуса всех участников обсуждения и на обесценивание предмета обсуждения, в том числе через тимиологическую оценочность, с другой, ироничный тон, обильная на грани злоупотребления игра слов и освещение вопроса без приведения конвинсивной аргументации и фактологической основы позволяют аудитории не воспринимать данный текст как полемический или отстаивающий интересы какой-то конкретной стороны, оставляя возможность

трактовки элементов высмеивания в свою пользу, т.к. инференциальная цепочка от формы к функции в данном случае позволяет множественную интерпретацию.

Список литературы:

1. Волкова Н. А. Высмеивание и аргументирование: проблема взаимодействия речевых жанров: Дисс. ...к.филол.н. Калуга, 2005. 187 с.
2. Демьянков В. З. Эффективность аргументации как речевого воздействия // Проблемы эффективности речевой коммуникации. Сборник обзоров. М.: ИНИОН, 1989. С. 13–40.
3. Пеньковский А. Б. Тимиологические оценки и их выражение в целях уклоняющегося от истины умаления значимости // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С. 36–40.
4. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. – Волгоград: Перемена, 2000. 386 с.
5. Чернейко Л. О. Порождение и восприятие межличностных оценок // Филологические науки, 1996. №6. С. 42–53.

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 81+316.614

А. В. Кууз**АТРИБУЦИЯ КАК КОНСТРУКТ АРГУМЕНТАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ**

В статье на материале интервью американских президентов Д. Трампа и Дж. Байдена исследуется атрибуция как системный дискурсивный конструкт аргументативной стратегии. Анализируются лингвистические механизмы реализации диспозиционной (внутренней) и ситуативной (внешней) атрибуции: активный и пассивный залог, личные местоимения, оценочная номинация. Выявляются корреляции между грамматическим оформлением высказывания и аргументативной функцией (легитимация / делегитимация). Показано, что различия в атрибуционных стратегиях Д. Трампа и Дж. Байдена отражают их идеологические установки: модель «героя-одиночки» versus модель «мудрого администратора».

Ключевые слова: атрибуция; диспозиционная атрибуция; ситуативная атрибуция; политическое интервью; аргументативная стратегия; пассивный залог; легитимация; идеологический дискурс.

A. V. Kuuz**ATTRIBUTION AS A CONSTRUCT OF ARGUMENTATIVE STRATEGY
IN POLITICAL INTERVIEW**

Based on interviews with U.S. Presidents D. Trump and J. Biden, the article examines attribution as a systemic discursive construct of argumentative strategy. The author analyzes linguistic mechanisms of dispositional (internal) and situational (external) attribution: active and passive voice, personal pronouns, evaluative nomination. Correlations are identified between the grammatical structure of an utterance and its argumentative function (legitimation / delegitimation). It is demonstrated that differences in the attributional strategies of D. Trump and J. Biden reflect their ideological orientations: the «lone hero» model versus the «wise administrator» model.

Keywords: attribution; dispositional attribution; situational attribution; political interview; argumentative strategy; passive voice; legitimation; ideological discourse.

В современной политической коммуникации жанр интервью занимает особое место, поскольку именно в этом институциональном диалоге с асимметрией ролей наиболее отчетливо проявляются инструменты конструирования каузальной интерпретации событий. Как справедливо отмечает Л. Васильев, «выбор языковых средств никогда не бывает нейтральным: он предопределяет каузальную интерпретацию события» [1]. В ситуации экономической нестабильности, пандемии и международных конфликтов ответ политика на вопрос о причинах происходящего представляет собой не столько отражение объективной реальности, сколько её дискурсивное конструирование посредством грамматических и лексических средств. Настоящее исследование посвящено лингвистическим инструментам, с помощью которых атрибуция – приписывание причин событиям и действиям – функционирует в качестве конструкта аргументативной стратегии в политическом интервью. Аtribuция понимается при этом не как спонтанный когнитивный процесс, а как осознанный дискурсивный инструмент, интегрированный в аргументативную структуру высказывания.

Теоретической основой исследования служит фундаментальная дихотомия, восходящая к работам Г. Келли и Б. Вайнера [4; 10]. Диспозиционная (внутренняя) атрибуция

объясняет события личностными качествами, намерениями или компетенцией актора; ситуативная (внешняя) атрибуция объясняет события стечением обстоятельств, давлением внешней среды или действиями третьих лиц [4]. Б. Вайнер, развивая эту дихотомию, добавил к ней измерение стабильности и контролируемости, показав, что субъекты склонны приписывать успех внутренним стабильным факторам (способностям), а неудачи – внешним нестабильным факторам (невезению или давлению обстоятельств) [10]. Как показано в работах калужской школы лингвистической аргументологии, в частности в исследованиях Л. Васильева, посвящённых семантико-грамматической силлогистике, «активная агентная конструкция с первым лицом единственного числа является наиболее сильным маркером персональной каузальности в английском языке» [2]. В политическом интервью, которое представляет собой институциональный диалог с асимметрией ролей и установкой на публичность, выбор между диспозиционной и ситуативной атрибуцией становится осознанным аргументативным ходом, направленным на легитимацию собственной позиции или делегитимацию оппонента.

Политические интервью Д. Трампа являются показательным кейсом для изучения диспозиционной атрибуции успеха. В интервью Fox News с Л. Ингрэм, транслировавшемся 31 августа – 1 сентября 2020 года, Д. Трамп демонстрирует характерную стратегию присвоения успеха. Комментируя ситуацию в Кеносе (Висконсин), где после инцидента с Дж. Блейком вспыхнули протесты, Д. Трамп заявляет: «*We demanded that they send in the National Guard. Called the governor... I ultimately put in where we had 1,000 people and we put it out quickly. You wouldn't have Kenosha right now*» [3]. В данном фрагменте обращают на себя внимание активный залог с первым лицом («*We demanded*», «*I ultimately put in*»), присвоение каузальности – именно действия Д. Трампа, согласно его версии, спасли город, а также полная элиминация институциональных факторов. Тот факт, что губернатор Эверс привёл Национальную гвардию в действие ещё 24 августа, за несколько дней до интервью, полностью опускается. Однако с точки зрения аргументативной стратегии значима не истинностная оценка высказывания, а сам конструкт атрибуции: Д. Трамп систематически конструирует образ лидера, который единолично вмешивается и исправляет ситуацию. В том же интервью Д. Трамп использует диспозиционную атрибуцию для оценки компетенции оппонента. На вопрос о ментальной пригодности Дж. Байдена к президентству Д. Трамп отвечает: «*I'd say he's not competent to be president. To be president, you have to be sharp and tough... Joe doesn't know he's alive, OK? He doesn't know he's alive*» [3]. Здесь диспозиционная атрибуция направлена на приписывание оппоненту устойчивого негативного качества – некомпетентности и отсутствия когнитивной ориентации. Показательно, что Д. Трамп не анализирует конкретные действия или решения Дж. Байдена, а апеллирует к его фундаментальному личностному дефициту. Это полностью соответствует модели атрибуции, описанной Б. Вайнером: успех приписывается себе, неудачи и недостатки – другим [10].

В интервью Fox News от 9 сентября 2020 года, комментируя разоблачения из книги Б. Вудворда, Д. Трамп продолжает ту же стратегию, но уже применительно к собственному управлению пандемией: «*I am a cheerleader for this country. I love our country. And I don't want people to be frightened, I don't want to create panic... We want to show confidence. We want to show strength. We want to show strength as a nation. And that's what I have done*» [6]. В данном фрагменте атрибуция успеха в управлении кризисом строится через метафору «чирлидера» – лидера, который своим присутствием и оптимизмом меняет ситуацию. Грамматически значим переход от первого лица единственного числа («*I am a cheerleader*», «*I love*», «*I don't*

want») к первому лицу множественного числа («*We want to show strength*»), который создаёт эффект единства лидера с нацией при сохранении за ним роли инициатора. Наряду с присвоением успеха, Д. Трамп активно использует ситуативную атрибуцию для объяснения неудач и критики предшественников. В интервью Fox News от 16 ноября 2020 года, комментируя ситуацию в Афганистане, Д. Трамп заявляет: «*I would love to just get out. The problem is, it just seems to be a laboratory for terrorists... I call it the Harvard of terrorists*» [5]. В данном случае атрибуция причин затягивания военного присутствия осуществляется через ситуативную ссылку на объективные условия – Афганистан как «лаборатория террористов». Однако ключевым элементом является присвоение себе инициативы в решении проблемы: «*We want to get out. It's a very difficult decision. 19 years. We should not have been there for 19 years*» [5]. Вина за длительность присутствия имплицитно атрибутируется предшественникам (ситуативная атрибуция), тогда как желание вывести войска и само признание сложности решения – себе (диспозиционная атрибуция). Следует отметить, что в верифицированных источниках по интервью Д. Трампа преобладает стратегия, которую можно определить как бинарную атрибуцию: «я – причина успеха, другой (или объективные обстоятельства) – причина неудачи». При этом Д. Трамп редко использует пассивный залог для элиминации агента; напротив, он предпочитает активные конструкции с чётко маркированным субъектом действия. Это соответствует модели «героя-одиночки», который присваивает успех и не делит его с институтами.

Аргументативная стратегия Дж. Байдена строится принципиально иначе – не вокруг триумфа и единоличного действия, а вокруг тяжести унаследованных проблем, длительности усилий и институциональной ответственности. Наиболее репрезентативным источником для анализа является интервью ABC News Дж. Стефанопулосу от 16 марта 2021 года. Отвечая на вопрос о кризисе на границе с Мексикой, Дж. Байден использует развёрнутую ситуативную атрибуцию: «*Well, first of all, there was a surge the last two years. In '19 and '20 there was a surge as well*» [7]. Указывая на то, что проблема существовала и до его президентства, Дж. Байден переводит фокус с собственных действий на объективную преемственность кризиса. Далее он конкретизирует: «*What you have to do is you have to try to get control of the mess that was inherited. And the way to get control of the mess that was inherited...*» [7]. Пассивная конструкция «*was inherited*» и лексема «*mess*» (беспорядок) выполняют двойную функцию: они элиминируют агента, создавшего проблему (предыдущую администрацию), но одновременно имплицитно указывают на него. Это более мягкая форма делегитимации по сравнению с прямыми ярлыками Д. Трампа. Ключевым отличием Дж. Байдена является атрибуция не успеха, а бремени ответственности. В том же интервью он говорит о решении проблемы детей-мигрантов, оставшихся без сопровождения взрослых: «*What do you do with an unaccompanied child that comes to the border? Do you repeat what Trump did? Take them from their mothers, move them away, hold them in cells, etcetera? We're not doin' that*» [7]. Здесь Дж. Байден не приписывает себе заслугу в решении проблемы, а конструирует моральную дилемму: его действия – не проявление силы, а этический выбор, противопоставленный действиям предшественника. Диспозиционная атрибуция направлена не на успех, а на моральное оправдание решения. С точки зрения теории Г. Келли, Дж. Байден использует атрибуцию, основанную на высокой консенсусности (многие администрации сталкивались с этой проблемой) и высокой различимости (ситуация на границе отличается от других политических проблем) [4].

В интервью NBC News от 30 апреля 2021 года Дж. Байден продолжает эту стратегию, заявляя: «*We inherited one god-awful mess at the border... the failure to have a real transition – cooperation from the last administration, like every other administration has done*» [8]. Здесь ситуативная атрибуция прошлому («мы унаследовали бардак», «отсутствие сотрудничества со стороны предыдущей администрации») позволяет легитимировать собственные действия без прямой конфронтации. В том же интервью Дж. Байден использует пассивный залог для критики: «*A lot of promises were made that weren't kept. That's what I inherited*» [8]. Пассивный залог «*were made, weren't kept*» размывает субъект действия: обещания были даны, но кем? Это позволяет имплицитно критиковать предшественника, не называя его прямо. Особого внимания заслуживает интервью Дж. Байдена ABC News от 18 августа 2021 года, в разгар афганского кризиса. Отвечая на вопрос о выводе войск, Дж. Байден говорит: «*If there are American citizens left, we're going to stay until we get them all out*» [9]. Множественное число «*we're going to stay*» распределяет ответственность между администрацией, а не концентрирует её на одном лице. В том же интервью Дж. Байден использует пассивную конструкцию: «*Decisions were made by the previous administration that put us in this position*» [9]. Причинно-следственная связь перекладывается на обезличенные «решения», принятые в прошлом. Агент здесь всё же назван («*the previous administration*»), но вынесен во вторую позицию, а грамматический центр предложения остаётся за пассивным глаголом. Эта стратегия соответствует модели Б. Вайнера, где неудача атрибутируется внешним, нестабильным и контролируемым другим агентом, что снижает ответственность текущего актора [10].

Проведённый анализ позволяет выделить две ключевые функции атрибуции в жанре политического интервью. Первая функция – легитимация, обоснование права на власть. У Д. Трампа она реализуется через диспозиционную атрибуцию успеха с активным залогом и первым лицом единственного числа [3; 6]. У Дж. Байдена – через ситуативную атрибуцию прошлому с пассивным залогом и указанием на институциональную преемственность [7; 8]. Вторая функция – делегитимация оппонента, перенос ответственности за негатив. Д. Трамп прибегает к прямым диспозиционным ярлыкам, приписывая оппоненту устойчивые негативные качества («некомпетентен», «не знает, жив ли он») [3]. Дж. Байден – к эвфемистическим пассивным конструкциям с указанием на институциональные провалы предыдущей администрации («были приняты решения», «были даны обещания», «был унаследован бардак») [8; 9]. Атрибуция в политическом интервью не является спонтанной психологической реакцией. Это осознанный конструкт аргументативная стратегия, который напрямую связан с идеологическими установками политика. Д. Трамп, представляющий консервативно-либертарианскую идеологию, последовательно использует диспозиционную атрибуцию успеха и ситуативную атрибуцию неудач. Его идеологическая логика: индивид ответственен за свою судьбу, а государство и обстоятельства лишь мешают. Дж. Байден, представляющий либерально-институционалистскую идеологию, использует ситуативную атрибуцию прошлого и диспозиционную атрибуцию тяжести решений. Его идеологическая логика: индивид действует в системе структурных ограничений, а государство – инструмент коллективного действия.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, один и тот же факт может быть представлен как результат личного героизма, институциональной неэффективности или унаследованного кризиса; выбор грамматической конструкции представляет собой аргументативное решение. Во-вторых, атрибуция в политическом интервью представляет собой не спонтанную психологическую реакцию, а

осознанную аргументативную стратегию, программируемую на уровне грамматики и лексики. В-третьих, существует чёткая корреляция: при описании успеха у Д. Трампа доминирует диспозиционная атрибуция с активным залогом и первым лицом единственного числа; при описании кризиса у Дж. Байдена доминирует ситуативная атрибуция с пассивным залогом и указанием на внешние силы (предыдущую администрацию). В-четвёртых, различия между Д. Трампом и Дж. Байденом – это не стилистические особенности, а две модели лидерства, закодированные в языке: «герой-одиночка» против «мудрого администратора», что полностью согласуется с фундаментальной ошибкой атрибуции.

Список литературы:

1. Васильев Л. Г. Аргументативные стратегии в политическом дискурсе: семантико-грамматический аспект // Вестник Калужского университета. Серия «Лингвистика и аргументология». 2021. № 2. С. 65–78.
2. Васильев Л. Г. Семантико-грамматическая силлогистика: активные и пассивные конструкции в английском политическом интервью. Калуга: Издательство КГУ, 2020. 184 с.
3. FactCheck.org. Trump's Kenosha Visit Stretches the Facts [Электронный ресурс]. 2020. 1 September. URL: <https://www.factcheck.org/2020/09/trumps-kenosha-visit-stretches-the-facts/> (дата обращения: 06.04.2026).
4. Kelley H. H. Attribution Theory in Social Psychology // Nebraska Symposium on Motivation / ed. by D. Levine. Lincoln: University of Nebraska Press, 1967. Vol. 15. P. 192–238.
5. Full Interview: President Trump on Afghanistan, COVID-19 and the 2020 Election [Электронный ресурс]. 2020. 16 November. URL: <https://www.nbcnews.com/politics/donald-trump/full-interview-president-trump-afghanistan-covid-19-2020-election-n1247993> (дата обращения: 06.04.2026).
6. Full Interview. Transcript of President Trump's Interview with Bob Woodward [Электронный ресурс]. 2020. 9 September. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-bob-woodward-interview-transcript-september-9-2020> (дата обращения: 29.03.2026).
7. Full Interview. President Joe Biden's Exclusive Interview with George Stephanopoulos [Электронный ресурс]. 2021. 16 March. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/joe-biden-exclusive-interview-george-stephanopoulos-full-transcript/story?id=76495678> (дата обращения: 29.03.2026).
8. Full Interview. President Biden's First Formal Press Conference: Full Transcript [Электронный ресурс]. 2021. 30 April. URL: <https://www.nbcnews.com/politics/white-house/president-biden-s-first-formal-press-conference-full-transcript-n1262236> (дата обращения: 29.30.2026).
9. Full Interview. President Biden on Afghanistan: Exclusive Interview with George Stephanopoulos [Электронный ресурс]. 2021. 18 August. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/president-biden-afghanistan-exclusive-interview-george-stephanopoulos/story?id=79534646> (дата обращения: 29.03.2026).
10. Weiner B. An Attributional Theory of Motivation and Emotion. New York: Springer-Verlag, 1986. 304 p.

УДК 81

М. Ю. Романовская, Л. Г. Васильев
К ЯЗЫКОВЫМ СРЕДСТВАМ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТОСА, ПАФОСА И ЛОГОСА
В ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЧАХ БАРАКА ОБАМЫ

Статья посвящена анализу языковых средств и стратегий формирования этоса, пафоса и логоса в ключевых политических речах Барака Обамы: инаугурационных выступлениях 2009 и 2013 годов, речи «A More Perfect Union», выступлении на 50-летие марша в Сельме и прощальной речи 2017 года. Исследование выявляет, как этос конструируется через сакрализацию национальных ценностей, историческую преемственность и коллективную идентичность; как пафос обеспечивает эмоциональную консолидацию и мобилизацию аудитории; и как логос выстраивается через диалектические конструкции, причинно-следственные связи и рациональное обоснование политических решений.

Ключевые слова: этос; пафос; логос; политические речи; риторика; языковые средства.

M. Yu. Romanovskaya, L. G. Vasilev
ON LINGUISTIC MEANS OF CONSTRUCTING ETHOS, PATHOS AND LOGOS
IN THE POLITICAL SPEECHES OF BARACK OBAMA

The paper examines linguistic strategies for constructing ethos, pathos and logos in Barack Obama's key political speeches: the inaugural addresses of 2009 and 2013, «A More Perfect Union», the 50th Anniversary of the Selma to Montgomery March speech, and the 2017 farewell address. The study explores how ethos is constructed through sacralization of national values, historical continuity, and collective identity; how pathos ensures emotional consolidation and audience mobilization; and how logos is built through dialectical structures, cause-and-effect relations, and rational justification of political decisions.

Keywords: ethos; pathos; logos; political speeches; rhetoric; linguistic strategies.

Эпидейктический дискурс как особая форма риторической коммуникации восходит к античной традиции и представляет собой самостоятельный род публичного красноречия, ориентированный на утверждение, легитимацию и воспроизводство ценностного консенсуса в обществе. В отличие от судебного и совещательного родов, эпидейктическая речь направлена преимущественно на настоящее время и выполняет оценочную функцию, выражающуюся в похвале или порицании социально значимых качеств, поступков и идеалов. Уже в аристотелевской «Риторике» эпидейктика осмысливается не как вторичный или декоративный жанр, а как инструмент формирования представлений о добродетели, благе и прекрасном, которые выступают нормативной основой общественной жизни [1, с. 135–140].

Аристотель подчеркивает, что предметом эпидейктической речи являются устойчивые качества характера и их проявления, значимые не только для индивида, но и для полиса в целом [1, с. 141–145]. Добродетель в этом контексте приобретает социальное измерение, а благо осмысливается как общественно значимая ценность, отражающая коллективные идеалы [1]. При этом критерии добродетели и прекрасного зависят от исторического и культурного контекста, что позволяет рассматривать эпидейктический дискурс как гибкий механизм риторического воздействия, адаптирующийся к ценностным установкам конкретного общества [10]. Структурно эпидейктическая речь организуется таким образом, чтобы установить

ценностный контакт с аудиторией, продемонстрировать соответствие объекта общественным идеалам и усилить эмоциональное воздействие через выразительные риторические приемы [13].

В римской риторической традиции эпидейктика получает дальнейшее развитие в трудах Цицерона, который связывает её с практикой политической и гражданской коммуникации [11]. В отличие от греческого акцента на теоретическом осмыслении, Цицерон подчеркивает прикладной характер эпидейктического дискурса, его роль в формировании общественного мнения и гражданской идентичности [11, с. 72–78]. Похвала направляется не на абстрактные добродетели, а на их воплощение в служении государству, а обращение к *exempla maiorum* превращает эпидейктику в инструмент политической мобилизации [11]. Эпидейктическая речь понимается как целостное риторическое действие, включающее композицию, стиль, голос, жест и телесную экспрессию, а художественное совершенство речи становится самостоятельной ценностью [11].

Современные теории эпидейктического дискурса существенно расширяют классическое понимание его функций. В интерпретации Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Тытека, а также Дж. Хаузера эпидейктика рассматривается как механизм конструирования социальной реальности и коллективных идентичностей [9; 13]. Эпидейктический дискурс не только отражает ценности, но и активно формирует их через систему общих мест, бинарных оппозиций и символических репрезентаций, создавая эффект универсальной аудитории и общепризнанных норм [9, с. 50–55]. В условиях медиатизированного политического пространства эпидейктика утрачивает исключительно церемониальный характер и превращается в инструмент легитимации, мобилизации и ценностного программирования [12; 14].

Ключевую роль в реализации эпидейктической функции играют языковые и риторические средства, обеспечивающие трансляцию абстрактных ценностей в эмоционально насыщенные и когнитивно доступные формы [6; 14]. Оценочная лексика, метафоры, параллельные конструкции, риторические вопросы и исторические аллюзии формируют аксиологический каркас дискурса и способствуют идентификации аудитории с провозглашаемыми идеалами [16]. В терминах К. Берка эпидейктический дискурс опирается прежде всего на стратегию идентификации, создавая ощущение символического единства между оратором и аудиторией через инклюзивные формы и коллективные образы [4, с. 55–60].

Оценочность, как показывает Н. Д. Арутюнова, является фундаментальным элементом языкового сознания и выполняет перформативную функцию, формируя иерархии «хорошего» и «плохого» в соответствии с культурно обусловленной моделью общества [3, с. 67–70]. Центральной смысловой осью эпидейктического дискурса выступают бинарные оппозиции типа «честь/стыд», «слава/позор», реализуемые через устойчивые метафоры и риторические топосы [2; 6]. Метафора, в трактовке Дж. Лакоффа и М. Джонсона, выполняет не декоративную, а когнитивную функцию, структурируя ценностные представления и обеспечивая эмоциональное вовлечение аудитории [8, с. 25–30]. Через онтологические, ориентационные и структурные метафоры эпидейктика формирует готовые аксиологические шкалы и модели коллективного восприятия [8].

Таким образом, эпидейктический дискурс в современном политическом контексте предстает как сложная система риторических и лингвистических механизмов, направленных на конструирование ценностей, идентичностей и моделей социального поведения. Сохраняя связь с античной риторической традицией, эпидейктика трансформируется в инструмент символической интеграции, легитимации власти и консолидации общества, что делает

её особенно значимой для анализа президентского дискурса США, в том числе речей Барака Обамы.

В президентских речах Барака Обамы эпидейктический потенциал дискурса последовательно реализуется через конструирование этоса, основанного на сакрализации национальных ценностей, исторической преемственности и коллективной идентичности. Уже в инаугурационной речи 2009 года политическое высказывание оформляется как моральный акт: обращение к библейскому тексту и религиозно маркированным формулам придает политическим принципам статус нравственных императивов, не подлежащих сомнению. Принципы равенства, свободы и ответственности репрезентируются как «данные свыше», а апелляция к Конституции и отцам-основателям легитимирует современную политическую программу как продолжение национальной миссии, а не её пересмотр.

Эпидейктическая функция усиливается через инклюзивную риторику, формирующую образ нации как единого исторического субъекта. Формулы, отсылающие к преамбуле Конституции, устраняют дистанцию между оратором и аудиторией, а метафора пути интерпретирует американскую историю как коллективное моральное усилие, основанное на стойкости, ответственности и верности идеалам. Во второй инаугурационной речи эта стратегия получает развитие через развернутые анафорические конструкции с притяжательным местоимением *our*, охватывающие широкий спектр социальных групп. Восхваление направляется не на отдельные общности, а на сам принцип включённости, что позволяет представить социальные изменения как форму верности базовым ценностям, а не разрыв с традицией.

В речи *A More Perfect Union* эпидейктическая функция проявляется в сакрализации национального канона через цитирование преамбулы Конституции и использование архаизированной ритмики первоисточника. Признание рабства как «первородного греха» через теологически маркированную метафору формирует этос моральной ответственности и создает основание для коллективного примирения. Симметричное признание эмоций различных социальных групп снижает уровень поляризации и переводит конфликт в пространство ценностной стабилизации, где эпидейктический дискурс выполняет интегративную функцию.

Аналогичные стратегии реализуются в выступлениях, посвящённых годовщинам марша в Сельме, где эпидейктическая коммуникация строится на сакрализации пространства памяти. Историческая градация, библейские цитаты и гимнические формулы превращают конкретное событие в символ национального морального опыта, закрепляя борьбу за гражданские права как фундаментальную ценность американской демократии. Конструирование этоса хранителя традиции сочетается с этосом объединителя нации: через анафорические конструкции типа *We are...* формируется инклюзивный пантеон американской идентичности, объединяющий разные поколения, расы и социальные роли. Связывание формул *We the People*, *We Shall Overcome* и *Yes We Can* создает эффект ценностной преемственности, соединяя конституционный канон, движение за гражданские права и современный политический дискурс.

При этом эпидейктический дискурс Обамы не ограничивается символическим восхвалением прошлого. Он дополняется элементами прагматического реализма: признание нерешенных проблем и диалектические конструкции, избегающие крайностей, формируют образ лидера, обладающего практической мудростью. Такое сочетание сакрализации истории, инклюзивного восхваления и рациональной оценки настоящего позволяет эпидейктической речи выполнять функцию моральной консолидации общества.

Эпидейктическая функция пафоса особенно отчетливо проявляется в инаугурационной речи 2009 года, произнесённой в условиях системного кризиса. Негативные эмоциональные сценарии, описывающие экономический упадок и социальную нестабильность, формируют чувство коллективной уязвимости и сопричастности национальной травме. Однако в логике эпидейктической риторики пафос не служит самоцелью: через оппозицию *hope over fear* эмоциональное напряжение переводится в плоскость нравственного выбора, где надежда выступает как ценностный ориентир, связанный с гражданской ответственностью.

Ключевым механизмом социальной консолидации становится использование инклюзивных местоимений *we* и *our*, формирующих образ единого субъекта исторического действия. Нарративная организация речи, основанная на апелляции к коллективной памяти и жертвенности предыдущих поколений, превращает историю в ресурс моральной легитимации настоящего. Сакральный язык и религиозные формулы усиливают эпидейктический эффект, переводя демократические принципы в разряд духовных ценностей, не требующих рационального доказательства.

В инаугурационной речи 2013 года пафос сохраняет эпидейктическую направленность, однако смещается от кризисной мобилизации к закреплению ценностных ориентиров. Через бинарные аксиологические оппозиции свободы и несправедливости, равенства и дискриминации, единства и разобщенности формируется нормативная картина социальной реальности. Таким образом, пафос в президентском дискурсе Обамы выступает не автономной эмоциональной стратегией, а инструментом утверждения коллективных ценностей и устойчивой демократической идентичности.

Речь *A More Perfect Union* демонстрирует наиболее сложную реализацию пафоса как механизма эмоционального и морального выравнивания общества. Обращение к метафоре «первородного греха» придаёт проблеме расового неравенства экзистенциальное измерение, переводя социальный конфликт в плоскость коллективной исторической ответственности. Признание гнева и напряжения между расовыми группами соответствует перельмановскому принципу придания эмоциям «присутствия» (*présence*): чувства не вытесняются, а получают легитимную форму, становясь предметом публичного осмысления [9, с. 116–118]. Снижение эмоционального напряжения достигается через личный нарратив и «малые истории», в частности эпизод с Эшли Баии, где абстрактный конфликт конкретизируется через человеческий опыт [19]. Контраст между формулами *not enough* и *where we start* формирует эмоциональный перелом, в котором страдание трансформируется в надежду.

Сакрализация политического содержания в речах Барака Обамы осуществляется преимущественно через библейские аллюзии, такие как формула *be our brother's keeper* [17]. Использование религиозного языка, по наблюдению Н. Д. Арутюновой, относится к сфере этически и оценочно нагруженной лексики, формирующей особое эмоциональное пространство дискурса [3]. Апелляция к высшему моральному авторитету выводит политическое высказывание за пределы прагматического спора и придаёт ему характер нравственного императива [10]. В логике эпидейктической риторики, описанной Х. Перельманом, эмоция здесь возвышается до уровня этической нормы, а политическое действие интерпретируется как исполнение морального долга [9].

Эмоциональное сопротивление фатализму выстраивается через противопоставление статичного и динамичного образов общества. Конструкция *not that ... but that* используется для деконструкции представлений о неизменности расового неравенства [19]. В

аристотелевской перспективе подобная коррекция эмоционального восприятия направлена на укрепление надежды как ключевого аффекта, необходимого для принятия коллективного действия [1]. Оценочная формула *profound mistake* усиливает пафос, трансформируя различные позиции в экзистенциальный спор о будущем нации [14].

Кульминация пафоса оформляется как коллективный катарсис. Инклюзивное местоимение *we* формирует общее коммуникативное пространство, в котором политическая идентичность переживается как коллективная. Лаконичная формула *Not this time* концентрирует накопленный эмоциональный заряд и выполняет функцию освобождения, превращая пафос в мобилизующую установку.

В речи на 50-летие марша в Сельме пафос приобретает форму эмпатического погружения в историческое событие. Осозаемые детали – описания телесного опыта, тревожной атмосферы и бытовых подробностей – создают эффект присутствия и усиливают экспрессивность высказывания. В терминах Перельмана это обеспечивает высокую степень присутствия, фиксируя внимание аудитории на конкретном человеческом опыте и вызывая эмпатию [9, с. 117]. Антитеза между обыденностью и героизмом возвышает нравственный выбор «обычных людей», превращая их в носителей высшей ценности.

Создание эпидейктического «пантеона героев» через перечисление знаковых фигур движения за гражданские права сопровождается сакральными цитатами, которые поднимают исторический опыт до уровня нравственного служения. Сакральная лексика, по Артуновой, переводит политические смыслы в сферу духовных, формируя пафос благоговения и ритуальный тон коллективной памяти [3]. Риторические вопросы усиливают эффект вовлечения, а афористические конструкции типа *We are...* формируют масштабный коллективный портрет нации, превращая историю в эмоциональное доказательство величия национального сообщества.

Поэтические аллюзии на Хьюза, Эмерсона и Уитмена придают дискурсу культурную глубину, расширяя аудиторию до символического сообщества носителей американской традиции. Финальная метафора пути и эстафеты воплощает аристотелевский принцип воздействия через надежду: прошлое осмысливается как ресурс моральной энергии для будущего. Формула *You are America* завершает процесс эмоционального присвоения идентичности, превращая адресата в носителя национального смысла.

Прощальная речь 2017 года синтезирует данные стратегии, дополняя их личным нарративом и интонацией гражданского завещания. Конституция предстает не как статичный сакральный объект, а как живая форма коллективного действия, реализуемая через *We, the people*. В результате пафос прощания трансформируется в пафос вызова и надежды, ориентированный на будущее демократическое участие.

Логос в инаугурационной речи 2009 года реализуется как многоуровневая рациональная аргументация, основанная на причинно-следственных связях, исторических аналогиях и аналитических противопоставлениях. Кризис описывается как следствие объективных социальных процессов, что придаёт высказыванию характер рационального объяснения. Номинализации, параллельные конструкции и аргументация от противного структурируют рассуждение и снижают эмоциональную поляризацию. История функционирует здесь не как источник пафоса, а как рациональное доказательство преемственности и обоснованности предлагаемых политических решений.

Логос в ключевых речах Барака Обамы выстраивается как многоуровневая система рационального убеждения, в которой ценностные установки последовательно

интегрируются в прагматическую модель политического действия. Логическая структура аргументации усиливается за счёт переосмысления базовых ценностей в прикладном ключе: экономический успех трактуется не только как рост показателей, но и как результат справедливого распределения возможностей. Двойные противопоставления формируют системную модель рассуждения, в которой моральные идеи не противопоставляются практической политике, а включаются в структуру рационального вывода, связывая идеалы с задачами устойчивого развития.

В инаугурационной речи 2009 года логос приобретает аксиоматический характер. Анафорический повтор *These things...* в финальной части утверждает предлагаемый путь не как эксперимент, а как возвращение к фундаментальным принципам американской идентичности. Если базовые ценности признаются истинными, то решения, выведенные из них, воспринимаются как логически оправданные. В результате анализ кризиса, исторические аргументы, структурные антитезы и переосмысление ценностей объединяются в единый логический каркас, соответствующий классическому аристотелевскому пониманию убеждения, но реализованный в современной форме политической коммуникации.

Во второй инаугурационной речи (2013) данные принципы получают дальнейшее развитие и философское углубление. Аргументация опирается на диалектическое соотнесение идеала и практики, что особенно наглядно проявляется в формуле *while these truths may be self-evident, they have never been self-executing* [18]. Свобода осмысливается как процесс, требующий постоянных усилий, а абстрактные ценности трансформируются в программу действий. Параллельные конструкции с анафорой *Together we...* выполняют доказательную функцию, демонстрируя, что ключевые достижения американской истории были результатом коллективного действия. Тем самым идея сотрудничества выводится не из эмоционального призыва, а из логического анализа исторического опыта.

Аналогичным образом Обама рационально снимает идеологические дихотомии: спор о размере государства переосмысливается как вопрос его эффективности, что переводит политическую дискуссию в сферу проверяемых критериев. Аргументация в защиту социальных программ строится по принципу опровержения от противного: поддержка уязвимых групп представляется не как ослабление экономики, а как инвестиция в устойчивое развитие. Апелляция к научному знанию, в частности в вопросе изменения климата, усиливает эффект объективности и выводит аргумент за пределы эмоционального противостояния.

В речи *A More Perfect Union* логос основывается на системном историческом анализе и признании структурных противоречий американского общества. Отказ от идеализации основ государственности формирует эффект объективности и превращает речь в рациональное исследование причин современного неравенства. Причинно-следственные цепочки переводят обсуждение из морализаторской плоскости в сферу анализа социальных механизмов, а диалектическое объяснение эмоций различных групп позволяет включить противоречия в более широкую рамку национального единства.

Логическая убедительность усиливается через принцип «золотой середины»: Обама последовательно отвергает как тезис о неизменности неравенства, так и представление о его полном преодолении. Такая сбалансированная позиция формирует образ трезвого аналитика и повышает доверие аудитории к аргументации. Практическая направленность логоса реализуется через структурный параллелизм (*Together, we can...*), который переводит абстрактные ценности в перечень конкретных задач и реформ [19]. Историческое

сопоставление экстремальных условий прошлого и современной пассивности формирует рациональный аргумент против бездействия, лишая его логических оправданий.

Особое место занимает инклюзивное переопределение национальной идентичности через анафору *We are...* [20]. Перечисление исследователей, аболиционистов, иммигрантов и порабождённых людей формирует концептуальный образ Америки как результата совокупных усилий различных групп. Борьба за гражданские права логически встраивается в общий исторический нарратив и предстает как структурный элемент национального развития, а не как частный эпизод.

В прощальной речи 2017 года логос достигает максимальной концентрации, сочетая исторический анализ, фактологическую аргументацию и прагматичные рекомендации [21]. История представляется как непрерывная линия гражданской активности, что логически доказывает её системный характер в американской идентичности. Перечисление достигнутых экономических и социальных результатов функционирует как объективирующий аргумент, переводящий политическое высказывание в сферу проверяемых фактов [21]. Анализ угроз демократии строится через причинно-следственные связи, связывая неравенство с ростом поляризации и цинизма, а ценности – с конкретными институциональными механизмами их защиты.

Финальная операционализация гражданской ответственности превращает логос в практический алгоритм действия. Рационально обоснованный оптимизм опирается на достижения прошлого как доказательство возможности дальнейшего прогресса. В целом логос эпидейктического дискурса Обамы выполняет функцию рационализации национальных идеалов, превращая ценностное единство в логически непротиворечивый и практически направленный политический проект.

В результате проведенного анализа речей Барака Обамы можно сделать следующие выводы:

1. В политических речах Барака Обамы систематически реализуется эпидейктический подход к формированию пафоса, логоса и этоса, который позволяет оратору воздействовать на аудиторию как на эмоциональном, так и на рациональном уровне. Пафос выражается через метафоры, личные нарративы, конкретные примеры и библейские аллюзии, что способствует сопереживанию и формированию чувства коллективной ответственности.
2. Одним из ключевых языковых средств формирования пафоса являются метафоры и антитезы, которые создают эмоциональные переломы и трансформируют страдание в надежду. Примеры включают контрасты «not enough» – «where we start» и конструкции «not that... but that», направленные на коррекцию восприятия социальных конфликтов и укрепление чувства возможности перемен.
3. Этос формируется через включение слушателя в коллективную идентичность («we are...») и возвеличивание исторических и современных героев. Лаконичные эпидейктические формулы («Not this time», «You are America») усиливают доверие к оратору и создают образ морально ответственного лидера, способного объединять нацию.
4. Логос в речах Обамы реализуется как многоуровневая система аргументации. Он строится на историческом анализе, причинно-следственных связях, структурных антитезах и рациональной интеграции ценностей. Структурный параллелизм и диалектические конструкции («Together we...», «may not be unique, but...») позволяют превращать

абстрактные ценности в практические рекомендации и логически обосновывать необходимость политических и социальных изменений.

5. В речах прослеживается сочетание эмоционального воздействия и рациональной аргументации: эмоциональный пафос подкрепляется историческими примерами, конкретными фактами и практическими рекомендациями, что обеспечивает комплексное воздействие на аудиторию и формирует у слушателей понимание необходимости коллективного действия и гражданской ответственности.

Проведённый анализ позволяет заключить, что языковые средства формирования этоса, пафоса и логоса в речах Барака Обамы являются ключевым инструментом эпидейктического воздействия, направленного на создание доверия к оратору, мобилизацию аудитории и рационализацию национальных ценностей, что делает речь не только эмоционально выразительной, но и логически убедительной.

Список литературы:

1. Аристотель. Риторика / Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1998. 256 с.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. Берк К. Риторика и символическая форма / пер. с англ. М.: Прогресс, 1992. 448 с.
5. Карасик В. И. Институциональный дискурс // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
7. Канторович М. В. Политическая риторика: теория и практика. М.: Изд-во МГУ, 2001. 312 с.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафора в нашей жизни / пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2003. 328 с.
9. Перельман Х., Ольбрехтс-Тытека Л. Новая риторика: трактат об аргументации / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1987. 336 с.
10. Перно П. Риторика и политика. М.: Прогресс, 1985. 256 с.
11. Цицерон М. Т. Об ораторе / пер. с лат. М.: Наука, 1970. 384 с.
12. Уилс Д. Язык и политика. М.: Академический проект, 2007. 294 с.
13. Хаузер Дж. Публичная речь и аргументация / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2001. 384 с.
14. Шейгал Е. И. Политический дискурс: структура, семантика и прагматика. Волгоград: Перемена, 2004. 324 с.
15. Шпетный В. А. Теория аргументации. СПб.: Питер, 2010. 408 с.
16. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. 4-е изд. М.: ФЛИНТА, 2012. 256 с.
17. American Rhetoric – Barack Obama. Inaugural Address URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/PDFFiles/Barack%20Obama%20-%20Inaugural%20Address.pdf> (date of application: 02.01.2026).
18. American Rhetoric – Barack Obama. Second Presidential Inaugural Address URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/PDFFiles/Barack%20Obama%20-%20Second%20Presidential%20Inaugural%20Address.pdf> (date of application: 02.01.2026).

19. American Rhetoric – Barack Obama. A More Perfect Union URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/PDFFiles/Barack%20Obama%20-%20More%20Perfect%20Union.pdf> (date of application: 02.01.2026).
20. American Rhetoric – Barack Obama. Remarks at the 50th Anniversary of the Selma to Montgomery Marches URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/PDFFiles/Barack%20Obama%20-%20Selma%2050%20March.pdf> (date of application: 02.01.2026).
21. American Rhetoric – Barack Obama. Farewell Address URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/PDFFiles/Barack%20Obama%20-%20Farewell%20Address.pdf> (date of application: 02.01.2026).

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 81.42

П. Е. Топорков, Е. Р. Останина
МОДЕЛИРОВАНИЕ ОНТОГЕНЕЗА РЕЧИ
В ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М. ЗУСАКА «КНИЖНЫЙ ВОР»)

Данное исследование посвящено анализу языковой личности Лизель Меммингер, главной героини романа Маркуса Зусака «Книжный вор», как способу художественной репрезентации детского восприятия речи. Цель работы – изучить, какими авторскими средствами (лексико-семантическими, синтаксическими, образными) конструируется уникальное языковое сознание ребёнка. Основное внимание уделяется тому, как Лизель наделяет слова физическими свойствами, одушевляет их и ощущает как самостоятельные сущности, что отражает досемантический этап освоения языка. Исследуется влияние семейного окружения на развитие её речевой чувствительности, а также прослеживается эволюция её отношения к слову – от сенсорного переживания к осознанию его коммуникативной и эмотивной силы. Проведённое исследование позволяет глубже понять механизмы моделирования детской речи в художественной литературе и роль языка в формировании картины мира персонажа.

Ключевые слова: языковая личность; детская речь; язык художественной литературы; онтолингвистика.

P. E. Toporkov, E. R. Ostanina
MODELING OF SPEECH ONTOGENESES IN THE LANGUAGE OF FICTION
(BASED ON THE NOVEL «THE BOOK THIEF» BY M. ZUSAK)

This article focuses on the analysis of the linguistic personality of Liesel Memminger, the main character of Marcus Zusak's novel «The Book Thief», as a means of artistic representation of children's perception of language. The aim of this research is to explore how the author uses various linguistic devices (lexical-semantic, syntactic, and figurative) to construct a unique linguistic child-like consciousness. The article primarily examines how Liesel attributes physical properties to words, animates them, and perceives them as independent entities, reflecting the pre-semantic stage of language acquisition. The study explores the influence of the family environment on the development of her speech sensitivity, as well as the evolution of her relationship to language, from sensory experiences to an awareness of its communicative and emotional power. This research provides a deeper understanding of the mechanisms of child language modeling in fiction and the role of language in shaping the character's worldview.

Keywords: linguistic personality; children's speech; language of fiction; ontolinguistics.

Проблема соотношения детской речи и конструирования авторской языковой личности персонажа. Проблемы детской речи изучались С. Н. Цейтлин [5, с. 38–41], А. Н. Гвоздевым [3, с. 3–470], А. М. Шахнаровичем [6, с. 23–35], но вопрос соотношения детской и речи и сконструированной языковой идентичности персонажа текста остаётся открытым и представляет для нас интерес. Восприятие взрослыми детской речи и понимание процесса её развития и особенностей можно увидеть в некоторых художественных произведениях с помощью анализа языковой личности персонажа. При анализе языковой личности

литературного героя необходимо иметь представление о том, что в современной науке понимается под термином «языковая личность». Мы опираемся в нашей работе на исследовательский подход Ю. Н. Караулова, который определял языковую личность как «... совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание, восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью. В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых текстов» [4, с. 3]. В нашей работе мы рассмотрим конструирования языковой идентичности персонажа на примере книги М. Зусака «Книжный вор».

Цель исследования – изучить способы и средства конструирования детской языковой личности в художественном тексте на примере Лизель Меммингер – центрального персонажа романа М. Зусака «Книжный вор», а также выявить особенности репрезентации детского восприятия речи через авторскую языковую стратегию.

Задачи исследования:

1. Проанализировать особенности восприятия языка Лизель Меммингер через её взаимодействие со словами (физическое, эмоциональное, семантическое).
2. Выявить способы репрезентации детской речи в романе через лексико-синтаксические средства (метафоры, олицетворения, глаголы действия).
3. Исследовать влияние социального окружения (семья, внешняя среда) на формирование языковой личности героини.
4. Сравнить оригинальный текст и перевод Н. В. Мезина с точки зрения передачи особенностей детского восприятия речи.
5. Определить, как через языковую личность Лизель раскрывается процесс её когнитивного и эмоционального взросления.

Главная героиня романа Лизель Меммингер как будто может «чувствовать» язык: в данном случае мы имеем в виду не просто наличие «языковой интуиции», а именно синестетическую способность ощущать слова физически. Гипотетически эту способность можно объяснить следующим образом: чёткое произнесение слов и осознанное говорение – новые и сложные процессы для ребёнка, он в состоянии прочувствовать физические усилия, необходимые для воспроизводства лексических единиц и речи, т. к. дети очень ярко чувствуют всё, особенно какие-то новые явления. Данные ощущения далее изменяются, и в первую очередь для человека важен подбор лексических единиц по семантике, а «чувствование» слов на физическом уровне почти не осознаётся, «вес» слов может восприниматься взрослым человеком в крайне стрессовых ситуациях.

Продемонстрировать особенности восприятия языка ребёнком можно через анализ языковой личности Лизель Меммингер. Во всех главах, в которых рассказывается о событиях, происходящих с Лизель, показано её восприятие слов, впервые это проявляется в главе «Превращение в свинюху»: «*And that word. That strange word was always there somewhere, standing in the corner, watching from the dark. ... No matter where they went, there it was, each time her father was mentioned. She could smell it and taste it. She just couldn't spell or understand it.* / И это слово. Это странное слово всегда было где-то поблизости, стояло в углу, глядело из сумрака. ... Куда бы ни поехали они с матерью, слово оказывалось там, едва разговор заходил об отце. Девочка чуяла его и знала его вкус. Не могла только разобрать по буквам или понять.». Главная героиня – девятилетняя девочка, которая не умеет писать и читать на момент данной главы, при этом для неё слова – не просто звук или поток воздуха, который

выдыхают люди. Лизель понимает, что «коммунист» – необычное, чужеродное слово, которое она физически ощущает, но необходимо отметить, что данная лексема мифологизирована героиней («...стояло в углу, глядело из сумрака»). Если анализировать следующую фразу: «...чуяла его и знала его вкус», то можно сказать, что «знать на вкус» девочка может это слово, а конкретно его фонетическую структуру, которая для неё уже имеет явно негативную коннотацию; «чуяла вкус» она ассоциативно, возможно просто видя ситуации похожие на те, в которых она слышала это слово. На протяжении всего произведения видно, что «коммунист» – слово-«триггер», которое её приводит в ужас: *«That word again. That old word... As the word communist seized her, the remainder of the Nazi recital swept by, either side, lost somewhere in the German feet around her. Waterfalls of words. A girl treading water. She thought it again. Kommunisten. / Опять это слово. То старое слово... Как только слово «коммунист» зацепило её, продолжение фашистской декламации потекло мимо, по бокам, теряясь где-то в обступавших Лизель немецких ногах. Водопады слов. Девочка, барахтающаяся в потоке. Лизель снова задумалась. Kommunisten».* В главе «Стопроцентный немецкий пот» героиня явно напугана, при этом она всё равно ощущает слова, что подтверждает предложение «Водопады слов».

Также можно отметить, что она различает слова и звуки: *«From Liesel's position, their voices were only sounds. Not words at all. / До Лизель их голоса доносились просто звуками. Без всяких слов»* («Книга огня»). Слова носят осознанный характер, к ним она хочет быть внимательна, в то время как звуки для неё ненужный поток, в который не нужно вслушиваться.

Далее рассмотрим, как Лизель воспринимает слова в кругу семьи. Дома она больше слушает, чем говорит. Это важно, так как собственное воспроизводство слов и пробы речевой деятельности ей чувствуется иначе, но об этом позже. Когда героиня слушает людей вокруг она учитывает направление речевого потока: *«The soft-spoken words fell off the side of the bed, emptying to the floor like powder. / Тихие слова, скользнув с края постели, осыпались на пол, как мука.»* (из главы «Обратная сторона наждачки»), *«He upturned them into Papa's face, .../ Он опрокинул их (слова) Папе в лицо...»*, *«He spoke quiet and calm, to the table / Он говорил, тихо и спокойно, столу»* (из главы «День рождения Гитлера, 1940»), *«She emptied the words out into the sink. / Мама выплеснула слова в раковину.»* (из главы «Радость самокруток»); *«he said, to her mouth rather than her eyes. / ...сказал он, скорее, в рот ей, а не в глаза.»* (из главы «Стопроцентный немецкий пот»). Необходимо снова отметить, что она концентрируется на этом, для неё это важный аспект – куда обращается говорящий. Помимо этого, вне дома Лизель так чутко не реагирует на речь, так как при описании других событий (приключения с Руди, общение с соседями и т.д.) акцент делается на действия, а не слова. Из этого можно сделать вывод, что девочка внимает речи людей, когда они ей интересны, когда она чувствует себя в безопасности – дом Хуберманов подходит под данное описание, так как в нём героиня закрывает свои биологические потребности (еда, сон и т.д.) и может учиться читать, писать.

Эти занятия для неё важны по причине того, что она может не просто слышать и слушать слова, а именно видеть их и создавать через письмо. Также из вышеприведённых цитат видно, что, помимо направления потока речи, Лизель интуитивно учитывает характер или настроение говорящего, посыл его речи. Таким образом, мы понимаем, что Роза – взрывная, горячительная особа; Ганс – спокойный, тихий человек; Ганс младший сказал нечто крайне неприятное Папе, в таком случае можно предположить, что главная героиня подбирает

определённые лексические единицы для выражения своего отношения к речи другого человека, ориентируясь на характер говорящего, «направление слов» для неё просто факт того, в какую сторону или в какой предмет человек говорил.

Отдельный синтаксический и лексический интерес представляют следующие примеры: «*the word struck her face like a slap*. / И тут слово шлёнуло её по лицу, как оплеуха» (из главы «Обратная сторона наждачки»); «*The words propped in her mouth ...* / Слова застряли у нее во рту ...» (из главы «Запах дружбы»); «*The words trotted out, involuntarily*. / Слова выскочили сами, невольно.» (из главы «Радость самокруток»); «*The two words stood among acres and acres of vacant, wooden-floored land*. / Слово замерло посреди необъятной пустоши деревянного пола» (из главы «Библиотека бургомистра»); «*In her mouth, the words fidgeted, but they came out in a rush*. / Слова толклись у неё на языке, но выскочили второпях» (из главы «Библиотека бургомистра»); «*The words always came as a shock*. / Слова здесь всякий раз звучали как взрыв» (из главы «Свойства лета»); «*A single word leaned against the girl*. / На Лизель наваливалось одинокое слово» (из главы «Стопроцентный немецкий пот»); «*Quietly, his words cut through one of her sentences*. / Его слова спокойно вклинились в одну из Розиных тирад» (из главы «Запах дружбы»). Со стороны синтаксиса можно отметить, что в качестве подлежащего выступают лексемы «слово», «слова», на месте сказуемого стоят глаголы с лексическими значениями характерными для живого существа. Опять же данные действия динамичны. Можно назвать это метафорой или олицетворением, но суть в том, что в мировоззрении Лизель нет этих приёмов, она именно так ощущает слова. Возможно, более интересными вариантами были бы характеристика действий конкретных частей артикуляционного аппарата, но это скорее было бы характерно для взрослых. Лизель – ребёнок, поэтому её использование «живых» глаголов вполне естественно и разумно, так как для неё нормально интерпретировать какие-либо явления через схожие действия, которые совершаются её окружением. С точки зрения лексики интересно, что, помимо использования динамичных глаголов, главная героиня может добавлять оценочно-эмоциональную окраску с помощью наречий («невольно», «второпях», «спокойно»), прилагательных («одинокое»), а также через сравнение («как взрыв», «как оплеуха») или метафору («необъятной пустоши деревянного пола»). Отношение Лизель к словам может выражаться и другим способом: «*The surprise in her voice rushed her, but it also rendered her useless*. / Удивление, пролившееся в слове, затопило Лизель, но она ничего не могла с этим поделать» (из главы «Врата воровства»), здесь на первом месте стоит та эмоция, которую главная героиня нехотя донесла до отца, т. е. тут уже акцент не на слове как телесном объекте, как в прошлых примерах, для неё неосознанно нужнее эмотивный компонент слова, следовательно, в этом случае ей было важно не что она скажет, а как она это сделает. В какой-то степени это может показывать её «взросление» – переход от чуткого отношения к словам как к живым созданиям к пониманию слов как инструментов для построения высказываний. Таким образом, можно вспомнить исследования С. Н. Цейтлин, а конкретно – лексико-семантические инновации, так как попробовать рассмотреть мы можем только их, ведь Лизель – вымышленный персонаж, и в романе в любом случае «взрослый» язык, который пытается показать видение мира ребёнка только через лексические значения, а не через использование изменённых, «неадекватных» словоформ, характерных для детской речи. Итак, возвращаясь к исследованиям С. Н. Цейтлин, мы можем предположить, что для Лизель семантическое поле лексемы «слово/слова» значительно шире, так как для неё использование слов самой или другими – способ познания мира и себя [6, с. 40]. Можно сказать, что так делают все люди, но вопрос вот в чём: каждый

ли ребёнок (или даже взрослый человек) задумывается, что он и как он говорит (или ему говорят), ответ: скорее нет, чем да.

Рассмотрим следующие цитаты из романа: «Soon, they were on Himmel Street, *carrying the words, the music, the washing*/Вскоре они уже шагали по Химмель-штрассе – несли слова, музыку, стирку» (из главы «Запах дружбы»); «The orange flames waved at the crowd as paper and print dissolved inside them. *Burning words were torn from their sentences.* / Рыжее пламя приветливо махало толпе, а в нем *растворялись бумага и буквы. Горящие слова, выданные из предложений*» (из главы «Стопроцентный немецкий пот») – в этих случаях лексема «слова» имеет физическое воплощение, а не на уровне чувств как в прошлых иллюстрациях. В первом примере можно предположить, что использована метонимия, но книга, которую несёт Лизель, имеет для героини ценность именно потому, что в ней есть слова, и, в целом, в результате прогулки с Папой она получит то, что ей нравится – учиться читать. Если рассматривать ситуацию с этой точки зрения, тогда метонимического переноса не будет. Во втором случае снова можно увидеть, насколько важны для книжной воришки слова, ведь опять же ужасно, что пламя уничтожает буквы, которые собираются в слова и предложения, состоящие из слов.

Некоторые приведённые выше примеры и сделанные выводы в полной мере проиллюстрированы в следующей цитате: «... *she fed the words through the gap in the doorway – between the mayor and the frame – to the woman.* Such was her effort to breathe that *the words escaped only a few at a time.* /... Лизель *втискивала слова сквозь брешь в дверном проёме – между косяком и бургомистром – женщине.* Дыхание требовало таких усилий, что *слова вылетали малыми порциями*» (из главы «Библиотека бургомистра»). В этом примере продемонстрированы важность направления движения для Лизель («...*брешь в дверном проёме – между косяком и бургомистром...*»); использование «живого» глагола («*втискивала*»), в котором показаны эмоциональное состояние девочки и физическое усилие, прикладываемое ей для воспроизводства речи. Также здесь субъект действия или тот, кто владеет словом – Лизель, у неё есть цель – точка в пространстве, которой она хочет, чтобы её слова достигли – жена бургомистра. Таким образом, мы видим становление книжной воришки как человека, владеющего словом и умеющего его применять.

Отдельно стоит выделить различия оригинального текста и перевода Н. В. Мезина в цитатах, которые были использованы для данной работы. В оригинальном тексте часто используются конкретные глаголы («*propped, seized, struck, waved*»), хотя иногда есть идиомы: «The words *trotted out, involuntarily*». Рассмотрим следующее предложение и сравним с переводом: «*Burning words were torn from their sentences.* / *Горящие слова, выданные из предложений*» – в оригинале иная синтаксическая конструкция. В русском варианте использован причастный оборот, который обозначает характеристику подлежащего, значение действия второстепенно, в то время как в оригинальном тексте имеется полноценное составное глагольное сказуемое, «*were torn*», из-за чего действие, совершённое над словами, воспринимается как насильственный акт, «*words*» становится жалко, дополнительный оттенок этой словесной трагедии добавляет притяжательное местоимение «*their*», благодаря чему создаётся ощущение, что субъект разделён с чем-то значимым, в данном случае «*sentences*». Сюда же можно отнести следующие примеры: «...*but it also rendered her useless.* /...но она ничего не могла с этим поделаться» – здесь разница в постановке субъекта, в переводе Мезина подлежащее – «она», т.е. Лизель, которая не может совладать с чувством, проявившимся в слове через интонацию, в английском варианте на месте субъекта находится чувство «*it*», которое

демонстрирует её беспомощность. В контексте оригинала показано, что чувство или ощущение воспринимается героиней, как что-то живое и доминирующее – демонстрирует детское познание мира. Также в русском варианте текста некоторые лексемы переведены гиперболизированно: «*leaned/наваливалось*», «*as a shock / как взрыв*». В целом, в переводе Н. В. Мезина использовано больше метафор, синтаксические конструкции, которые немного переинтерпретируют значение оригинального текста, но это серьёзно не влияет на восприятия произведения целиком, и основные идеи и особенности текста качественно переданы для русских читателей.

Подводя итог нашему исследованию, можно сделать следующие выводы:

1. Восприятие языка Лизель носит синкретичный характер: слова для неё – не только средство общения, но и физически ощущаемые, почти одушевлённые сущности. Это проявляется в метафорических описаниях слов как активных субъектов («слово шлёпнуло», «слова выскочили»).
2. Автор использует лексико-синтаксические средства (олицетворения, динамичные глаголы, пространственные метафоры) для моделирования детского языкового сознания, избегая прямого воспроизведения «неправильной» детской речи, но передавая её суть через семантические инновации.
3. Социальное окружение играет ключевую роль в формировании языковой личности Лизель: в безопасной семейной среде (дом Хуберманов) она активно развивает языковую чуткость, в то время как во внешнем мире её внимание смещается с речи на действия.
4. Сравнение оригинала и перевода показывает, что переводчик иногда усиливает метафоричность и эмоциональную окраску, однако основные особенности восприятия речи Лизель сохраняются. Расхождения в синтаксисе и лексике не искажают авторский замысел, но немного меняют акценты (например, смещение субъекта действия).
5. Языковая личность Лизель отражает процесс её взросления: от физического ощущения слов как объектов – к пониманию их как инструментов коммуникации и выражения эмоций. Это демонстрирует переход от детского восприятия к более сложному, семантически ориентированному отношению к языку.

Таким образом, исследование подтверждает, что через языковую личность Лизель Меммингер автор не только моделирует детское восприятие речи, но и показывает язык как ключевой инструмент познания мира и самоидентификации в процессе взросления. Освоение языка – сложный процесс, который всё ещё остаётся до конца не изученным в том числе из-за того, что сам носитель не имеет осознанного опыта такого освоения. В романе «Книжный вор» показана попытка не только проиллюстрировать динамический механизм познания мира через слово, но и смоделировать процесс формирования и развития детского мировоззрения через язык. Это достигается благодаря способностям Лизель использовать лексемы для демонстрации иной когнитивной модели реальности посредством особой формы работы с языковым материалом: расширение пространственных значений; мифологизация отдельных слов, что проявляется через употребление абстрактных понятий как конкретных, использование динамических глаголов по итогу явлениям или процессам добавляются, не свойственные им в нормативном языке характеристики. Восприятие слов книжной воришкой происходит многогранно не только как способ коммуникации между людьми, но и как нить, которая связывает её внутренний мир с внутренним миром, интересующих её людей, и внешним миром в самом обширном его понимании.

Список литературы:

1. Markus Zusak. The Book Thief, 2006
2. Зусак М. Книжный вор (пер. Николай Владимирович Мезин). М.: Изд. «Эксмо», 2007.
3. Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. Изд-во АПН РСФСР, 1961.
4. Язык и личность. М.: Наука, 1989. 216 с.
5. Цейтлин С. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: ЛитРес, Знак, 2011.
6. Цейтлин С. Н. Детские речевые инновации // Русский язык в школе, 2022. Т. 83. № 5. С. 36–41.
7. Шахнарович А. М. Онтогенез мыслеречедеятельности: семантика и текст // Филологические науки, 1998. № 1. С. 23–35.

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 81

О. В. Яшкина, Л. Г. Васильев

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ
К АРГУМЕНТАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОЛОГИИ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЫ**

В докладе рассмотрены ключевые особенности методологического аппарата аргументации в отечественной и западной филологии в свете трансформаций научного мышления в условиях постклассической парадигмы. Выявлено различие в подходах к обоснованию высказываний: в российской традиции акцент делается на системном анализе, строгой структуре утверждений и опоре на авторитетные источники; в зарубежной филологии доминирует интерпретативность, внимание к контекстуальности и многоаспектность толкования.

Ключевые слова: аргументация; методологические подходы; зарубежная филология; отечественная филология; современная научная парадигма.

O. V. Yashkina, L. G. Vasiliev

**COMPARATIVE ANALYSIS OF METHODOLOGICAL APPROACHES
TO ARGUMENTATION IN RUSSIAN AND FOREIGN PHILOLOGY
IN THE CONTEXT OF THE MODERN SCIENTIFIC PARADIGM**

The report examines the key features of the methodological apparatus of argumentation in Russian and Western philology in the light of the transformations of scientific thinking in the post-classical paradigm. The difference in approaches to substantiating statements is revealed: in the Russian tradition, the emphasis is on systematic analysis, a strict structure of statements and reliance on authoritative sources; in foreign philology, interpretativeness, attention to contextuality and multidimensional interpretation dominate.

Keywords: argumentation; methodological approaches; foreign philology; Russian philology; modern scientific paradigm.

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим влиянием зарубежных теоретических подходов на отечественную филологию. Соответственно, необходимо рассмотреть существующие методологические подходы к аргументации в современной науке, определить, как они применяются на практике, выявить преобладающие методологические подходы в отечественной и зарубежной филологии.

В современной науке существуют одновременно разные научные концепции – от классической историко-филологической школы до междисциплинарных подходов, объединяющих методы когнитивной науки, социолингвистики и корпусной лингвистики.

Современная научная практика требует от исследователя соблюдения ключевых принципов: точности анализа, логической связности рассуждений и прозрачности используемых методов, что позволяет минимизировать опору на интуитивные суждения и предположения о «самоочевидности» аргументов.

В современной научной среде заметно усиливается внимание к многоуровневости аргументации. Многоуровневая аргументация подразумевает не только использование простых утверждений, но и построение сложных, многослойных логических конструкций, которые позволяют более глубоко анализировать проблему и выстраивать обоснованные

выводы. Существенную роль играют ссылки на предшествующую научную дискуссию, позволяющие показать, как новое толкование встраивается в существующее поле аргументов и контраргументов. В современной науке аргументация представляет собой сложный процесс обоснования знаний, объединяющий логические, когнитивные, социальные и коммуникативные аспекты. Она вышла за пределы формальной логики, став междисциплинарной областью, исследующей способы убеждения в научном сообществе.

Аргументация – это интеллектуальная познавательная деятельность, осуществляемая когнитивными агентами (участники аргументации) на основе естественного языка в форме речевого коммуникативного взаимодействия (диалога) с целью проверки аргументативной состоятельности позиций сторон. [21, с. 35–36]

Всякую аргументацию как интеллектуальную речевую социальную деятельность когнитивных агентов можно условно расчленить на три уровня рассмотрения: социально коммуникативный, диалектический, именуемый часто также лингво-прагматическим, и формальный, за которым надолго закрепилось понимание его как логического. [21, с. 68]

Разделение на уровни и полученные названия носят условный характер. С одной стороны, они служат для первоначальной структуризации подходов к изучению аргументации, трактуемой в междисциплинарном аспекте, и помогают локализовать конкретные направления её анализа с позиций отдельных наук, хотя таких уточнений сегодня уже недостаточно. С другой – данные уровни обладают устоявшейся традицией применения в научных исследованиях аргументации. [21, с. 68]

Тем не менее, несмотря на условность деления, такая градация сохраняет свою актуальность, позволяя систематизировать подходы и выделить ключевые векторы анализа аргументации.

Основные подходы к аргументации в современной науке:

1. Логический подход (Аристотель [3], Л. Витгенштейн [10]) основан на строгой структуре мышления, где каждое утверждение вытекает из предыдущих по чётким правилам вывода. Его суть – в построении аргументов, которые не зависят от эмоциональной окраски или личного восприятия, а опираются исключительно на формальную правильность. Ключевую роль в этом подходе играет схема рассуждения – шаблон, по которому из исходных посылок выводится заключение. В современной аргументации схемы рассуждения используются для анализа аргументов на предмет их корректности. Если аргумент следует логической схеме, он считается действительным (вывод из истинных посылок обязательно истинен). Если же схема нарушена – аргумент считается недействительным, даже если его вывод кажется убедительным.

Основная проблема логического подхода к моделированию аргументации заключается в том, что применение расширенных логических инструментов – таких как исчисление предикатов, модальные или интенциональные логики – приводит к созданию формальной модели, в которой теряется отражение самой сути процесса аргументативного взаимодействия, хотя эти средства необходимы для точного воспроизведения сложных логических связей между аргументами и тезисом, они обладают свойствами, не проявляющимися (или проявляющимися лишь косвенно) в естественных процессах аргументации. В результате модель, способная формально описать сложные переходы, оказывается оторванной от реальной дискурсивной практики.

2. Эпистемологический подход (И.Т. Касавин [17], А. А. Голдман [36], Н.С. Автономова [1], Г. Башляр [34]) рассматривает, что аргументация может привести к

эпистемологическим результатам – к конструированию знания, что может быть достигнуто путём изменения эпистемологических статусов обсуждаемых идей (понятности, правдоподобия или приемлемости этих идей с точки зрения каждого участника) в ходе обсуждения. При соблюдении соответствующих условий процесс аргументации может привести к созданию нового знания. Следовательно, новое понимание может быть достигнуто за счет изменения эпистемического статуса обсуждаемых идей: ясности, степени правдоподобности, приемлемости для каждого участника. Особое значение придается абдукции – рассуждению, которое ведет от фактов к объясняющей их гипотезе. [35] Эпистемологический подход к аргументации, основанный на исследовании сущности знания и критериев его обоснованности, тем не менее, обладает существенными недостатками. Так, используемые критерии достоверности зачастую носят субъективный характер и осложняют сопоставление аргументов в дискуссиях, игнорируя прагматические аспекты. Кроме того, выдвигая на первый план «обоснованность» знания, он приводит к замыканию выдвигаемых аргументов, т.к. эпистемическая оценка аргумента может зависеть от аудитории, индивида или контекста. Вследствие чего, порождается бесконечный регресс обоснования.

3. Диалектический (прагма-диалектический) подход (Ф. Х. ван Еемерен, Р. Гроотендорст [14]) рассматривает аргументацию как попытку разрешения разногласий. Идеальная модель критической дискуссии, разработанная в рамках прагма-диалектики, включает четыре стадии ведения дискуссии, направленных на разрешение конфликта мнений:

- стадию конфронтации;
- стадию открытия дискуссии;
- стадию аргументации;
- заключительную стадию.

На стадии конфронтации один из участников дискуссии формулирует позицию, а другой – выражает сомнение в её обоснованности или высказывает контрарную точку зрения. Стадия открытия дискуссии, как правило, не формулируется прямо: участники заранее принимают роли протагониста и антагониста, определяя исходную позицию. На этапе аргументации протагонист представляет обоснования своей позиции, дополняя их в ходе диалога в ответ на критику со стороны антагониста. Завершённость дискуссии считается достигнутой, если антагонист убеждён в правоте позиции протагониста, либо тот сам меняет свою точку зрения под давлением критики.

Недостатком данного подхода является излишняя формализация процесса аргументации, что может привести к утрате естественности и глубины диалога. Ориентация на чёткие стадии и роли протагониста и антагониста создаёт иллюзию объективности и логической строгости, однако на практике такие жёсткие рамки затрудняют гибкое реагирование на новые аргументы, меняют природу обсуждения с диалога на диспут, где главная цель – не поиск истины, а победа в рамках заданной схемы. Кроме того, такой подход не учитывает эмоциональную окраску высказываний, культурные особенности коммуникации и индивидуальные стили мышления участников, что снижает его применимость в реальных, непредсказуемых ситуациях. В условиях, когда дискуссия носит неформальный характер или включает в себя мультидисциплинарные аспекты, жёсткая структура прагма-диалектики может привести к пропуску важных элементов, игнорированию альтернативных трактовок и, как следствие, к неполному или поверхностному разрешению конфликта.

4. Когнитивный подход (И. Б. Микиртумов [28], А.Н. Баранов [5], Д. Спербер [38]) к

аргументации основывается на изучении когнитивных процессов, лежащих в основе формирования, восприятия и оценки аргументов и рассматривает аргументацию, как продукт познавательной деятельности, включающей внимание, память, мышление, восприятие и эмоциональную оценку. В центре данного направления – анализ структуры убеждения, обусловленного не только логической обоснованностью, но и особенностями когнитивных стилей мышления у аудитории. Схема аргументации в рамках когнитивного подхода строится по следующему принципу:

– Формирование исходной когнитивной модели – аудитория на основе предшествующего опыта, культурных установок и когнитивных схем формирует структуру восприятия аргументируемой идеи.

– Восприятие аргумента – информация интерпретируется с учётом когнитивных искажений (например, эффекта подтверждения, эффекта доступности, когнитивного диссонанса).

– Оценка аргумента – осуществляется на основе когнитивных механизмов: сравнение с уже существующими убеждениями, проверка на соответствие внутренним представлениям, оценка степени согласованности с личностной идентичностью.

– Принятие или отклонение убеждения – зависит от степени совпадения новой информации с когнитивной структурой, а также от эмоциональной окраски и степени вовлечённости аудитории.

Одним из ключевых недостатков когнитивного подхода к аргументации является его избыточная ориентированность на внутренние когнитивные процессы аудитории, что ограничивает учет социокультурных, эмоциональных и поведенческих факторов, существенно влияющих на восприятие и принятие решений. Данный подход, фокусирующийся преимущественно на логической структуре аргументов, схемах мышления и когнитивных искажениях, зачастую упускает из виду динамическую природу коммуникации, где важную роль играют не только рациональные механизмы, но и эмоциональная окраска, социальные нормы, идентичность слушателя, а также контекст взаимодействия.

5. Системный подход (В.Н. Брюшинкин [8], Л.А. Котельникова [19], Г.И. Рузавин [31]) – главным свойством аргументации считается обоснованность убеждений и, в соответствии с этим, основой синтеза выбирается логическая модель. Логический анализ аргументации включает в себя а) выявление главного тезиса (фрагмента) текста, б) выявление системы аргументов, обосновывающих тезис, в) установление логических связей (выводов) между тезисом и аргументами первого, второго и т. п. уровней. В результате возникает схема связанных отношением логической выводимости высказываний, корнем которого является главный тезис (фрагмента) текста, а остальные высказывания, представляют собой аргументы, из которых выводится главный тезис. [8, с.142–143]

Системный подход к анализу аргументации имеет существенный недостаток: он чрезмерно формализует процесс, концентрируясь преимущественно на структурной схеме логического вывода. В результате содержательная обоснованность аргументов и их соответствие реальной действительности нередко оказываются вне фокуса анализа. Кроме того, чрезмерная ориентация на логическую строгость не позволяет в полной мере отразить реальные механизмы убеждения.

6. Риторический подход (Х. Перельман, Л. Ольбрехтс-Тытека [29]) моделирует средства воздействия на адресата аргументации при помощи аппарата тропов и фигур.

Риторическая модель отображает такое важное свойство аргументации как ее приемлемость для адресата. Однако сами по себе риторические средства, хотя и применимы в реальных процессах аргументации и практически полезны, не могут полностью воспроизвести процесса аргументации. Кроме того, риторическая модель связана с изменчивыми структурами естественного языка, не позволяющими построить точную модель аргументации.

7. Логико-лингвистический подход (Л. Г. Васильев [9], Н. А. Ощепкова [28]) основывается на системном анализе речевых конструкций с позиций их логической структуры и языковой реализации. Авторы рассматривают аргументацию, как специфическую форму речевого воздействия, в которой логическая обоснованность высказывания тесно связана с его грамматической и смысловой организацией. Особое внимание уделяется выявлению аргументационных моделей в тексте: логическим связям между высказываниями, структуре утверждений и их подкреплений, роли лингвистических средств (например, союзов, указательных местоимений, интонационных акцентов) в обеспечении аргументационной убедительности. Ключевым достоинством подхода является формализация аргументационных структур на основе логико-семантического анализа, что позволяет выявлять как явные, так и скрытые логические связи в речи. Особое значение придаётся выявлению аргументационных схем, в том числе в научных, публицистических и судебных текстах, что повышает объективность оценки убедительности аргументации. В представленном подходе существенных недостатков не выявлено, тем не менее, чрезмерная формализация может осложнять интерпретацию аргументации в контекстно насыщенных ситуациях.

8. Комплексный подход (Г.В. Гудкова [13], С.Н. Корсаков [18]) представляет собой методологическую модель, объединяющую различные логические, риторические, когнитивные и социальные аспекты аргументации с целью построения убедительного и обоснованного высказывания. В отличие от классических моделей, ограничивающихся на анализе формальной логики и структуры доводов, комплексный подход охватывает более широкий спектр параметров: специфику коммуникативной ситуации, психологические и культурные особенности аудитории, мотивационные механизмы, лежащие в основе процесса убеждения.

Аргументация в рамках данного подхода рассматривается, как многоуровневая система, объединяющая несколько взаимосвязанных компонентов – логическую основу, риторическую структуру, когнитивные факторы, социальные параметры. Подобный синтез позволяет достичь максимальной эффективности, особенно в ходе многоплановых дискуссий. Основным недостатком данного подхода является то, что он не оперирует четким алгоритмом действий. Его применение зависит от способности интуитивно оценивать и оперативно принимать решения, что снижает предсказуемость результатов.

В современной научной среде не сформировалось единого мнения о приоритетности комплексного, либо системного подхода.

Под системным подходом принято понимать методологическое направление в науке, в основе которого лежит специфическое понимание объекта, как целостной системы. Такая трактовка одинаково допускает применение системного подхода как на диалектической, так и на метафизической почве. В последнем случае системный подход практически превращается в структурализм и реализуется в наши дни при помощи компьютерных технологий и математических (количественных) методов. [4, с.168]

Нам бы хотелось отметить, что, несмотря на некоторые успехи такой механистической трактовки системного подхода, он ведет к редукционизму и оказывается менее пригодным

для работы с качественными моделями (особенно востребованными в социально-гуманитарных науках). Комплексный же подход разработан куда менее основательно. Нам не удалось найти общенаучного определения данного термина, тогда как применительно к частным областям такие попытки существуют. [4, с.169]

Некоторые ученые, наоборот, считают, что комплексный подход характеризуется более высоким уровнем познания, чем системный: «...комплексный подход и есть сверхсистемный путь познания, способный реконструировать объект как конкретное в единстве универсальности его взаимосвязей и уникальности в мироздании». [18, с. 386]. Кроме того, важно отметить неразрывную взаимосвязь между комплексным и системным подходами в научных исследованиях, ведь первый ориентируется не только на данные чувственного познания и созданные «по наитию» средства познавательной деятельности, но и на конкретные теоретические положения (как и на теоретические системы в целом), использует инструментарий, создаваемый благодаря выявленным сущностным связям (например, системные модели). В то же время системный подход нуждается в оперативно собранной разносторонней информации, которая помогает предварительно (комплексно) сориентироваться в проблеме, оценить, настолько ли она важна, чтобы продолжить работу на более сложном системном уровне.

9. Семиотический подход к аргументации (Ю.М. Лотман [22], Р. Барт [6]) рассматривает её как систему знаковых конструкций, где аргументы, тезисы и контраргументы выступают как знаки, формирующие смысловую структуру коммуникации, что позволяет анализировать аргументацию через призму отношений между знаками, их значений и контекста использования. В центре анализа – не столько логическая правильность вывода, сколько смысловая наполненность знаковых конструкций, их функционирование в культурной, языковой и коммуникативной среде. Суть построения аргументации в семиотическом подходе заключается в том, что каждый элемент коммуникации – от отдельного слова до целого высказывания – несёт в себе не только смысл, но и функциональную нагрузку в рамках знаковой системы.

В рамках семиотического подхода аргументы выступают своеобразными поддерживающими «знаками», а в тезис выполняет функцию смыслового «центра», вокруг которого выстраивается система аргументов и контраргументов. Восприятие убедительности напрямую зависит от коммуникативного контекста (культурная память, жанровая специфика, исторический опыт), который и определяет – будет ли аргументация восприниматься, как убедительная, либо же вызовет сомнения.

Семиотический подход позволяет рассматривать аргументацию как культурный феномен, иными словами, как систему знаков, значение которых формируется языковой средой, культурным и социальным контекстом. Кроме того, данный подход эффективен при работе с публицистикой, рекламой, политическими речами – где убедительность достигается не только аргументацией, но и символическим наполнением.

Однако данный подход имеет существенные недостатки: 1) отсутствие определенных критериев оценки убедительности – поскольку смысл определяется контекстом, одно и то же высказывание может быть признано убедительным в одной культурной среде и неубедительным в другой; 2) избыточная зависимость от интерпретации делает анализ субъективным: один и тот же аргумент может трактоваться по-разному в зависимости от культурного кода читателя.

В современной филологии подходы к аргументации различаются в зависимости от

исследовательской парадигмы, методологических установок, предметной области, культурного контекста и целей анализа. Данные факторы определяют выбор методов, критериев оценки аргументации и понимание её роли в дискурсе.

Для систематизации существующих методологических подходов к аргументации, объединим их в единый аналитический обзор, представленный в виде таблицы.

Таблица 1. Существующие методологические подходы к аргументации в отечественной и зарубежной филологии.

Подход	Основные элементы
Логический	<ol style="list-style-type: none"> 1. Тезис. 2. Посылки. 3. Схема рассуждения. 4. Заключение. 5. Дедуктивные и индуктивные выводы.
Эпистемологический	<ol style="list-style-type: none"> 1. Тезис. 2. Обсуждение идей. 3. Изменение эпистемического статуса. 4. Абдуктивные рассуждения (от фактов к гипотезе). 5. Обоснованность знания.
Диалектический (прагма-диалектический)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Стадия конфронтации (формулировка позиции и сомнения). 2. Стадия открытия дискуссии (распределение ролей). 3. Стадия аргументации (представление и критика доводов). 4. Заключительная стадия (достижение согласия или смена позиции).
Когнитивный	<ol style="list-style-type: none"> 1. Формирование когнитивной модели. 2. Восприятие аргумента (с учётом искажений). 3. Оценка аргумента (сравнение с убеждениями). 4. Принятие/отклонение убеждения.
Системный	<ol style="list-style-type: none"> 1. Выявление главного тезиса. 2. Выявление системы аргументов (разных уровней). 3. Установление логических связей между тезисом и аргументами. 4. Построение иерархической схемы аргументации. 5. Проверка формальной корректности логической структуры. 6. Оценка содержательной обоснованности аргументов и посылок. 7. Формулировка итогового вывода с учётом результатов анализа.
Риторический	<ol style="list-style-type: none"> 1. Тезис. 2. Обоснование (аргументы). 3. Топ (общее место / инстанция). 4. Схема (логическая форма аргумента) 5. Словесный ряд (риторические средства) 6. Приём «преодоление посылки». 7. Воздействие (учёт аудитории). 8. Заключительная стадия: обобщение (рекапитуляция) + побуждение (призыв к действию).

Логико-лингвистический	<ol style="list-style-type: none"> 1. Выделение речевых конструкций. 2. Анализ логической структуры. 3. Анализ языковой реализации. 4. Выявление лингвистических маркеров логической связи. 5. Сопоставление логической схемы аргументации с её языковой формой. 6. Поиск типовых моделей обоснования. 7. Оценка убедительности аргументации на основе согласованности логической структуры и языковой реализации. 8. Формулировка вывода о корректности и эффективности аргументации.
Комплексный	<ol style="list-style-type: none"> 1. Подготовительная стадия (диагностика ситуации). 2. Тезис. 3. Подбор аргументов: аргумент= логическая основа + риторическая структура + когнитивные факторы + социальные параметры. 4. Стадия установления связи между аргументами и тезисом. 5. Стадия языковой и риторической реализации. 6. Стадия презентации и взаимодействия с аудиторией. 7. Стадия оценки результата и рефлексии.
Семиотический	<ol style="list-style-type: none"> 1. Стадия семиозиса. 2. Семантическая стадия (анализ отношения знака к референту). 3. Синтаксическая стадия (организация знаков в систему). 4. Прагматическая стадия. 5. Стадия интерпретации и обратной связи.

Данное исследование основывается на обзоре профильной литературы, анализе научных публикаций представителей вышеперечисленных подходов, а также на критическом осмыслении их теоретических и эмпирических результатов.

С целью обеспечения объективности сравнения методологических подходов к аргументации (как отечественных, так и зарубежных) целесообразно ориентироваться на следующие ключевые критерии:

1. Понимание структуры аргумента.

Аргументация отличается от доказательства тем, что в ее структуру вводятся коммуникативные компоненты: терминология, автор, собеседник. Данные компоненты приносят непредсказуемость и субъективизм в процесс аргументации, снижая его однозначность и предсказуемость относительно формального доказательства.

В отечественной филологии аргументация выстраивается на основе 3-х ключевых элементов: тезис (положение, которое нужно обосновать), аргументы (доводы в поддержку тезиса) и демонстрацию (логическую связь между аргументами и тезисом). [23, с. 9–10]

В зарубежной филологии, особенно в англоязычной, чаще опираются на более развёрнутые модели, в частности, на модель С. Тулмина, выходя за рамки «данные-вывод»: тезис (claim) как основное утверждение, которое нужно обосновать; основания (grounds) в виде фактов и свидетельств, служащих опорой для тезиса; обоснование (warrant) – предпосылка, связывающая данные с выводом; поддержка (backing) – дополнительные доводы,

укрепляющие обоснованность warrant; квалификатор (qualifier) – элементы, ограничивающие степень уверенности в тезисе («вероятно», «в большинстве случаев» и т. д.); а также оговора (rebuttal) – указание на возможные исключения или контраргументы [15, с. 218–224].

2. Типы доказательств.

С середины XX века отечественная филология сохраняла приверженность традиционной логике. Так, в 1970-1980е года отечественная филология опиралась на устоявшуюся традицию: аргументация воспринималась, как строгое логическое обоснование тезиса и выстраивалась через последовательное применение правил вывода и опору на проверяемые факты. Согласно Г. А. Брутяну, аргументация понималась как совокупность приёмов доказательства выдвинутого положения через рассмотрение и опровержение контраргументов, а подход отечественной школы был текстоцентричным, т.е. приоритет отдавался сопоставлению фрагментов и подробному комментарию, тогда как экстралингвистические данные играли подчинённую роль. [7, с. 26]

В 1990–2000-е годы, на фоне усложнения социальных и коммуникативных процессов, выявилась ограниченность традиционной логической модели для анализа реальной речевой практики: строгие рамки не позволяли в полной мере описать многообразие способов убеждения, применяемых в различных видах общения. Г.И. Рузавин предложил пересмотреть «узко-логическое» понимание доказательства и разработал расширенную модель убеждения, которая включала в себя не только логические приемы, но и эвристические, а также прагматические факторы, методы неформальной логики (работа с контраргументами, поиск компромиссов, выстраивание диалога с аудиторией). Такой взгляд на способ доказательства позволил сделать перенос с формальной «истинности» аргумента на его практическую эффективность в конкретной ситуации, то есть на способность достигать коммуникативной цели и воздействовать на аудиторию с учётом особенностей контекста. [31]

В 1990–2000-е годы в теории аргументации появились исследования, направленные на создание системных и лингвистических моделей, учитывающих сложность реальных коммуникативных процессов. Так, В. Н. Брюшинкин предложил системную модель аргументации (СМА), в которой доказательство трактуется как динамичный коммуникативный процесс, состоящий из трёх последовательных этапов: сначала осуществляется предварительное убеждение, анализируется аудитория и формируется стратегия воздействия; затем происходит отбор логических и риторических аргументов; на завершающей стадии выбранные доказательства адаптируются к текущей коммуникативной ситуации непосредственно в ходе взаимодействия с аудиторией. Параллельно Л. Г. Васильев разработал лингвистическую аргументологию, базирующуюся на семиологическом подходе: в её основе лежит анализ языковых знаков и их значений как ключевых элементов понимания текста. В рамках данной модели особое внимание уделяется тому, как семантические и прагматические свойства языковых единиц влияют на убедительность доказательства.

Научный дискурс конца XX – начала XXI века демонстрирует явную эволюцию взглядов на природу убедительности – убедительность доказательства определяется совокупностью условий: контекстом коммуникации, целями и намерениями участников, а также языковыми средствами, используемыми для подачи аргументов. В результате аргументация всё чаще анализируется комплексно, как явление, в котором взаимосвязаны логические структуры, риторические приёмы, лингвистические механизмы и коммуникативные стратегии.

С 2000-х годов в российской филологии формируется когнитивно-прагматический

синтез, углубляющий междисциплинарный подход. А. Н. Баранов рассматривает аргументацию как особый тип дискурса с коммуникативными целями, где доказательства – это комплекс языковых средств, воздействующих на поведение адресата. О. В. Куликова анализирует в роли аргументов речевые акты (ассертивы, декларативы, оценочные высказывания), А. И. Мигунов исследует структуру аргументативного речевого акта – его пропозициональное содержание, логическую форму и иллокутивную силу – и условия его успешности. [12, с.100–102]

Современные исследования расширяют границы анализа. Г. В. Карпов [16] и А. Р. Медведева [25] развивают направление мультимодальной аргументации, изучая структуры, объединяющие вербальные и невербальные компоненты (изображения, жесты, аудио). В сфере искусственного интеллекта Н.Н. Нишчхал [27] занимается моделированием аргументативных процессов и применением неклассических логик в ИИ-системах.

В зарубежных исследованиях более заметно сочетание текстового, контекстуального и корпусного доказательства. Аргумент нередко укрепляется статистическими выкладками, данными из электронных корпусов, междисциплинарными ссылками, что отражает общую установку современной научной парадигмы на эмпирическую проверяемость и воспроизводимость.

В зарубежных исследованиях аргументации эволюция подходов прошла путь от теоретических моделей к эмпирически обоснованным методам с опорой на текстовые, контекстуальные и корпусные доказательства.

В 1950–1960-е годы Х. Перельман и Л. Ольбрехтс-Тытека в работе «Трактат об аргументации: новая риторика» (1958) заложили основы неориторики, сместив акцент с универсальной логики на контекст и аудиторию, аргументация же стала пониматься как процесс достижения «присоединения» (*adhésion*) аудитории к позиции. [29].

В 1970–1980-е годы развитие прагмалингвистики и теории речевых актов (Дж. Остин, Дж. Р. Сёрл, П. Грайс) дополнило картину прагматическими аспектами, а исследования Ж.-К. Анкомбра и О. Дюкро выявили роль аргументативных маркеров в организации дискурса. С 1980-х годов Ф. Х. ван Еемерен и Р. Гроотендорст разработали прагма-диалектическую теорию, рассматривающую аргументацию как рациональный коммуникативный процесс для достижения консенсуса [24].

В конце XX – начале XXI века на первый план вышли междисциплинарность и цифровизация: появились направления корпусной лингвистики (Г.Р. Беннетт, В. Тойберт); вычислительной аргументации (К. Аль-Хатиб, Х. Вахмут, Й. Кизель, М. Хаген, Б. Штайн), мультимодальной аргументации (М.А. Гилберт, Э. Церонис и Й. Кьельдсен, и нейрокогнитивные исследования (Л. Мейер, Й. Облезер, С. Дж. Кибель). Г.Р. Беннетт рассматривает корпусную лингвистику как направление, занимающееся исследованием языка посредством лингвистических корпусов в то время, как В. Тойберт, напротив, высказывает мнение о том, что корпусная лингвистика – это, прежде всего, теоретический подход к изучению языка, а не просто методология. [2, с. 6–7]

Впервые понятие «мультимодальная аргументация» встречается в статье канадского исследователя М. А. Гилберта «Мультимодальная аргументация» (1994 г.). Он выделил четыре типа аргументации: логический, эмоциональный, физический и кисцеральный (основанный на мистическом опыте коммуникации). Современная теория мультимодальной аргументации базируется на работах Х. Перельмана, Л. Ольбрехт-Тытека и последователей новой риторики. Актуальные исследования в этой области развивают такие ученые,

как Э.Церонис и Й. Кьельдс [11, с.2–3].

В современной лингвистике по-прежнему фиксируется дефицит фундаментальных исследований, посвящённых мультимодальной аргументации, что объясняется несколькими причинами. Во-первых, данное научное направление находится на ранней стадии развития: единая методологическая база и чёткий понятийный аппарат пока не сформированы в достаточной степени, из-за чего возникает терминологическая неопределённость. Например, трактовка самого понятия «аргумент» существенно различается в работах разных авторов. Во-вторых, при анализе мультимодальных аргументов исследователи сталкиваются с типичными для мультимодальной лингвистики проблемами – в частности, с неоднозначностью интерпретации невербальных сигналов, значение которых сильно зависит от коммуникативного контекста. Как подчёркивает Р. Гилберт, эмоциональные проявления в коммуникации могут как как подкреплять, так и оспаривать аргументацию, что требует детального контекстуального анализа. [11, с.2–3]

Параллельно активно развивается область вычислительной аргументации, направление, связанное с автоматической обработкой текстов, поиском, оценкой и генерацией аргументов. Основная сложность данной сферы заключается в необходимости объединять разнородные типы знаний, включая различные стратегии аргументации, ведь долгое время изучение таких стратегий в текстовых данных оставалось на периферии научных интересов. Значительный вклад в развитие данного направления внесли исследователи Веймарского университета (К. Аль-Хатиб, Х. Вахсмут, Й. Кизель, М. Хаген, Б. Штайн): в своих работах они сосредоточились на анализе новостных редакционных статей и выделили ограниченный набор стратегий, которые впоследствии использовались для автоматической разметки текстов с применением алгоритмов машинного обучения [30, с. 95].

В современной зарубежной филологии типы доказательств в аргументации вышли за рамки логических доводов и ссылок на авторитеты: корпусная лингвистика опирается на статистический анализ электронных корпусов текстов (учёные подсчитывают частоту аргументативных маркеров и выявляют закономерности языковых средств убеждения); вычислительная аргументация использует алгоритмы для формального описания схем аргументов и оценки их убедительности – доказательствами здесь выступают результаты автоматизированного анализа связей между тезисами и доводами; мультимодальная аргументация признаёт доказательствами не только слова, но и визуальные элементы (инфографика, изображения), кинетические сигналы (жесты, мимика) и аудиокомпоненты (интонация); нейрокогнитивные исследования дополняют картину физиологическими данными (фиксируют активность мозга при восприятии аргументов, что позволяет объективно оценить, как человек обрабатывает и оценивает доказательства).

Сегодня нейрокогнитивные исследования в области аргументации изучают, как мозговые процессы связаны с формированием убеждений, восприятием аргументов и принятием решений. За рубежом данное направление исследуют учёные из разных стран, используя методы нейровизуализации (фМРТ, ЭЭГ, МЭГ) и когнитивного моделирования.

Исследованиями в данной области преимущественно занимается научная группа из Института когнитивных наук человека и мозга имени М. Планка. Специалисты института сосредоточились на изучении пространственно-временных характеристик процессов поиска и реорганизации аргументов. Для фиксации нейронной активности в ходе обработки языковых конструкций они применяют высокотехнологичные методы нейровизуализации – функциональную магнитно-резонансную томографию (фМРТ) и электроэнцефалографию (ЭЭГ).

В рамках проводимых экспериментов учёные детально анализируют, как мозг устанавливает логические и семантические связи между аргументами и глагольными компонентами предложений [37].

3. Критерии обоснованности.

В отечественной филологической традиции критерии обоснованности аргументации базируются в первую очередь на логической стройности рассуждения и преемственности сложившихся научных подходов. Обоснованность аргументации в отечественной филологии определяется комплексом критериев: логической стройностью, которая проявляется в чёткой и непротиворечивой связи между тезисом и аргументами, а также в тщательном анализе и опровержении возможных контраргументов с опорой на текстовый материал, особенно важно учитывать коммуникативный контекст, культурно-исторических и философско-риторических традиций. Аргументация осмысливается, как целостный системный процесс – от подготовки до реализации в общении.

В зарубежной филологии на первый план выходят эмпирическая проверяемость и воспроизводимость аргументации. Обоснованность подтверждается данными корпусного анализа и статистической частотностью языковых единиц, результатами экспериментальных исследований, включая мультимодальные доказательства (визуальные, кинетические и аудиоэлементы коммуникации). Всё чаще задействуются объективные нейрофизиологические показатели, фиксирующие реакцию мозга на аргументы. При оценке убедительности учитывается прагматическая релевантность: соответствие аргумента целям коммуникации, контексту и ожиданиям аудитории, а вычислительные методы позволяют верифицировать выводы и повторять анализ для получения стабильных результатов.

4. Роль контекста.

В отечественной филологии контекст учитывается, но играет второстепенную роль: приоритет отдаётся логической структуре аргументации – чёткому выделению тезиса, подбору аргументов и демонстрации их связи с тезисом. Даже при анализе коммуникативных аспектов (целей высказывания, особенностей аудитории) основой доказательства остаются текст и его детальный разбор: цитаты, фрагменты, комментарии. Культурно-исторические традиции русской философской и риторической мысли задают рамки интерпретации, ограничивая вариативность трактовок.

В зарубежной филологии контекст является центральным элементом аргументации: убедительность аргумента определяется не столько его логической корректностью, сколько соответствием коммуникативной ситуации, ожиданиям аудитории и целям взаимодействия. При этом, учитываются прагматические и социокультурные факторы, а также мультимодальные компоненты коммуникации (интонация, жесты, визуальные элементы), а объективную оценку влияния контекста на восприятие аргументов обеспечивают нейрокогнитивные методы исследования, фиксирующие физиологические реакции реципиента. Таким образом, контекст трансформируется из пассивного фона в активный компонент процесса убеждения, непосредственно влияющий на эффективность аргументации.

5. Степень зависимости от национальной научной парадигмы.

Отечественный подход к аргументации исторически опирается на традиции классической логики и филологической традиции, что определяет его относительно консервативный характер. В советский период методология во многом формировалась в рамках рационально-логического канона: акцент делался на строгих доказательствах, анализе текста и опровержении контраргументов. Даже при развитии новых направлений (системная модель

аргументации, лингвистическая аргументология, когнитивно-прагматический синтез) сохраняется ориентация на преемственность – новые идеи встраиваются в сложившуюся систему представлений. Междисциплинарность развивается постепенно: прагматические и коммуникативные факторы включаются в анализ, но не подменяют базовую логико-текстовую схему.

В зарубежной филологии подход к аргументации существенно зависит от смены научных парадигм и активно интегрирует междисциплинарные методы. Отказавшись от опоры исключительно на универсальную логику, исследователи сместили акцент на контекст и аудиторию: аргументация понимается, как процесс достижения согласия между участниками коммуникации. Современная зарубежная парадигма носит эмпирико-инструментальный характер – обоснованность аргументов проверяется, как уже упоминалось ранее, через корпусный анализ (статистика языковых единиц в электронных корпусах), вычислительные методы (алгоритмы для оценки убедительности схем аргументов) и мультимодальный подход (учёт не только слов, но и визуальных элементов, жестов, интонации), дополнительно привлекаются нейрокогнитивные данные, фиксирующие физиологическую реакцию человека на аргументы.

При сравнении отечественной и зарубежной филологии в контексте подходов к аргументации можно выделить как общие тенденции, так и некоторые различия, обусловленные историческими, философскими и методологическими традициями.

Сходства проявляются, прежде всего, в осознании многоуровневости аргументации и необходимости учёта не только логической структуры, но и коммуникативного контекста. Как в отечественной, так и в зарубежной филологии наблюдается движение от строго логических моделей к более комплексным подходам, интегрирующим различные аспекты аргументативного процесса. В обеих традициях признаётся значимость языковой реализации аргументации: анализируется связь между логической структурой высказываний и их речевой формой, а также роль лингвистических средств в обеспечении убедительности. Кроме того, и отечественные, и зарубежные исследования демонстрируют тенденцию к междисциплинарности (включение когнитивных, социальных и прагматических факторов в анализ аргументации становится всё более заметным).

Однако различия между традициями остаются значительными.

В современной отечественной филологии по-прежнему преобладают исследовательские подходы, опирающиеся на принципы классической логики и текстоцентрическую парадигму. Аргументация традиционно воспринимается, как иерархически организованная структура, в центре которой находится чётко сформулированный тезис, подкреплённый системой логически взаимосвязанных аргументов. Основу аналитического процесса составляет детальный разбор текстового материала: сопоставление фрагментов, развёрнутый комментарий и последовательное опровержение возможных контраргументов, экстралингвистические факторы же принимаются во внимание лишь частично, а коммуникативный контекст, хотя и учитывается, остаётся вторичным относительно логической структуры и текстовой базы. Методология ориентирована на преемственность научных традиций, что придаёт ей относительно консервативный характер.

В зарубежной филологии, напротив, преобладают коммуникативно ориентированные и эмпирические модели. В данном случае, аргументация понимается как динамический процесс убеждения, где решающую роль играют аудитория, ситуация и инструментальные методы анализа.

Акцент смещён с универсальной логики на контекст и эффективность воздействия: убедительность аргумента определяется его релевантностью коммуникативной ситуации и ожиданиям реципиента. Таким образом, можно сделать выводы, что в отечественной филологии преобладают системный и логико-лингвистический подходы к аргументации; в зарубежной филологии доминируют диалектический (прагма-диалектический) и риторический подходы, а также менее строгий комплексный подход, интегрирующий логические, риторические, когнитивные и социальные аспекты аргументации, что отражает общую тенденцию к междисциплинарности и эмпирической проверяемости результатов.

Резюмируя вышесперечисленное, отметим, что проведённый анализ методологических подходов к аргументации в отечественной и зарубежной филологии носил аналитический характер и включал анализ существующих методологических подходов к аргументации, сопоставление концептуальных основ, выявление ключевых методологических установок и оценку используемых исследовательских инструментов, а также показал, что тема действительно обладает высокой актуальностью для современной гуманитарной науки.

Аргументация выступает не только, как инструмент доказательства, но и как способ организации научного знания, влияющий на структуру исследования, выбор понятийного аппарата и интерпретацию текстов. Отечественная филология продемонстрировала устойчивую ориентацию как на текстоцентричность, так и на актороцентричность – внимание к историко-культурному контексту и авторской интенции. Зарубежные подходы чаще опираются на формализованные модели аргументации, логические схемы, а также на междисциплинарный инструментарий, включая элементы когнитивистики и прагматики.

Список литературы:

1. Автономова Н. С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках [Текст]: (Критич. очерк концепций фр. структурализма) / Н. С. Автономова; АН СССР, Ин-т философии. Москва: Наука, 1977. 271 с.
2. Аметов А. К. Теоретические аспекты становления и развития корпусной лингвистики / А. К. Аметов, Т. В. Сапун // Филологические чтения 2019 : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Оренбург, 19–20 сентября 2019 года / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Оренбургский государственный университет, Факультет филологии, Кафедра английской филологии и методики преподавания английского языка. Оренбург: ООО «Типография «Агентство Пресса», 2019. С. 4–9.
3. Аристотель. Сочинения в четырёх томах. Т. 2: Метафизика. Категории. Об истолковании. Первая аналитика / Аристотель; пер. с древнегреч.; общ. ред. и вступ. ст. З. Н. Микеладзе. Москва: Мысль, 1978. 685 с.
4. Бакулина М. С. Системный и комплексный подходы: сходство и различие / М. С. Бакулина // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (Вестник КГПУ). 2011. № 2. С. 168–173.
5. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. Москва: Ленанд, 2021. 368 с.
6. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт. Москва: Академический проект, 2018. 320 с.
7. Брутян Г. А. Философская природа теории аргументации и природа

- философской аргументации // Философские науки. 1978. № 1. С. 23–30.
8. Брюшинкин В. Н. Системная модель аргументации / В. Н. Брюшинкин // Трансцендентальная антропология и логика: труды международного семинара «Антропология с современной точки зрения» и VIII Кантовских чтений, Светлогорск, 21 ноября 1998 года – 24 сентября 1999 года. Светлогорск: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2000. С. 137–160.
 9. Васильев Л. Г. Аргументация и ее понимание: логико-лингвистический подход: монография. Калуга: Калужский гос. ун-т, 2014. 330 с.
 10. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн; пер. с нем. Л. Добросельского. Москва: АСТ, 2018. 159 с.
 11. Войтов Д. Формирование и развитие теории мультимодальной аргументации / Д. Войтов // Российский лингвистический бюллетень. 2024. № 7(55). С.1–4.
 12. Гавришина И. Н. Лингвистически ориентированные концепции аргументации / И. Н. Гавришина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12-1(90). С. 99–104.
 13. Гудкова К. В. Когнитивно-прагматический анализ аргументации в аналитической газетной статье (на материале британской прессы): дис. ... д-ра филос. наук. Санкт-Петербург, 2009. 184 с.
 14. Еемеерен Ф.Х. Систематическая теория аргументации: прагма-диалектический подход / Франс Х. Ееремен, Роб Гроотендорст; перевод с английского И. В. Берестова [и др.]. Москва: Канон-плюс, 2021. 263 с.
 15. Захарова О. В. Идентификация и анализ топосов (аргументационных схем) в политическом дискурсе / О. В. Захарова // Политическая наука. 2016. № 3. С. 217–235.
 16. Карпов Г. В. Мультимодальная аргументация в эпоху Words privilege / Г. В. Карпов // Философский журнал. 2023. Т. 16, № 4. С. 180–196.
 17. Касавин И. Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы / И. Т. Касавин. Москва: Альфа-М, 2013. 560 с.
 18. Корсаков С. Н. О соотношении комплексного и системного подходов // Человек – наука – гуманизм: к 80-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова / отв. ред. А.А. Гусейнов; Институт философии РАН. Москва: Наука, 2009. 800 с.
 19. Котельникова Л. А. Системный подход к процессу убеждения и аргументации / Л. А. Котельникова, Г. И. Рузавин. Москва: ИФРАН, 2001. 184 с.
 20. Куликова О. В. Лингвопрагматические основания теории аргументации: на материале английского языка: дис. ... д-ра филол. наук; Москва, 2011. 367 с.
 21. Лисанюк Е. Н. Логико-когнитивная теория аргументации: дис. ... д-ра филос. наук. – Санкт-Петербург, 2016. 297 с.
 22. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. М. Лотман; предисл. С. М. Даниэля, сост. Р. Г. Григорьева. СПб.: Академический проект, 2002. 543 с.
 23. Малыхина Г. И. Логика и теория аргументации: учебно-методический комплекс / Г. И. Малыхина, М. Р. Дисько-Шуман. Минск: БГУИР, 2009. 38 с.
 24. Матвеева Г. Г. Основы прагмалингвистики [Текст]: монография / Г. Г. Матвеева, А. В. Ленец, Е. И. Петрова. Москва: Флинта, 2013. 230 с.
 25. Медведева А. Р. Мультимодальная аргументация в жанре «обзор плохого кино» // Челябинский гуманитарий. 2020. № 3 (52). С. 105–111.
 26. Микиртумов И. Б. Теория смысла и интенциональная логика / И. Б. Микиртумов.

- Санкт-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета, 2006. 351 с.
27. Нишчхал Н. Н. Аргументация в области искусственного интеллекта / Н. Н. Нишчхал // Актуальные проблемы авиации и космонавтики: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню космонавтики. В 3-х томах, Красноярск, 12–16 апреля 2021 года. Том 3. Красноярск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева», 2021. С. 932–933.
 28. Ощепкова Н. А. Стратегии и тактики в аргументативном дискурсе: прагмалингвистический анализ убедительности рассуждения: дис. ... канд. филол. наук. Калуга, 2004. 199 с.
 29. Перельман Х. Новая риторика. Трактат об аргументации / пер. с фр. С. Э. Зверева; под ред. И. А. Савкина. СПб.: Алетейя, 2025. 710 с.
 30. Пименов И. С. Компьютерный анализ приемов и стратегий аргументации в текстах научной коммуникации / И. С. Пименов, Н. В. Саломатина, М. К. Тимофеева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 1. С. 93–109.
 31. Рузавин Г. И. Методологические проблемы аргументации: монография / Г. И. Рузавин; Рос. акад. наук, ин-т философии. Москва: ИФ РАН, 1997. 202 с.
 32. Сидорова Е. А. Комплексный подход к анализу аргументативных отношений в текстах научной коммуникации / Е. А. Сидорова, И. Р. Ахмадеева, Ю. А. Загорулько [и др.] // Онтология проектирования. 2023. Т. 13, № 4(50). С. 562–579.
 33. Соколова Л. Ю. Башляр о формировании научного мышления / Л. Ю. Соколова // Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. 2015. № 1(6). С. 145–153.
 34. Bachelard G. La formation de l'esprit scientifique: contribution à une psychanalyse de la connaissance. P.: VRIN, 2004. 306 p.
 35. Brocos P. “Be rational!” Epistemic aims and socio-cognitive tension in argumentation about dietary choices / P. Brocos, M. P. Jiménez-Aleixandre, M. J. Baker // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. URL: <https://www.researchgate.net/publication/364487302>.
 36. Goldman A. I. Knowledge in a Social World / A. I. Goldman. Oxford: Clarendon Press, 1999. 456 p.
 37. Meyer L. Spatiotemporal Dynamics of Argument Retrieval and Reordering: An fMRI and EEG Study on Sentence Processing / L. Meyer, J. Obleser, S. J. Kiebel, A. D. Friederici // *Frontiers in Psychology*. 2012. Vol. 3. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2012.00523/full>.
 38. Sperber D. Relevance: Communication and Cognition / D. Sperber, D. Wilson. Oxford: Blackwell, 1996. 338 p.

МБОУ СОШ № 6 имени А. С. Пушкина г. Калуги, Калуга, РФ

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, РФ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82

Е. А. Балашова ШПАЛИКОВ В БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

Нельзя сказать, что имя Геннадия Шпаликова забыто современным литературоведением, однако до настоящего времени список работ, посвященных его творческой биографии, невелик. Исследований по поэтике стихотворных текстов почти нет [1]. Тем не менее становится насущной необходимостью энциклопедической характеристики поэта, вытекающей из общей задачи времени – расширить знания о прошлом культурном развитии.

Ключевые слова: библиография; Шпаликов; словари; персоналия; энциклопедия; русская поэзия XX века.

E. A. Balashova SHPALIKOV IN BIBLIOGRAPHICAL PUBLICATIONS

It cannot be said that Gennady Shpalikov's name has been forgotten by contemporary literary scholarship; however, to date, the list of works devoted to his creative biography is small. Research on the poetics of his poetic texts is virtually nonexistent [1]. Nevertheless, the need for an encyclopedic characterization of the poet is becoming urgent, stemming from the general goal of our time – to expand knowledge of past cultural development.

Keywords: bibliography; Shpalikov; dictionaries; personalities; encyclopedia; 20th-century Russian poetry.

Имена прошлого века предугадывают вкусы в сегодняшнем литературном процессе, предсказывают приоритеты. Облик сегодняшнего литературного периода заставляет задуматься, насколько долговечны прогнозы. XX век как уже состоявшийся век может ожидать оценки своей целостности. И тогда никак нельзя обойти вниманием фигуру Геннадия Шпаликова. Его имя не было отменено цензурой, поэзия не была запрещенной, были даже знаковые стихи. Его не надо было вызволять из небытия. Тем не менее есть осознание непрочитанности, закрытости этого автора, несмотря на то что в последнее время появляются значимые исследования – начиная с вышедшей в 2017 г. в серии «ЖЗЛ» книги А. В. Кулагина «Шпаликов» [16].

Советская литература безусловно была организмом идеологизированным и управляемым. Ценностную иерархию в ней устанавливала не профессиональная среда и не читатель, а власть. Да, это означало, что не вся литература была востребована. Но задача литературоведов не утверждение иерархии в поэтическом мире, а воссоздание целостной картины русской литературы. Фигура Геннадия Шпаликова была заслонена более признанными официальными поэтами, но, как бы то ни было, его имя должно было остаться в библиографических словарях, которые хранят информацию именно историческую, ведь словари не составляются по принципу литературного достоинства. Отсутствие имени Шпаликова во многих библиографических словарях усугубляется еще и тем фактом, затрудняющим работу литературоведа, что до сих пор отсутствует текстологически выверенное издание полного

собрания сочинений Шпаликова [2]. Отсутствует информация о датировке текстов, нет комментариев.

Что мы имеем на сегодняшний день, какие упоминания Шпаликова в библиографических словарях и учебных пособиях? Подобные издания пытаются сохранить необходимые для понимания творчества цитаты, которыми поэт остался в языке и памяти культуры, рассказать о спорах, возникающих вокруг его имени. Словари и учебники пытаются представить эстетический результат всего накопленного, хотя «слагаемые» этого могут быть неравноценными.

Как и ожидалось, Шпаликова не обходит стороной «Большая энциклопедия» (Большая энциклопедия: в 62 т. (глав. Редактор С. А. Кондратов). Т. 59 [9, с. 378]). Отмечен он несколькими строками и в «Биографическом энциклопедическом словаре» [8, с. 676], в «Кино: энциклопедическом словаре» (глав. редактор С. И. Юткевич) [13; с. 502–503].

В биографическом словаре «Русские писатели, XX век» (сост. И. О. Шайтанов) [23] в аннотации сказано, что это издание – одно из первых опытов энциклопедии русской литературы XX века. Словарь характеризует наиболее значимые произведения, в первую очередь те, которые включены в школьную программу по литературе [23, с. 2]. Именно здесь сказано, что Шпаликов, сочинявший свои стихи постоянно, но «вроде бы мимоходом», оставался поэтом в своих сценариях, «где всегда ощущалось лирическое начало» [23, с. 605–606]. Статьи здесь краткие, делающие акцент на главном – создать впечатление несколькими фразами лаконичной оценки, что позволяет задержаться как на анализе манеры писателя в целом, так и на отдельных самых выдающихся его произведениях.

Авторы каждого издания надеются, что их книги послужат содержательным материалом для научной истории русской литературы XX века. И вроде бы пытались избегать пристрастий, мировоззренческих предпочтений. Возможно, создавая картину словесности, не нашли места Геннадия Шпаликову в чужом творческом согласии? Могли просто забыть? Сколько угодно оправданий, но среди сотен имен его имени нет – и как будто не было в поэзии...

Нет упоминания в книге «Советские писатели. Автобиографии» (Советские писатели. Автобиографии: в 4 т. Т. IV. М.: Художественная литература, 1972. 600 с. [28]). И позже в подобном издании (Писатели России: автобиографии современников. М.: Журналистское агентство «Гласность», 1998. 504 с. [21]) также нет упоминания Шпаликова. Составители сборника не ставили перед собой задачу представить список лучших современных писателей, они добросовестно поместили в книгу все автобиографии откликнувшихся на предложение издательства прозаиков, драматургов, поэтов, критиков. Таким образом, эта книга скорее доказательство того, как себя оценивал автор.

В аннотации к словарю «Русские писатели XX века: биографический словарь / под ред. П. А. Николаева. М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», издательство «Рандеву АМ», 2000. 808 с. [25] говорится, что издание представляет собой «самую широкую, на конец 2000 г., энциклопедическую панораму отечественной литературы современности» [25, с. 808]. Пусть так, только Шпаликов здесь отсутствует.

Не оказалось Шпаликова в поле зрения составителя С. И. Чуприна в книге «Новая Россия: мир литературы» [20]. В этом двухтомном энциклопедическом словаре-справочнике, охватывающем период с 1985 года по октябрь 2001 г., упоминаются авторы, родившиеся и ранее Шпаликова, и тоже уже умершие, например, Л. В. Титова (1921–1993) или В. Н.

Тихвинский (1924–1988). Это обидно, поскольку вкусу С. И. Чуприна мы доверяем, его мнение было бы интересно.

В материалах для биографии «Русские поэты XX века: 1900–1955» (2004 г.) А. К. Тарасенкова, Л. М. Турчинского [33] также нет словарной статьи, посвященной поэту. Возможно, потому, что в основу изысканий не попадают более поздние годы творчества.

«Русские писатели, поэты», выпущенные издательским отделом РНБ в 2017 г., проигнорировали поэта Шпаликова [26]. В словаре «Русские писатели: XX век: биобиблиографический словарь: в 2 ч. Ч. 2 / под ред. Н. Н. Скатова. М.: Просвещение, 1998. 656 с. [24] большое внимание уделено поэтам, особенно поэтам Русского зарубежья... Шпаликова – нет.

Справочник Союза писателей СССР (ред. К. Н. Селихов), включающий в себя адреса и телефоны писателей, не содержит информации о Шпаликове [29].

Хотелось увидеть имя Г. Шпаликова в «Истории советской поэзии» Бердинских [7], а также в учебном пособии Н. Л. Лейдермана, М. Н. Липовецкого «Современная русская литература: 1950–1990-е годы: в 2 т.» [17]. К сожалению, ожидания оказались тщетны, как и поиски в изданиях [3; 5; 6; 19–22]. Эти издания – с хорошим, литературоведчески грамотным предисловием. В книге Бердинских нет материала о Шпаликове, но в Приложении он отнесен в раздел «Поэты из "второго ряда"».

Конечно, это упущение: без имени Шпаликова история советской поэзии неполная. И сейчас становится все более ясной знаковость его поэзии.

Проблема, стоящая перед собирателем библиографических данных, не в ограничении материала: его-то как раз не так много, чтоб ограничивать. Мы можем постараться учесть все упоминания о нем. Но в подавляющем большинстве это воспоминания, указание либо на сведения из жизни, либо на кинематографическую деятельность. Остальные статьи – это эссеистика, откликающаяся на «поэзию» личности Шпаликова, или воспоминания. В этом ряду замечательная история про «лесного человека», вышедшего из леса с мешком и направившегося к дому Элема Климова и Ларисы Шепитько. Только вместо картошки в нем было «несметное число обрывков и клочков», исписанных листков, из которых предстояло собрать сценарий [37, с. 87]. Или упоминание в «Строфах века», где Геннадия Шпаликову отводится одна страница. Евгений Евтушенко включает три стихотворения в подборку: «У лошади была грудная жаба...», «Песня из пьесы» («Лают бешено собаки...»), «Ах, утону я в Западной Двине». В сопровождающей записке – воспоминания о последней встрече с поэтом незадолго до смерти Шпаликова: «1937, Сегежа, Карелия – 1974, Москва. Незадолго до смерти он был у меня дома, задержался допоздна. Хотя об этом не сказал мне ни слова, я почувствовал, что идти ему некуда, и предложил переночевать. Он спал сном одинокого обиженного ребенка, а утром радостно играл с моим сыном Петей, но потом вдруг заторопился, словно стесняясь, что его неприкаянность может помешать чужому уюту. Его обожгло, даже сожгло морозом, оледенившим наши души после многообещающей "оттепели". "Безвременье вливало водку в нас", – написал о людях, не выдержавших такого жестокого похолодания, Высоцкий. Бывший суворовец, Шпаликов был романтиком оттепели. Оскорбленный, оскопленный фильм по сценарию Шпаликова "Застава Ильича" сейчас кажется возвышенно-сентиментальным, а его обвиняли в "очернительстве". Шпаликов не выдержал обмана оттепелью, не выдержал отъездов многих друзей туда, куда нельзя зайти переночевать, если некуда идти. Стихотворение "У лошади была грудная жаба" в ином варианте исполнял А. Галич, многие приписывали весь текст ему» (Строфы века: Антология русской поэзии /

составитель Е. Евтушенко. – М.: Полифакт. Итоги века, 1999. 1056 с. [30, с. 832]). Среди воспоминаний особенно выделим: «Сегодня вечером мы пришли к Шпаликову: Воспоминания, дневники, письма, последний сценарий» / сост. А. Ю. Хржановский. М., 2018 [27], а также [4; 1; 11; 12; 14; 15; 18; 31; 32; 34; 35–38].

На сегодняшний день уже не требуется утверждение места Геннадия Шпаликова в иерархии поэтического мира, сейчас нужно воссоздание целостной картины, исторической картины русской литературы, что, безусловно, должно найти отражение в учебных пособиях и библиографических изданиях.

Список литературы:

1. См. работы по поэтике творчества Шпаликова: Балашова Е. А. Геннадий Шпаликов как советский поэт // Челябинский гуманитарий, 2025. № 1 (70). С. 16–22; Вегин П. Его ошибка... // Юность, 1987. № 9. С. 91; Виноградова О. А. Поэтический мир Геннадия Шпаликова // Дергачевские чтения – 98. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1998. С. 63–65; Геронимус В. «А человек уходит в ночь...». О поэзии Геннадия Шпаликова // Pechorin.net. URL: <https://pechorin.net/articles/view/a-chieloviek-ukhodit-v-nocho-poezii-giennadiia-shpalikova> (дата обращения: 14.10.2024); Доманский Ю. В. Долгая счастливая жизнь: Геннадий Шпаликов, Егор Летов, Борис Хлебников // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2017. № 17. С. 188–212; Забашта Р. В. Функция подвижного персонажа в поэтическом тексте: интерпретационный аспект (на примере стихотворения Г. Шпаликова «По несчастью или счастью...») // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки, 2015. Т. 1 (67), № 2. С. 131–136; Зверева Т. В. «Куда ж нам плыть?»: Пушкинские ориентиры в творчестве Геннадия Шпаликова // Уральский филологический вестник, 2021. № 4. С. 179–193; Колесова Е. О. Ирония в лирике Геннадия Шпаликова // Начало. Сборник научных трудов молодых исследователей ГСГУ. Колומна, 2022. С. 339–346; Кулагин А. В. Шпаликов. М., 2017; Малащенко В. В. Центральные образы и мотивы поздних стихотворений Геннадия Шпаликова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия «Филология, педагогика, психология», 2024. № 1. С. 89–99; Пеунов Д. С. Лермонтовские мотивы в киносценариях Геннадия Шпаликова // КиноКультура, 2025. № 4. С. 27–36; Таймазова Л. Л., Велиляева Д. Р. Особенности поэтического языка Г. Шпаликова. Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Сер.: Филология. История. 2018. № 1. С. 40–43; Творчество Геннадия Шпаликова в контексте кинематографа оттепели. К 85-летию со дня рождения. Сборник статей. Научное издание. М., 2024.
2. Небольшой список изданий поэта: Шпаликов Г. Бывает все на свете хорошо. М., 2001; Шпаликов Г. Избранное: Сценарии. Стихи и песни. Разрозненные заметки. М., 1979; Шпаликов Г. Стихи. Письма. Песни. Сценарии. Роман. Рассказы. Наброски. Дневники. Письма. Екатеринбург, 1998; Шпаликов Г. Пароход белый-беленький: сб. стихов / сост. А. Нехорошев. М., 1999; Шпаликов Г.Ф. Прощай, Садовое кольцо. М., 2000; Шпаликов Г.Ф. Я жил как жил. Стихи. Проза. Драматургия. Дневники. Письма. М., 2013.

3. Абельюк Е.С., Поливанов К.М. История русской литературы XX века: Книга для просвещенных учителей и учеников: в 2 кн. Кн. 2: После революций. М.: НЛО, 2009. 352 с.
4. Азатыян А. Ах ты, палуба, палуба...// Пионер, 2014. № 2.
5. Баевский В.С. История русской литературы XX века: компендиум. 2 изд., перераб. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2003. 448 с. (Studia philological).
6. Баевский В.С. История русской поэзии: 1730 – 1980 гг. Компендиум. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Смоленск: Русич, 1994. 304 с.
7. Бердинских В. История советской поэзии. М.: Ломоносовъ, 2014. 448 с.
8. Биографический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 712 с.
9. Большая энциклопедия: в 62 т. (глав. редактор С. А. Кондратов). Т. 59. М.: ТЕРРА, 2006. 592 с.
10. Бондаренко В. Геннадий Шпаликов // Бондаренко В. Дети 1937 года. М., 2001.
11. Боровиков С. От Урала до Волги: публикации дневников, писем, воспоминаний в «толстых» литературных журналах в первом полугодии 2017 года // Знамя, 2017. № 10. С. 211–218.
12. Заболоцкий А.Д. Почему неприемлем памятник у ВГИКа? // Москва, 2015. № 2. С. 210–214.
13. Кино: энциклопедический словарь» (глав. редактор С. И. Юткевич). М.: Советская энциклопедия, 1986. 640 с.
14. Кулагин А. В. «Давай сейчас его вернем...»: поэзия Геннадия Шпаликова на факультативном занятии. XI класс // Литература в школе, 2019. № 10. С. 6–9.
15. Кулагин А.В. Ленинградский год Геннадия Шпаликова // Звезда, 2017. № 4. С. 213–228.
16. Кулагин А. В. Шпаликов. М.: Молодая гвардия, 2017. 278 с. (Жизнь замечательных людей, вып. 1662).
17. Лейдерман Н. Л. Современная русская литература: 1950 – 1990-е годы. В 2 т.: уч. пособие для студ. высш. Учебн. заведений. Т.1. 1953 – 1968 / Н.Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 416 с.
18. Лесин Е. Пролетарий стал крылат, или Авиация, полеты и все такое прочее в русской поэзии // Знание – сила, 2019. № 8. С. 60–63.
19. Литературная матрица. Учебник, написанный писателями. Сборник. В 2 т. Т.2. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2010. 792 с.
20. Новая Россия: мир литературы: Энциклопедический словарь-справочник: в 2 т. Т. II. М., 2003. 928 с.
21. Писатели России: автобиографии современников. М.: Журналистское агентство «Гласность», 1998. 504 с.
22. Русская литература XX века: учеб. пособие: в 2 частях / под ред. Т.А. Никоновой. изд. 2-е, испр. И доп. Воронеж: Издательский дом ВГУ. Ч. 2: Человек, мир, социум в литературе второй половины XX века (1940 – 1990-е годы). 2018. 418 с.
23. Русские писатели, XX век: биографический словарь (сост. И. О. Шайтанов). М.: Просвещение, 2009. 623 с.
24. Русские писатели: XX век: биобиблиографический словарь: в 2 ч. Ч. 2 / под ред. Н. Н. Скатова. М.: Просвещение, 1998. 656 с.

25. Русские писатели XX века: биографический словарь / под ред. П. А. Николаева. М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», издательство «Рандеву АМ», 2000. 808 с.
26. Русские писатели, поэты. Т. 30. СПб.: Издательский отдел РНБ, 2017. 596 с.
27. Сегодня вечером мы пришли к Шпаликову: Воспоминания, дневники, письма, последний сценарий / сост. А. Ю. Хржановский. М.: Рутения, 2020. 816 с.
28. Советские писатели. Автобиографии: в 4 т. Т. IV. М.: Художественная литература, 1972. 600 с.
29. Справочник Союза писателей СССР (ред. К. Н. Селихов). Составлен по данным на 1 марта 1976 г. М.: Советский писатель, 1976. 767 с.
30. Строфы века: Антология русской поэзии / составитель Е. Евтушенко. М.: Полифакт. Итоги века, 1999. 1056 с.
31. Суриков В. Судьба Геннадия Шпаликова / полосу подготовил Вячеслав Суриков // Эксперт, 2019. № 25. С. 68.
32. Суркова О. Письмо вослед // Искусство кино, 2001. № 3. URL: <https://old.kinoart.ru/archive/2001/03/n3-article22> (дата обращения 05.04.2023)
33. Тарасенков А. К., Турчинский Л. М. Русские поэты XX века: 1900–1955: Материалы для библиографии. М.: Языки славянской культуры, 2004. 896 с. (Studia poetica).
34. Финн Павел. Конспект воспоминаний // Искусство кино, 2015. № 131–171.
35. Финн Павел. Прощай, Садовое кольцо: лирическая комедия в советском стиле // Киносценарии, 2011. № 4/6. С. 30–71.
36. Черноусов А. П. Шпаликов // Русская литература XX века. Прозаики, поэты драматурги. Библиографический словарь: в 3 т. / под ред. Н. Н. Скатова. Т. 3. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. 830 с. С. 750–752.
37. Шеваров Д. «А верю я безотчетно в нелепую эту страну...»: в сентябре Геннадию Шпаликову исполнилось бы 80 лет // Родина, 2017. № 9. С. 86–88.
38. Шпаликова Д. Дарья Шпаликова: Завещание // Караван историй, 2020. № 7. С. 174–191.

УДК 821.161.1

В. А. Елистратова
МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ «ДВОЙНИКА» И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье исследуется мифопоэтическая природа образа «двойника» в творчестве Ф. М. Достоевского как ключевого архетипа, раскрывающего метафизическую структуру личности. Анализируется генезис мотива двойничества от архаических мифов и романтической традиции к его уникальной реализации в художественной системе писателя. Особое внимание уделяется семантике двойничества как проекции внутреннего хаоса, «темной» половины души и инструмента инициации героя.

На материале повестей «Двойник» и «Хозяйка», а также романов «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» выявляется, как через архетип двойника Ф. М. Достоевский конструирует модель расколотой личности, стоящей на грани между небытием и духовным возрождением. Доказывается, что встреча с двойником является узловой точкой в мифопоэтическом пространстве произведений, где решается судьба человеческого «Я».

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; мифопоэтика; двойник; двойничество; архетип; личность; тень; хаос; индивидуация; бессознательное.

V. A. Elistratova
THE MYTHOPOETIC IMAGE OF THE «DOUBLE» AND ITS SIGNIFICANCE
FOR UNDERSTANDING PERSONALITY IN THE WORKS OF F. M. DOSTOYEVSKY

The article examines the mythopoetic nature of the «double» image in the works of F. M. Dostoevsky as a key archetype that reveals the metaphysical structure of personality. The genesis of the double motif from archaic myths and the Romantic tradition to its unique realization in the writer's artistic system is analyzed. Special attention is paid to the semantics of doubling as a projection of internal chaos, the «dark» half of the soul, and an instrument of the hero's initiation.

Based on the material of the stories «The Double» and «The Landlady», as well as the novels «Crime and Punishment» and «The Brothers Karamazov», it is revealed how, through the archetype of the double, Dostoevsky constructs a model of a split personality on the verge between non-existence and spiritual rebirth. It is proved that the encounter with the double is a nodal point in the mythopoetic space of the works, where the fate of the human «self» is decided.

Keywords: F. M. Dostoevsky; mythopoetics; double; doubling; archetype; personality; shadow; chaos; individuation; unconscious.

Художественная антропология Ф. М. Достоевского, основанная на принципах «реализма в высшем смысле», неизбежно сталкивает исследователя с феноменом предельной усложненности и глубины человеческой личности. За психологическим анализом «подполья» сознания проступают контуры универсальных архетипических моделей, укорененных в коллективном бессознательном. Одной из таких фундаментальных моделей, организующих мифопоэтическое пространство произведений писателя, является образ двойника. Этот образ, восходящий к древнейшим мифологемам раздвоения мира и человека, у Ф. М. Достоевского трансформируется в мощный инструмент исследования кризиса идентичности, метафизического одиночества и путей обретения целостности [5, с. 215].

Мифопоэтический подход позволяет выйти за рамки традиционного рассмотрения двойника как сугубо романтического приема или симптома психической болезни героя. В архаических мифах двойник (нави, тень, альтер-эго) выступает как душа-спутник, часто связанная с хтоническим, нижним миром. Его появление знаменует встречу человека с собственной судьбой, сокрытой или отвергнутой частью своего «я».

Как отмечает Е. М. Мелетинский, мифологический герой, встречаясь со своим двойником, проходит инициацию, в ходе которой либо гибнет, либо обретает новое, более полное знание о себе и мире [6, с. 98]. Именно в этом ключе – как мистериальный акт, разворачивающийся в пространстве внутреннего Космоса личности, – двойничество функционирует у Ф. М. Достоевского. Двойник становится персонификацией Хаоса, таящегося в глубинах души, того «подполья», которое бросает вызов рационально упорядоченному Космосу социальных норм и религиозных догматов.

Генезис образа двойника в творчестве Ф. М. Достоевского отчетливо прослеживается от ранней повести «Двойник» (1846) к зрелым романам, демонстрируя углубление и усложнение этого архетипа в соответствии с эволюцией философской мысли писателя. Уже в истории Якова Петровича Голядкина архетип обретает классические черты, унаследованные от романтической традиции Гофмана и Э. По: двойник-соперник (Голядкин-младший) является навязчивой проекцией подавленных амбиций, социальных страхов и вытесненной агрессии героя.

Однако мифопоэтическое измерение здесь задано уже самим пространством Петербурга – фантазмагорического города-хаоса, где размываются не только границы между реальным и ирреальным, но и сама материальность бытия становится зыбкой и враждебной. Этот город, с его туманами, желтыми стенами и бесконечными коридорами власти, сам выступает как порождение коллективного безумия, в лоне которого и рождается двойник.

Голядкин-старший, тщетно пытаясь сохранить свой жалкий «космос» мелкого чиновничьего существования, сталкивается не просто с конкурентом, а с хтоническим вторжением своего темного альтер-эго. Этот двойник не просто пародирует его внешние манеры; он системно и целенаправленно разрушает саму основу социальной идентичности героя, присваивая его имя, место в службе и круг общения, тем самым лишая Голядкина-старшего последних опор в реальности [2, с. 85]. Исследователи справедливо указывают на связь этого сюжета с глубинными фольклорными и мифологическими мотивами оборотничества, подмены и потери тени как символа утраты души [9, с. 112].

Гибель личности Голядкина (его «сведение с ума») в мифопоэтическом ключе можно трактовать как катастрофически неудачную инициацию: герой, столкнувшись с материализованной «Тенью», не сумел ни интегрировать ее в сознание, ни одолеть в борьбе, а был ею тотально поглощен, что знаменует полную победу внутреннего хаоса над слабыми зачатками личностного космоса.

В зрелом творчестве функция двойника радикально усложняется, переставая быть сюжетной аллегорией безумия и становясь неотъемлемым, судьбоносным элементом духовной драмы центральных персонажей. Двойник здесь – уже не внешний призрак, а неотъемлемая часть метафизического ландшафта души [4, с. 56].

В романе «Преступление и наказание» система двойников выстраивается вокруг Родиона Раскольникова, образуя целую галерею «отражений»-искушений, в которых кристаллизуются и доводятся до абсурда разные аспекты его нигилистической идеи и расколотой личности. Свидригайлов и Лужин выступают как двойники-искусители, воплощающие

логику его теории «крови по совести» до ее предельных нравственных последствий – циничного вседозволения, лишённого всякого бунтарского пафоса, и холодного рационального эгоизма. Петр Лужин, с его «теорией кафтана», представляет собой мещанское, утилитарное дно наполеоновской идеи, ее пошлую карикатуру, что заставляет Раскольникова с отвращением отшатнуться от собственного отражения в этом «двойнике-тривиализации».

Однако наиболее глубоким и онтологически значимым мифопоэтическим отражением является, безусловно, Аркадий Свидригайлов. Он живое воплощение того экзистенциального хаоса, метафизической беспочвенности и абсолютной свободы от добра и зла, к которым в конечном итоге ведет путь, избранный Раскольниковым. Его пространство – это кошмары, туманы, гостиничные номера как временные пристанища вечного скитальца. Видения Свидригайлова, связанные с вечной «банькой с пауками» и застрелившейся девочкой, – это не галлюцинации, а прямые прорывы хтонического, демонического начала в реальность, стирающие грань между земным и inferнальным [8, с. 180].

Если Раскольников мучительно балансирует на лезвии между Хаосом своей идеи и Космосом вечного нравственного закона, то Свидригайлов уже давно и добровольно пребывает в Хаосе как в своей единственной стихии, превратив его в бесконечный, лишённый смысла сенсорный опыт. Поэтому его самоубийство – это не наказание свыше и не акт раскаяния, а логичное, почти будничное окончательное погружение в небытие, итог пути личности, которая, испытав всю «широту» хаоса, отказалась от самого поиска смысла и целостности. Встреча со Свидригайловым становится для Раскольникова ключевым зеркалом, в котором он видит возможный, почти реализовавшийся финал собственной судьбы.

Для наглядного представления мифопоэтической системы двойников в романе «Преступление и наказание» обратимся к таблице 1.

Таблица 1. Функции и мифопоэтическая семантика двойников Раскольникова

Персонаж-двойник	Связь с Раскольниковым	Мифопоэтическая функция и архетипический образ
Аркадий Свидригайлов	Воплощение идеи «вседозволенности» в ее аморальном, циничном завершении.	Хтонический двойник, проводник в Аид. Персонификация внутреннего хаоса, душевной «мглы». Его пространство – кошмары, туманы, пороги между жизнью и смертью.
Петр Лужин	Воплощение рационально-эгоистического начала теории («цель оправдывает средства»), лишённого бунтарского пафоса.	Двойник-карикатура, «мелкий бес». Демонстрирует низменное, мещанское дно «наполеоновской» идеи. Архетип ложного пути, ведущего в духовный тупик.
Соня Мармеладова	Смысловой и духовный антипод-двойник. Несет идею смирения, страдания и искупления.	Двойник-спаситель, проводник к Космосу. Воплощение софийного, спасительного начала (Вечная Женственность, Божья правда). Ее крест – символ избранного пути к целостности.

Апогеем развития мифопоэтики двойничества становится роман «Братья Карамазовы». Здесь мотив приобретает тотальный характер, пронизывая отношения между братьями и выходя на уровень философской притчи. Иван Карамазов и его двойник – черт – представляют собой уникальный в мировой литературе случай интеллектуально-философского двойничества.

Дьявол у Ивана – не внешняя демоническая сила, а проекция его собственного бунтующего разума, его болезненного сомнения и «карамазовской» чувственности, доведенных до логического предела. Их диалог – это инсценировка внутреннего раскола, где черт озвучивает самые потаенные, кощунственные и отчаянные мысли героя [1, с. 120].

С мифопоэтической точки зрения, этот черт – классическая «Тень» в юнгианском понимании: совокупность вытесненных, непризнаваемых качеств личности [10, с. 284]. Его появление знаменует кульминацию духовной болезни Ивана, его погружение в хаос релятивизма, где «все позволено». Однако, в отличие от Свидригайлова, встреча с двойником для Ивана становится мучительным, но необходимым этапом на пути к возможному прозрению, к осознанию собственной ответственности.

Особый аспект мифопоэтики двойника связан с ономастикой. Имена персонажей-двойников часто образуют смысловые пары или антитезы, подчеркивая их глубинную связь и противоположность. Так, Раскольников (раскол) находит свое завершение в Свидригайлове, чья фамилия, возможно, восходит к польскому «swidryga» (вертлявый, пустой) или ассоциируется с «вихрем», что усиливает семантику хаоса и беспочвенности [3, с. 67].

В «Братьях Карамазовых» Иван (Божья благодать) противопоставлен своему двойнику-черту, что создает напряженный оксюморон: богоборец, несущий в себе имя божественного дара.

Процесс встречи и взаимодействия с двойником в мифопоэтическом мире Ф. М. Достоевского подчиняется архаической логике ритуала инициации. Этот процесс можно систематизировать в виде этапов, ведущих личность либо к гибели, либо к возрождению (таблица 2).

Таблица 2. Мифопоэтические этапы встречи с двойником как инициации личности

Этап инициации	Содержание этапа	Пример из произведений Ф.М. Достоевского	Исход для личности
1. Кризис идентичности	Герой ощущает внутренний раскол, неудовлетворенность своим «я». Возникает предчувствие встречи.	Раскаяние Раскольникова после убийства; «мозговая горячка» Ивана Карамазова.	Создание предпосылок для явления двойника.
2. Явление двойника	Проекция отвергаемой части личности обретает автономию, является герою в реальности или в галлюцинациях.	Появление Голядкина-младшего; визит Свидригайлова к Раскольникову; диалог Ивана с чертом.	Конфронтация с собственным «подпольем», «Тенью».

Продолжение таблицы 2

Этап инициации	Содержание этапа	Пример из произведений Ф. М. Достоевского	Исход для личности
3. Конфронтация и диалог	Герой вступает в борьбу или спор с двойником, пытаясь либо отрицать его, либо договориться с ним.	Попытки Голядкина избавиться от двойника; спор Раскольникова со Свидригайловым; беседа Ивана с чертом.	Осознание глубины своего раскола. Признание или непризнание родства с двойником.
4. Кульминация выбора	Двойник предлагает или воплощает окончательный выбор: принять хаос (следовать его логике) или искать путь к целостности.	Самоубийство Свидригайлова как демонстрация тупика; предложение черта «все позволено».	Критический момент, определяющий судьбу «я».
5. Интеграция или гибель	Интеграция: Герой признает свою «Тень» как часть себя и через страдание/искупление движется к целостности. Гибель/Раскол: Герой отождествляется с двойником и погружается в хаос (безумие, смерть, духовная пустота).	Интеграция (потенциальная): Раскольников принимает крест от Сони; Иван идет на суд, неся вину. Гибель: Смерть Свидригайлова; сумасшествие Голядкина; болезнь Ивана.	Обретение новой, более сложной идентичности либо распад личности.

Таким образом, мифопоэтический образ двойника у Ф. М. Достоевского выполняет ряд фундаментальных функций.

Во-первых, он служит персонификацией внутреннего хаоса – тех демонических, темных, иррациональных сил, которые составляют неотъемлемую часть человеческой природы.

Во-вторых, двойник выступает как катализатор духовного кризиса, вынуждающий героя сделать экзистенциальный выбор.

В-третьих, через архетип двойничества раскрывается христианско-мифологическая концепция личности как поля битвы между божественным и демоническим, где спасение лежит не через изгнание «Тени», а через ее осознание, страдание и искупление, то есть через индивидуацию в христианском ключе [7, с. 201].

Обращение к мифопоэтике образа двойника позволяет существенно углубить понимание антропологической концепции Ф. М. Достоевского. Двойник предстает не просто литературным приемом, но современной реинкарнацией древнейшего архетипа, в котором сфокусированы метафизические противоречия человеческого существования. Встреча с двойником в художественном мире писателя – это мистерия самоузнавания, разыгрываемая на границе Хаоса и Космоса.

Исход этой встречи определяет судьбу личности – либо окончательное погружение в хтонический мрак саморазрушения (Свидригайлов, Голядкин), либо мучительный, но жизнеутверждающий путь к обретению целостности через принятие своей противоречивой природы и искупление (потенциал Раскольников и Ивана). Мифопоэтика двойничества становится у Ф. М. Достоевского универсальным языком для описания трагического и возвышенного процесса рождения человеческого «Я» в условиях утраченной гармонии мира, что подтверждает вневременную актуальность и глубину его творческого наследия.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.
2. Гульга А. В. Философия двойничества: Достоевский и европейская традиция // Вопросы философии, 2010. № 5. С. 102–114.
3. Ибатуллина Г. М., Старицына Ю. А. Ономастический миф в поэтике Ф. М. Достоевского и И. А. Гончарова // Филологический класс. 2021. № 3. С. 63–73.
4. Кибальник С. А. Художественная философия Достоевского. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 328 с.
5. Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении / Пер. с нем. М.: Республика, 1996. 448 с.
6. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 3-е изд. М.: Восточная литература, 2000. 407 с.
7. Тасалов К. Б. Архетип «Тени» и проблема двойничества в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология», 2018. № 10. С. 194–208.
8. Топоров В. Н. «Преступление и наказание»: архетипические структуры и смыслы // Литературные архетипы и универсалии / Под ред. Е. М. Мелетинского. М.: РГГУ, 2001. С. 169–220.
9. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
10. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.

МБОУ «СОШ № 6 имени А. С. Пушкина» г. Калуги, Калуга, РФ

УДК 821.161.1

А. А. Коста

ОБРАЗ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ПОЭЗИИ А. И. ПОЛЕЖАЕВА

Данная статья посвящена исследованию образа лирического героя в творчестве Александра Ивановича Полежаева, яркого представителя романтизма. Полежаев уделяет особое внимание изображению внутреннего конфликта и противоречия своего героя и окружающей действительности, создавая сложный и многогранный портрет. В статье рассматриваются ключевые темы его лирики: чувство одиночества, внутренняя борьба, бунтарский дух и стремление к свободе. Полежаев раскрывает сложный мир героя, который постоянно находится в состоянии напряжения и активного сопротивления внешним обстоятельствам. Трагическая судьба и чувство отчужденности лирического героя поэта складываются под воздействием как личных жизненных испытаний, так и политических реалий эпохи. Образы и мотивы, созданные Полежаевым, отличаются глубиной, психологизмом и умением передать ощущение трагичности человеческого существования.

Ключевые слова: А. И. Полежаев; романтизм; русская литература XIX века; лирический герой; романтизм; внутренний конфликт; бунтарство; свобода; одиночество; отверженность; трагизм.

A. A. Kosta

THE IMAGE OF A LYRICAL HERO IN THE POETRY OF A. I. POLEZHAEV

This article is devoted to the study of the image of a lyrical hero in the work of Alexander Ivanovich Polezhaev, a prominent representative of the new wave of romanticism. Polezhaev pays special attention to depicting the internal conflict and contradiction of his hero of the surrounding reality, creating a complex and multifaceted portrait. The article deals with key themes of his lyrics: feelings of loneliness, internal struggles, rebellious spirit, and the desire for freedom. Polezhaev reveals the complex world of the hero, who is constantly in a state of tension and active resistance to external circumstances. The tragic fate and sense of alienation of the poet's lyrical hero are formed under the influence of both personal life trials and political realities of the era. The images and motives created by Polezhaev are distinguished by depth, psychologism and the ability to convey the feeling of the tragedy of the human existence.

Keywords: A. I. Polezhaev; Romanticism; Russian literature of the 19th century; lyrical hero; Romanticism; internal conflict; rebellion; freedom; loneliness; rejection; tragedy.

А. И. Полежаев, являясь представителем нового литературного поколения, следует духу внутреннего романтизма, передает напряжение передовой души, осознающей глубокую и непреодолимую пропасть между миром, который ее окружает [3, с. 311].

Лирический герой – художественный образ поэта, вырастающий из текста лирических композиций (цикл, книга, вся лирика) как четко очерченная фигура, как лицо, наделенное определенностью индивидуальной судьбы, психологической отчетливостью внутреннего мира [5, с. 258].

Лирический герой А. И. Полежаева предстает как многогранный и неоднозначный образ. Этот образ является зеркалом трагической судьбы самого поэта, его бурных переживаний, противостояния обществу и поиска экзистенциального смысла. Автобиографические

элементы играют существенную роль в формировании образа лирического героя Полежаева. Творчество поэта, впитавшее в себя дух декабристских устремлений, романтические мотивы и отпечаток личных невзгод, создало уникальный тип героя. Н. А. Добролюбов выделял в образе полежаевского лирического героя в первую очередь черты мученичества, а в самой судьбе поэта отмечал, что она была определена тиранией режима, «общественными несправедливостями и людскими предрассудками» [2, с. 32]. С другой стороны, этот образ передавал революционную ненависть к деспотизму [2, с. 33].

Раннее творчество Полежаева отмечено доминированием сентиментальных и романтических настроений. Однако со временем его лирика претерпевает трансформацию, обретая черты реализма и социальной значимости. Если в начале творческого пути его герой сосредоточен на личных переживаниях, то в зрелых произведениях, особенно в кавказских поэмах, на первый план выходят размышления о судьбе народа, войне, месте личности в истории. Поэт не отходит от принципов романтизма, наоборот, пересматривает традиционные романтические образы и придает им политически острое и более точное звучание.

В поэзии Полежаева лирический герой предстает как «неизменный друг свободы», испытывает глубокую тоску о воле и не видит путей ее достижения:

Не розы светлого Пафóса,
Не ласки гурий в тишине,
Не искры яхонта в вине, –
Но смерть, секира и колеса
Всегда мне грезились во сне! [4, с. 159]

Основной вектор его лирического пафоса направлен на деконструкцию и отвержение социальных структур, подавляющих свободу личности:

Где ж вы, громы-истребители,
Что ж вы кроетесь во мгле,
Между тем как притеснители
Торжествуют на земле! [4, с. 137–138]

Лирический герой Полежаева наделен такими чертами, как трагизм и неотвратимость печальной участи, одиночество и отщепенство, бунтарство и вольнолюбие, которые развивали внутренний конфликт, разочарование в любви и жизни.

В творчестве А. И. Полежаева лирический герой неразрывно связан с комплексом символических образов и мотивов. Эти элементы служат для иллюстрации его трагического мироощущения, чувства изоляции, протеста против предопределенности и бесконечного поиска смысла в мире. Эти символы служат ключом к пониманию внутреннего мира поэта, его страстей и философских размышлений.

В лирике Полежаева центральное место занимают образы изгнанника и бунтаря, неволи и тюрьмы, родины, природы, красоты и смерти, религиозно-философские образы. Они тесно переплетаются с его судьбой и взглядами на жизнь. Например, в стихотворении «Вечерняя заря» (1826) лирический герой предстает изгоем:

Сокрушает тоска
Молодого певца,
Как в земле мертвеца
Гробовая доска...
Я увял – и увял
Навсегда, навсегда!
И блаженства не знал
Никогда, никогда! [4, с. 52]

Поэт сравнивает тоску с гробовой доской, которую можно рассмотреть, как символ неизбежного исхода. Образ мертвеца тесно переплетается с образом изгнанника. Лирический герой никогда не знал блаженства, как и сам Полежаев. В этом прослеживается автобиографичность. Как и в цикле стихотворений «Русские песни» (1836):

Не припомню я счастливых дней –
Не знавал я их с младенчества!
Для измученной души моей
Нет в подсолнечной отечества! [4, с. 147–148]

В стихотворении «Вечерняя заря» лирический герой лишен поддержки со стороны друзей, которые отвернулись от него после случившихся несчастий:

Я надежду имел
На испытных друзей,
Но их рой отлетел
При невзгоде моей. [4, с. 52]

Следующие строки очень точно передают внутреннее состояние героя, его душевные терзания. Для усиления эффекта поэт обращается к мифическому образу вампира и не отказывается от характерных для поэзии того времени романтических штампов, рисуя образ странствующего и отрешенного от мира живого человека:

Всем постылый, чужой,
Никого не любя,
В мире странствую я,
Как вампир гробовой... [4, с. 52]

Природа и ее красота не способны развеять тоску лирического героя. Он чувствует себя совершенно отчужденным от всего живого.

Безрезультатная борьба с властью, его протест против угнетения самовластия, переживания за родную страну также отражены в этом произведении. Власть представлена в образе палача – жестокого и беспощадного убийцы:

Изменила судьба...
Навсегда решена
С самовластьем борьба,

И родная страна
Палачу отдана. [4, с. 52]

Образ героя-бунтаря в лирике Полежаева символизирует борьбу с угнетающей тиранией власти. Его бунтарство проявляется в основном на эмоциональном уровне, как внутренне противостояние между стремлением к независимости и ощущением неотвратимости судьбы.

Ярким примером является поэма «Сашка» (1825). Ее герой – студент с прогрессивными убеждениями, который отвергал всякое подобострашие и лицемерие. Он питал глубокую надежду на процветание своей родины:

Но ты, козлиными брадами
Лишь пресловутая земля,
Умы гнетущая цепями,
Отчизна глупая моя!
Когда тебе настанет время
Очнуться в дикости своей,
Когда ты свергнешь с себя бремя
Своих презренных палачей? [4, с. 193]

Герой с негодованием критикует сословное неравенство, предрекая неизбежное падение тех, кого он называл «презренными палачами». За это дерзкое произведение император распорядился отправить Полежаева служить в Бутырский пехотный полк. Позже свое негодование поэт переосмыслит с философской точки зрения. Это прослеживается уже в стихотворении «Александру Петровичу Лозовскому» (1828). Полежаевский пафос отрицания действительности носит субъективный характер. Почвой для этого стало противопоставление личности и общества, которое ссылается на глубокие исторические причины [3, с. 327].

В своих стихотворениях поэт создает образ родины, искаженной тиранией. Лирический герой в этих стихотворениях предстает как воплощение глубокой трагедии, образ «поэта-страдальца», сломленного угнетающим самодержавием. Герой во многом автобиографичен, отражает личные переживания поэта: одиночество, отверженность и конфликт с властью. Судьба лирического героя неразрывно связана с образом его родины. Отчуждение от мира, бунтарский дух, глубокие страдания порождены жизнью в обществе, где господствует тирания. Например, в стихотворении «Рок», снова встречаются строки, которые передают резкие выпады против власти, где императора поэт называет «ефрейтором», а Русь представляет в образе жертвы:

Велел – и Рима властелин –
Народный гладиатор,
И Русь, как кур, передушил
Ефрейтор-император [4, с. 55]

Здесь родина – место, где судьба каждого человека полностью определяется производом деспотичной власти.

В стихотворении «Четыре нации» (1827) образ России представлен в негативном свете. Стихотворение состоит из четырех частей, в каждой из которых описывает конкретную нацию: в первой – британцев, второй – французов, третьей – немцев, четвертой – русских. Поэт изображает сатирический портрет страны, где процветают деспотизм, покорность народа и абсурдная зависимость от насилия. Полежаев противопоставляет Россию другим европейским странам, изображая ее социальное устройство как гнилое и обреченное на саморазрушение:

А без побой
Вся Русь хоть вой –
И упадет
И пропадет! [4, с. 51]

Произведение вызвало негодование и было воспринято как бунтарское. Поэт едко высмеял не только царя, но и покорный народ, привыкший к рабству («В Росси чтут / Царя и кнут...») [4, с. 50]. Данное стихотворение признано одним из наиболее радикальных, где сатира одновременно обличает власть и тех, кто находится под ее гнетом:

А русаки,
Как дураки,
Разиня рот,
Во весь народ
Кричат: «Ура!»
Нас бить пора! [4, с. 50–51]

В стихотворении «Негодование» (1835), написанном в форме монолога-исповеди, Полежаев, сильно разочаровавшись в жизни и человечестве, назвал свое поколение «рабами»:

Грустно видеть бездну черную
После неба и цветов,
Но грустнее жизнь позорную
Убивать среди рабов... [4, с. 137]

Однако собственная жизнь представляется ему позорной в таких социальных условиях. Таким образом, негодование субъекта направлено не только на окружающих, но и на самого себя. Стихотворение наполнено трагическими и обличительными мотивами. Через цепь образов поэт представил читателям картину морального упадка, в которой личное страдание отражает пороки всего общества.

Ранние произведения Полежаева, несмотря на подражательность современникам, были наполнены яркими художественными деталями, которые свидетельствовали о сформировавшемся поэтическом мастерстве и силе художественной наблюдательности автора.

Даже в самые суровые годы жизни Полежаев не отказывается от поэтической деятельности и продолжает творить. В период с 1826 по 1828 год он создает ряд выдающихся стихотворений, среди которых «Вечерняя заря», «Цепи», «Валтасар», «Песнь пленного ирокезца», «Песнь погибающего пловца». В этих работах его поэтический дар раскрылся во всей своей мощи. Как подчеркивал В. Г. Белинский, Полежаева отличали необычайная

глубина чувств, которая говорила о силе его личности и духа, и поразительная выразительность и лаконичность, свидетельствующая о его таланте [2, с. 16].

Стихотворения о борьбе с самовластием можно отнести к гражданско-политической лирике, в которой ярко выражен конкретный исторический адресат.

Однако, несмотря на то что перечисленные произведения пропитаны скорбью и меланхолией, которые отражали личную трагедию поэта, они далеки от полного отчаяния. За гневными и бунтарскими строками виден образ стойкого, борющегося поэта, который, будучи униженным и угнетенным, не сдаётся. Его гражданская скорбь выражается в обличительных выступлениях против царя, посягающего на свободу.

В стихотворении «Осужденный», написанном, вероятно, в те же годы, прослеживается новый образ – образ поэта, трагический образ человека, которого приговорили к пыткам и казни. Здесь вырастает образ борца и мученика одновременно.

Находясь в гнетущей обстановке мрачной солдатской тюрьмы, Полежаев развивает тюремную тему. Он создает в своей поэзии образы узника и тюрьмы, которые уже неоднократно появлялись в стихотворениях его современников. Однако в творчестве Полежаева узник изображен без романтической идеализации. Он образ арестанта, изображенного в исключительно реалистичных условиях. Тюрьма в стихотворениях поэта представлена в реальном, почти документальном ее виде: сырость, мрак, смрадный воздух, гниль, подавляющие тело и дух. Особенно ярко отразилось это в стихотворении «Арестант», посвященном Александру Петровичу Лозовскому (в некоторых источниках произведение так и называется):

На славном Вале Земляном
Стоит странноприимный дом;
рядом с ним стоит другой,
Кругом обстроенный, большой –
И этот дом известен нам,
В Москве, под именем казарм;
В казармах этих тьма людей,
И ночью множество...
На нарах с воинами спят,
И веселятся, и шумят;
И на огромном том дворе,
Как будто в яме иль дыре,
Издавна выдолблено дно,
Иль гаубвахта, всё равно...
И дна того на глубине
Еще другое дно в стене,
И называется тюрьма;
В ней сырость вечная и тьма,
И проблеск солнечных лучей
Сквозь окна слабо светит в ней;
Растреснутый кирпичный свод
Едва-едва не упадет
И не обрушится на пол,

Который снизу, как Эол,
Тлетворным воздухом несет
И с самой вечности гниет... [4, с. 67–68]

Образ тюрьмы в поэзии Полежаева выступает в двух значениях: реального места заключения и состояния внутренней несвободы. Образ внутренней тюрьмы раскрывается в ряде стихотворений. Например, «Цепи»:

Всё, всё погибло для меня!
Без чувства жизни, без желаний,
Как отвратительная тень,
Влачу я цепь моих страданий
И умираю ночь и день! [4, с. 53]

Цепь здесь символизирует внутренние страдания, душевные оковы, в которые облачен лирический герой. В этом стихотворении есть строки, которые свидетельствуют о появлении желания продолжать борьбу («Порою огонь души унылой / Воспламеняется во мне...»), но оно тут же угасает («Готов!.. Но цепь порабощенья / Гремит на скованных ногах...») [4, с. 53–54]. Резкая вспышка надежды и мгновенное ее затухание показывает, насколько крепки внутренние оковы лирического героя.

В стихотворении «Цепи» появляется образ рока – жестокой силы, которая безжалостно губит лирического героя:

Убитый роком своенравным,
Я вяну жертвою страстей
И угнетен ярмом бесславным
В цветущей юности моей!.. [4, с. 53]

Образ рока, неотвратимой, слепой силы судьбы, является одним из ключевых философских образов в лирике А. И. Полежаева. Центральным произведением, раскрывающим данный образ, является стихотворение «Рок». Рок здесь олицетворяет непредсказуемость и хаотичность бытия:

Всё спит... Один свирепый рок
Чужд мира и покоя,
И столько ж страшен и жесток
В тиши, как в вихре боя [4, с. 54]

Полежаев акцентирует внимание на том, что рок несет в себе ужас и жестокость не только в моменты бурных потрясений, но и в периоды затишья. Это делает его влияние еще более пугающим и всеобъемлющим. В стихотворении Полежаев пишет о равенстве всех, от низших слоев населения до власти, перед этой силой («Пред ним равны – рабы, цари») [4, с. 54]. Лирический герой чувствует полное бессилие перед лицом рока.

Нередко образы природы и стихийных сил служат символическим отражением душевных состояний лирического героя, его борьбы с социальной несправедливостью и

философских размышлений о жизни и смерти. Яркий пример – «Песнь погибающего пловца» (1832). Здесь лирический герой вступает в борьбу с природой и внутренними демонами. Море можно рассмотреть, как образ душевного смятения («Море стонет», «Глубь без дна»). Челнок в этом контексте предстает в образе жизни лирического героя, который отвергнут всеми [1, с. 14]. Стихотворение написано в форме монолога лирического героя, который находится на грани смерти. Состоит произведение из десяти частей, имеет кольцевую композицию, с помощью которой поэт делает акцент на замкнутости судьбы. Герой предстает здесь как одинокий странник («Бесприютный / Странник в мире, / Одинок, / Как челнок...»), бунтарь, обреченный. В начале поэт описывает бушующие стихии, в следующих частях лирический герой рассуждает о былой отваге, ближе к концу возникают философские вопросы:

Что ж мне в жизни
Безызвестной?
Что в отчизне
Повсеместной?
Чем страшна
Мне волна? [4, с. 59]

В этих строках снова прослеживается автобиографичность: тяжелая жизнь поэта, родина, борьба за свободу которой оказалась безуспешной. Настигающая гибель в образе волны его уже не пугает. В финале лирический герой принимает неизбежность смерти.

Лирический герой А. И. Полежаева играет важную роль в осмыслении развития русской литературы XIX века. Он не только наследует традиции, которые были заложены А. С. Пушкиным и продолжены М. Ю. Лермонтовым и Н. А. Некрасовым, но и вносит новаторский элемент в изображение внутреннего мира героя, акцентируя внимание на его хрупкости и подверженности влиянию обстоятельств. Трагические повороты судьбы отпечатались на творчестве Полежаева, которое стало отражением его внутреннего мира, наполненного мраком и глубокими субъективными страданиями.

Исследование образа лирического героя в творчестве А. И. Полежаева помогает выявить его уникальность и весомый вклад в развитие русской литературной традиции. Полежаевский герой представлен как личность, вовлеченная в непрекращающийся внешний и внутренний конфликт. Его бунтарство, стремление к свободе и самоуважению постоянно сталкивается с непреодолимыми барьерами, которые препятствуют реализации этих идеалов. Понимание данной модели личности позволяет глубже понять социальные и этические дилеммы, присущие российской действительности первой половины XIX столетия.

Список литературы:

1. Анкудинов К. Н. Нулевая детерминированность как признак романтического героя (на примере стихотворения А. И. Полежаева «Песнь погибающего пловца») // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2016. № 1. С. 7–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nulevaya-determinirovannost-kak-priznak-romanticheskogo-geroya-na-primere-stihotvoreniya-a-i-polezhaeva-pesn-pogibayuschego-plovtsa> (дата обращения: 04.01.2026).

2. Бельчиков Н. Ф. А. И. Полежаев // Полежаев А. И. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1957. С. 5–35.
3. Коровин В. И. Лермонтов и русская лирика его времени // Творчество М. Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814–1964. М.: Наука, 1964. С. 311–340.
4. Полежаев А. И. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1957.
5. Роднянская И. Б. Лирический герой // Лермонтовская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 258–262.

МБОУ «СОШ № 6 им. А. С. Пушкина» г. Калуги, Калуга, РФ

УДК 82

В. А. Молодинская
НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В МАЛОЙ ПРОЗЕ Р. Л. СТИВЕНСОНА:
ХОЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Статья посвящена анализу нарративных стратегий в малой прозе Роберта Льюиса Стивенсона с позиций холистического подхода. Рассматриваются шесть новелл: «Дом на дюнах», «Маркхейм», «Окаянная Дженет», «Весёлые Молодцы», «Олалла» и «Берег Фалеза». Выявляется, что такие формальные приёмы, как ретроспективный нарратив, мотив зеркал, диалектная речь, акустический и визуальный лейтмотивы, образуют органическое единство с философской и этической проблематикой текстов. Доказывается, что Стивенсон предвосхитил ключевые открытия модернистской прозы в области субъектной организации повествования и психологического анализа.

Ключевые слова: Стивенсон; малая проза; нарративные стратегии; холистическая поэтика; фокализация; остранение; психологизм; модернизм.

V. A. Molodinskaya
NARRATIVE STRATEGIES IN R. L. STEVENSON'S SHORT FICTION:
A HOLISTIC APPROACH

The article analyses narrative strategies in R. L. Stevenson's short fiction from a holistic perspective. Six novellas are examined: «The Pavilion on the Links», «Markheim», «Thrawn Janet», «The Merry Men», «Olalla», and «The Beach of Falesá». It is revealed that such formal devices as retrospective narration, the mirror motif, dialect speech, and acoustic and visual leitmotifs form an organic unity with the philosophical and ethical dimensions of the texts. The study demonstrates that Stevenson anticipated key achievements of modernist prose in the field of subjective narrative organisation and psychological depth.

Keywords: Stevenson; short fiction; narrative strategies; holistic poetics; focalisation; defamiliarisation; psychologism; modernism.

Научное осмысление творческого наследия Роберта Льюиса Стивенсона требует перехода от простого описания сюжетов к анализу внутренней механики его текстов. Несмотря на то, что в массовом восприятии Стивенсон по-прежнему прочно связан с образом автора приключенческих романов, именно его малая проза являет собой наиболее концентрированное выражение художественного метода писателя и обнаруживает глубинную связь с ключевыми тенденциями литературы рубежа XIX–XX веков [5, с. 14]. В данной работе применяется холистический подход, который предполагает рассмотрение поэтики Стивенсона как органической системы, где формальные приёмы (выбор повествователя, архитектура художественного пространства, ритмика фразы) неразрывно связаны с содержательными аспектами (этический выбор героя, проблема психологического кризиса, философская проблематика).

Холистическая природа прозы писателя проявляется в том, что ни один элемент текста – будь то описание тумана на дюнах или специфический диалект шотландской глубинки – не является декоративным; каждый компонент выполняет нарративную функцию, формируя «точку зрения» и определяя дистанцию между автором и читателем [9, с. 142].

Стивенсон одним из первых в английской литературе осознал, что реальность в художественном произведении – это всегда результат восприятия конкретного субъекта, что делает его малую прозу важнейшим этапом на пути к модернистскому психологизму.

Предметом настоящего исследования является совокупность нарративных стратегий, объединяющих шесть избранных новелл: «Дом на дюнах» (*The Pavilion on the Links*, 1880), «Маркхейм» (*Markheim*, 1885), «Окаянная Дженет» (*Thrawn Janet*, 1881), «Весёлые Молодцы» (*The Merry Men*, 1882), «Олалла» (*Olalla*, 1885) и «Берег Фалеза» (*The Beach of Falesá*, 1892). Каждая из этих новелл представляет собой самостоятельный нарративный эксперимент, в котором автор разрабатывает специфические техники управления читательским восприятием. В совокупности они образуют методологический цикл, раскрывающий эволюцию стивенсоновской поэтики на протяжении двенадцати лет [1, с. 38].

Актуальность исследования определяется двумя факторами. Во-первых, в отечественном литературоведении малая проза Стивенсона изучена значительно менее полно, нежели его романное творчество. Во-вторых, холистический взгляд на художественный текст как органическое целое, в котором форма и содержание нераздельны, представляет собой продуктивную альтернативу изолированному анализу отдельных нарративных приёмов [9, с. 140].

Теоретическую основу настоящей работы составляют несколько концептуальных традиций. Прежде всего, концепция нарративной фокализации, разработанная Ж. Женеттом в «Фигурах», позволяет разграничить вопросы «кто видит?» и «кто говорит?» [3, с. 205] – разграничение, принципиальное для понимания нарративных стратегий Стивенсона, в которых повествователь нередко является одновременно главным объектом изображения. Не менее важна теория «остранения», сформулированная В. Б. Шкловским: именно через призму этой концепции раскрывается функция диалекта в «Окаянной Дженет» и специфика пространственных описаний в других новеллах [11, с. 145].

Существенную роль в формировании методологии играет также психоаналитическая традиция в её литературоведческом применении. Стивенсон в своих новеллах последовательно исследует пограничные состояния сознания – состояния, в которых привычные механизмы рационализации утрачивают эффективность и на поверхность выходят вытесненные импульсы. В «Маркхейме» – это галлюцинаторное раздвоение личности; в «Олалле» – бессознательное давление родовой памяти; в «Весёлых Молодцах» – маниакальная фиксация на деструктивном. Тема двойника, последовательно разрабатываемая Стивенсоном на протяжении всего творческого пути, вписывается в широкий контекст европейской романтической и постромантической традиции [1, с. 72].

Немаловажен и контекст жанровой истории. Малая проза второй половины XIX века находилась в состоянии жанровой турбулентности: традиции готической новеллы, реалистической психологической прозы и нарождающегося импрессионизма сосуществовали и взаимодействовали [1, с. 41]. Стивенсон не просто воспринял эти традиции – он последовательно работал на их пересечении, извлекая художественный эффект именно из жанровой гибридности. Это обстоятельство принципиально отличает его от современников, тяготеющих к жанровой чистоте, и определяет его место в генезисе модернистского повествования [5, с. 97].

Первым этапом настоящего анализа является изучение новеллы «Дом на дюнах», в которой Стивенсон использует ретроспективный нарратив для создания атмосферы эпистемологической неопределённости. Повествователь Фрэнк Кэссилис не просто вспоминает

события – он заново проживает состояние когнитивного тупика, при этом дистанция между «я»-вспоминающим и «я»-переживающим намеренно остаётся нестабильной [3, с. 212]. Повествовательная ситуация новеллы строится на принципе «двойного взгляда»: Кэссилис рассказывает историю спустя годы, однако его взрослое сознание не способно окончательно овладеть пережитым, что полностью соответствует модели ненадёжного ретроспективного нарратора Ж. Женетта.

Холистическая связь между пространством и сознанием здесь достигает предела: пустынный пейзаж дюн становится метафорой изоляции героя от привычной системы смыслов. Пейзаж в «Доме на дюнах» функционирует не просто как фон, но как активный агент нарратива: *«В летний день здесь бывало солнечно и радостно, но в сумерках сентябрьского заката, при сильном ветре и буйном прибое, набегавшем на отмели, всё напоминало о кораблекрушениях и о выброшенных морем утопленниках. Корабль, который лавировал против ветра на горизонте, и обломки корабельного остова, погребённые у моих ног песчаной дюной, ещё усиливали тягостное впечатление. <...> Место же своим безлюдьем угнетало даже такого отшельника, каким был я»* [8, с. 215].

В данном фрагменте прослеживается использование приёма «пространственной фокализации»: мир сужается до границ видимости героя, что создаёт мощный эффект нарративной напряжённости и одновременно сигнализирует об эпистемологических ограничениях рассказчика. Как указывала Н. Я. Дьяконова, Стивенсон намеренно ограничивает знание рассказчика, чтобы «превратить приключение в процесс мучительного разгадывания знаков судьбы» [2, с. 87].

Тайна в новелле имеет двойную природу: внешнюю (загадочные гости в павильоне, связанные с итальянскими карбонариями и скрывающимся банкиром Хаддлстоуном) и внутреннюю (невозможность для героя однозначно интерпретировать поступки Клары). Такая структура «вложенных тайн» является принципиальным нарративным решением, принуждающим читателя к активному соучастию в интерпретации [5, с. 103]. Стивенсон работает на границе нескольких жанровых традиций – готического романа, авантюрной прозы и психологической новеллы, – не позволяя ни одной из них окончательно установить свои правила. Жанровая гибридность сама по себе становится инструментом нарративной неопределённости.

Радикальное усложнение субъектной организации наблюдается в новелле «Маркхейм». Здесь Стивенсон практически полностью элиминирует внешнее действие, перенося центр тяжести на анализ изменённого состояния сознания. После совершения убийства герой оказывается в пространстве, где материальные объекты начинают вести себя как субъекты морального суда.

Ключевым структурным элементом новеллы является мотив зеркал, используемый с методичной последовательностью. Лавка антиквара превращается в inferнальный лабиринт, где герой, куда бы ни повернулся, встречает собственное отражение. Это отражение не тождественно герою – оно принадлежит тому «я», которое совершило преступление: *«Множество роскошных ценных зеркал... повторяли повсюду его бледное, растерянное лицо, и ему казалось, что он окружён целой армией шпионов»* [8, с. 310].

Использование мотива зеркал служит для визуализации раздвоения личности. Холистический принцип проявляется здесь в нерасторжимости интерьера и внутренней драмы: антикварная лавка превращается в чистилище сознания. В. В. Набоков отмечал, что в этой новелле «время растягивается и сжимается, подчиняясь не законам физики, а ритму пульса

преступника», что делает Стивенсона прямым предшественником техники потока сознания [4, с. 204]. Это наблюдение подтверждается анализом темпоральной структуры: краткий реальный отрезок времени (Маркхейм остаётся в лавке лишь до возвращения служанки) разворачивается в развёрнутое психологическое действо, измеряемое не часами, но интенсивностью переживания [3, с. 231].

Центральным нарративным событием «Маркхейма» является явление Незнакомца – фигуры, онтологический статус которой намеренно оставлен неразрешённым: является ли тот реальным существом или галлюцинацией потрясённого убийством сознания. Диалог Маркхейма с Незнакомцем представляет собой образцовый пример «диалогической психомеханики» – сражения двух сторон единой личности в форме внешнего разговора [1, с. 89]. Финал, в котором герой добровольно сдаётся вернувшейся служанке, парадоксально разрешает нравственный конфликт: это не торжество закона над преступником, но акт самоопределения личности, момент, когда раздробленное сознание обретает единство ценой признания вины. Этическое содержание новеллы, таким образом, оказывается неотделимым от её нарративной формы.

Особого внимания в контексте исследования нарративных стратегий заслуживает новелла «Окаянная Дженет» (Thrawn Janet). Здесь холистическая поэтика реализуется через использование шотландского диалекта (Scots), который выступает фундаментальным инструментом «остранения» по терминологии формальной школы. Повествование ведётся от лица старого прихожанина, что создаёт сложную систему временных и языковых фильтров: история пастора Мёрдока Сулиса достигает читателя в многократно преломлённом виде.

Стивенсон использует диалект для погружения читателя в мир архаических верований, где граница между живым и мёртвым размыта, а нормы рационального мышления не обладают объяснительной силой. Сам пастор Сулис в начале повествования предстаёт образованным молодым человеком, воспитанным на идеях Просвещения, – и именно это делает его последующий духовный крах разительным: *«Он подошел ближе к трупу – и сердце вовсю заколотилось у него в груди: каким уж это образом, человеку даже и судить не подобает, но только Дженет висела на одном гвоздике, на одной тоненькой шерстинке, какой штопают чулки. Страшно это – очутиться среди ночи одному против таких козней дьявольских, но мистера Сулиса укрепляла вера в господа. Он повернулся и вышел из комнаты, запер за собой дверь, спустился вниз по лестнице, ступая со ступеньки на ступеньку тяжелыми, словно свинец, ногами, и поставил свечу на стол у подножия лестницы. Он не мог ни молиться, ни думать, только весь обливался холодным потом и не слышал ровно ничего, кроме “стук-стук-стук” своего собственного сердца»* [4, с. 284].

В. Б. Шкловский подчёркивал, что диалект здесь служит «фактурой материала», которая заставляет физически ощущать мрак описываемых событий [11, с. 145]. Это наблюдение требует уточнения: шотландский диалект в «Окаянной Дженет» выполняет сразу несколько нарративных функций. Во-первых, он маркирует рассказчика как человека народной культуры, органически встроенной в систему суеверий, – в отличие от пастора, который эту систему первоначально отвергает. Во-вторых, диалектная речь создаёт эффект устной передачи, погружая текст в традицию фольклорного сказа [5, с. 118]. В-третьих, синтаксическая архаика диалекта формирует особый темпоральный режим повествования: события прошлого приобретают мифологическую вневременность.

Трагедия пастора, чей рационализм оказывается бессилён перед хтоническим злом, воплощена в холистическом единстве слова и мифа. Стивенсон добивается максимальной

суггестивной силы именно через ограничение: сверхъестественное не показывается напрямую, но обозначается через реакцию персонажей и через грамматику диалектной речи, в которой нет места сослагательному наклонению сомнения [1, с. 55].

Продолжая тему столкновения человека с иррациональным, необходимо обратиться к новелле «Весёлые Молодцы». Ключевым инструментом фокализации здесь становится «акустический пейзаж». Звук прибоя на рифах Рораран наделяется субъектностью, превращаясь в метафору неукротимых природных сил, равнодушных к человеческим судьбам: «...страшно становилось за человека, которому Бог привёл бы услышать, как ревёт и бурлит, и кипит этот адский котёл» [8, с. 189].

Рассказчик Чарльз, будучи рациональным фокализатором, пытается найти естественные объяснения происходящему, однако структура текста систематически подрывает его уверенность. Принципиально важна трансформация образа дяди Гордона Дарнауэя: в начале повествования это волевой, хотя и суровый человек, тогда как постепенно он превращается в фигуру мифологического безумия, одержимого рифами. Гордон воспринимает гибель кораблей как проявление некоего высшего порядка, которому он сам таинственным образом причастен [5, с. 122].

М. В. Урнов указывает на то, что Стивенсон создаёт здесь «мифопоэтический нарратив, где природа перестаёт быть объектом и становится судьёй» [10, с. 84]. Это единство акустического образа и философского подтекста является показательным примером холистического метода автора. Стивенсон последовательно отказывается разрешить нарративную амбивалентность в пользу реалистического или сверхъестественного объяснения: природа в «Весёлых Молодцах» остаётся непостижимой – и это непостижимое и есть главный эстетический и философский результат новеллы [3, с. 219].

Важным дополнительным измерением новеллы «Весёлые Молодцы» является тема культурной гибридности. Чарльз приезжает из городской цивилизации, его дядя живёт по законам архаического шотландского Запада, а выживший чернокожий моряк Туику вносит в повествование ещё одно культурное измерение. Встреча этих трёх миров порождает нарративное напряжение, которое не снимается никаким финальным объяснением [6, с. 163], – что делает новеллу показательным примером поэтики открытого финала.

В новелле «Олалла» Стивенсон обращается к теме биологического фатализма и атавизма, актуальной в контексте позитивистских теорий наследственности, широко обсуждавшихся в последней трети XIX века [5, с. 134]. Повествование строится на постепенном раскрытии семейной тайны через восприятие героя-чужака – безымянного военного офицера, приехавшего лечиться в испанскую горную усадьбу. Использование «визуальных лейтмотивов» позволяет автору связать разные временные пласты и создать эффект нарративной предопределённости.

Центральным из этих лейтмотивов является портрет предка, обнаруженный героем в доме семьи: «Войдя в комнату, я взглянул на портрет и снова подивился чуду многовековой устойчивости рода. Моя хозяйка, бесспорно, была старше и дороднее дамы на портрете... И тем не менее сходство было явное, не внешнее, не в отдельных чертах, а во всём облике, сходство крови. И я подумал, что художник... хотел запечатлеть на холсте какое-то самое существенное свойство рода» [8, с. 256].

Портрет функционирует как нарративное эхо, предопределяющее судьбу героев: красота Олаллы оказывается нераздельно связана с наследственным безумием её матери и брата Фелипе. Холистический подход проявляется в том, как Стивенсон связывает ландшафт

(суровые испанские горы) с генетическим кодом семьи. В. А. Смирнов характеризует это как «архетипическую поэтику, где пейзаж-состояние становится ключом к пониманию наследственного безумия» [7, с. 115]. Замкнутость горной долины воспроизводит на уровне топографии замкнутость рода, обречённого повторять одни и те же паттерны из поколения в поколение [1, с. 94].

Принципиальна религиозная составляющая образа Олаллы. Её отказ соединить свою судьбу с рассказчиком продиктован не холодностью, но глубокой убеждёностью в том, что она не вправе передавать потомкам наследственный недуг. Этот выбор наделяет образ трагическим достоинством: Олалла оказывается единственным персонажем, способным к сознательному нравственному решению вопреки биологической детерминированности [5, с. 138]. В контексте холистической поэтики Стивенсона именно религиозный и этический выбор героини является смысловым центром новеллы, а не атавизм сам по себе.

Особый этап эволюции Стивенсона представлен в новелле «Берег Фалеза», где он обращается к колониальной проблематике. Здесь происходит радикальная смена типа повествователя: Джон Уилтшир – грубый, лишённый иллюзий торговец, чей кругозор принципиально ограничен прагматическими соображениями. Его речь – «сказ», насыщенный профессионализмами и сленгом, – позволяет Стивенсону реализовать стратегию демифологизации не через авторский комментарий, но через саму нарративную ткань текста [2, с. 91].

Существенна парадоксальность нарративной позиции Уилтшира. С одной стороны, разделяет многие предрассудки колониального европейца: его отношение к местному населению Фалеза пронизано снисходительностью и непониманием. С другой стороны, именно его неспособность к «красивым словам» делает возможным разоблачение манипуляций антагониста Кейса: *«Гнилушки светились на земле – ни дать, ни взять спичечные коробки, по которым чиркнули серной спичкой. <...> Одного за другим я стащил их вниз и свалил в кучу на крыше погреба, чтобы уничтожить заодно вместе со всем прочим хламом»* [8, с. 412].

В данном фрагменте отчётливо проявляется отказ от неоромантического пафоса в пользу жёсткого реалистического письма. Холистическая природа текста проявляется в том, что этический выбор героя выражен не через высокие рассуждения, а через его повседневный язык: сам синтаксис сказа Уилтшира является нравственным высказыванием [9, с. 146].

Важным аспектом «Берега Фалеза» является метанарративный план – разоблачение «чудес» антагониста Кейса. Когда Уилтшир обнаруживает в лесу золотые арфы и раскрашенных идолов, он деконструирует колониальный миф об экзотической магии: *«После того как я ознакомился с божками и струнными инструментами мистера Кейса, лес казался мне не таким уж грозным, и всё же это была довольно-таки мрачная прогулка, и я без труда мог себе представить, как дрожали от страха канаки, попав сюда»* [8, с. 430].

Стивенсон показывает, что «тайна» – это часто техническая манипуляция, использующая культурные стереотипы в качестве инструмента власти [6, с. 178]. Этот переход от мистики к социальной реальности знаменует собой зрелость авторского метода. «Берег Фалеза» занимает исключительное место в истории колониальной литературы: Стивенсон создаёт текст, который одновременно воспроизводит и критикует колониальный взгляд. Нарратор Уилтшир причастен системе, которую же и разоблачает, – и эта амбивалентность является сознательной художественной стратегией, предвосхищающей постколониальную критику XX века [6, с. 181]. Холистическое единство достигается за счёт совпадения разоблачения визуального обмана и морального прозрения героя: Уилтшир видит и понимает одновременно – одним и тем же нарративным актом.

Проведённый анализ позволяет заключить, что все рассмотренные нарративные стратегии Стивенсона служат единой цели – исследованию границ человеческой субъектности. Будь то диалект «Окаянной Дженет», зеркала «Маркхейма» или дюны «Дома» – везде наблюдается попытка автора уйти от однозначности «авторитетного слова». Стивенсон доказывает, что мир познаваем лишь фрагментарно, и эта фрагментарность является единственно возможной формой истины в искусстве.

Рассмотренные произведения образуют не просто тематический, но и методологический цикл. «Дом на дюнах» утверждает принцип ретроспективной ненадёжности рассказчика [3, с. 212]; «Маркхейм» разрабатывает технику психологической интроспекции через внешнее пространство; «Окаянная Дженет» исследует возможности языкового остранения [11, с. 145]; «Весёлые Молодцы» создают мифопоэтическую модель акустического пейзажа [10, с. 84]; «Олалла» выстраивает систему визуальных лейтмотивов как нарративного предсказания [7, с. 115]; «Берег Фалеза» реализует стратегию демифологизации через сказ [2, с. 91]. Каждая из этих стратегий по-своему решает центральную нарратологическую проблему: как создать в тексте иллюзию субъективного опыта, несводимого к авторскому всезнанию?

Холистическая поэтика Стивенсона, соединяющая звук, цвет, слово и действие в неразрывный узел, сделала его новеллистику образцом нарративного мастерства, сохраняющим актуальность по сей день. Малая проза Р. Л. Стивенсона представляет собой сложный динамический комплекс, где новаторство в области повествовательных техник напрямую коррелирует с глубиной философской проблематики [9, с. 142]. Автор предвосхитил многие открытия литературы XX века, предложив инструменты анализа «затемнённого» сознания задолго до того, как они были концептуализированы модернистской поэтикой [4, с. 204]. Холистический взгляд на его творчество позволяет увидеть за авантюрным фасадом глубокую работу художника-мыслителя, стремившегося постичь тайну человеческой души через магию слова.

Список литературы:

1. Аникст А. А. Теория драмы на Западе во второй половине XIX века. М.: Наука, 1988. 312 с.
2. Дьяконова Н. Я. Стивенсон и английская литература XIX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 192 с.
3. Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. / пер. с фр. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. 472 с.
4. Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе / пер. с англ. под ред. В. А. Харитонова. М.: Независимая газета, 1998. 512 с.
5. Олдингтон Р. Стивенсон: портрет бунтаря / пер. с англ. и примеч. Г. А. Островской; науч. ред. и авт. послесл. Д. Урнов. М.: Молодая гвардия, 1973. 288 с. (Жизнь замечательных людей; вып. 527).
6. Сайд Э. Культура и империализм / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Владимир Даль, 2012. 735 с.
7. Смирнов В. А. Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики. Иваново: Изд-во Ивановского ун-та, 2001. 260 с.
8. Стивенсон Р. Л. Собрание сочинений: в 5 т. / пер. с англ. М.: Терра, 1994. Т. 3: Рассказы и повести. 496 с.

9. Тамарченко Н. Д. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман; под ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Академия, 2004. Т. 1. 509 с. (Теория литературы: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений: в 2 т.).
10. Урнов М. В. На рубеже веков: очерки английской литературы (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1970. 432 с.
11. Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. 384 с.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ

УДК 82

Е. Г. Савотина

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИРИКИ Б. Л. ПАСТЕРНАКА

В статье рассматривается культурологический контекст лирики Б. Пастернака с учётом особенностей поэзии и предполагаемых сложностей её восприятия. Трудности в понимании изложений лирических текстов может привести к искажению самого художественного, поэтического, авторского мировосприятия, изображённого Пастернаком. Предлагаются формы культурологического анализа произведения, где раскрываются концептуальные представления о мировых культурах, исторических, литературных, философских знаниях, которые обнаруживаются в лирике. Такое исследование может быть особенно интересно и полезно эрудированному читателю.

Ключевые слова: Пастернак; аллюзии; интерпретация; лирический текст; интертекстуальность; культурологический контекст; культурологический анализ; культурно-историческая реальность; культурологическая особенность; мировая литература; поэтика; реминисценция; художественный мир.

E. G. Savotina

CULTUROLOGICAL FEATURES OF B. L. PASTERNAK'S LYRICS

The article examines the cultural context of Boris Pasternak's lyrics in some poems, taking into account the peculiarities of poetry and the alleged difficulties of its perception. Difficulties in understanding the representations of lyrical texts may entail a distortion of the artistic, poetic, and authorial worldview itself, depicted by Pasternak. The forms of cultural analysis of the work are proposed, which reveal conceptual ideas about world cultures, historical, literary, and philosophical knowledge that are found in the lyrics. Such a study may be especially interesting and useful to an erudite reader.

Keywords: Pasternak; allusions; interpretation; lyrical text; intertextuality; cultural context; cultural analysis; cultural and historical reality; cultural feature; world literature; poetics; reminiscence; and artistic world.

При знакомстве с творчеством Бориса Пастернака изначально будет полезно получить представление о поэте как о личности, ознакомившись с его биографическим жизнеописанием. Важно проследить непростую судьбу, устремления в поэтических трудах на протяжении всего творческого пути, когда менялись его настроения и взгляды. Можно затронуть период раннего творчества, акцентируя внимание на образовании поэта, кругозоре и интересах.

Так, в период литературного дебюта и становления Пастернак не присоединился ни к одному из действующих тогда литературных направлений. В ранний период Пастернак осмысливает своё творчество через сложные формы и ассоциации, стремясь передать своё уникальное внутреннее видение поэтической реальности. Поздний же Пастернак творит с философским взглядом на жизнь, во главу ставит служение вечным ценностям и человечеству, что особенно заметно в стихотворениях из романа «Доктор Живаго».

Пастернак в своём творчестве часто обращается к литературному наследию России, западных стран – Германии, Франции, Англии. При этом автор апеллирует не только к

литературе, но и к философии, живописи, музыке [4]. Его настроения и авторский почерк в различные периоды литературной деятельности можно определить как эклектические, то есть соединяющие в себе несовместимые, разнородные элементы – мысль, звук, изображение. Всё это удивительным образом встроилось в поэтический язык Б. Пастернака, поскольку с детских лет он был окружён культурными интересами своей семьи [1]. Несомненное влияние отца – Леонида Осиповича, академика живописи, и матери – пианистки Розалии Кауфман, с детских лет впечатляло, вдохновляло Бориса Пастернака [1]. Соединение искусств, синтез внутреннего мироощущения и внешнего мира, порой противоречивых, рождал интересные метаморфозы поэтического слова: «Он представлялся читателю, привыкшему к классическому строю образов, вычурным, косноязычным, странным, сбивчивым» (по Л. Озерову) [5].

В последние годы отчетливо прослеживается интеграция русской литературы и русского языка как одинаково направленных на формирование языковой личности, читателя, способного мыслить активно, аналитически. Отражением такой интеграции стал комплексный (культурологический, лингвопоэтический) анализ художественного и лирического текста как феномена словесного искусства в единстве его формы и содержания, предполагающий особое внимание к языку в его культурологическом контексте и эстетической функции. Такой комплексный подход предполагает поэтапное и глубокое изучение лирики Б. Пастернака. Культурологический анализ лирического произведения является одной из современных и эффективных форм реализации контекстуального изучения художественного (в частности, лирического) текста. С. А. Голубков определяет этот вид анализа как «рассмотрение ... произведения в большом контексте всех культурных ценностей эпохи» [2]. Такой анализ является также важным элементом для «строительства» мира субъективного, личностного, так как базируется на культурно-исторических законах, в которых возвращается каждый человек; национальных истинах и традициях, заложенных с самого детства.

Продуктивность культурологического анализа в исследовании поэтики Пастернака особенно высока в части углубленного изучения, поскольку именно такой подход наиболее важен и нужен в столь динамично развивающемся мире литературы и лингвистики. Именно в творчестве Б. Пастернака (в плоскости поэтических произведений) усматривается связь литературы с различными гуманитарными науками. Так, в процессе изучения произведения читателями ассимилируются знания из разных наук (культурологии, политики, языкознания, философии, истории, религии и прочих).

Изучение культурологического аспекта затрагивает начальные представления о мировых культурах и их исторических периодах (например, христианской, индо-буддийской, конфуцианско-даосистской, исламской и так далее). Каждый тип культуры имеет своеобразную систему ценностей для Человека и окружающего его Мира. Знания из этой области носят ценностно-ориентационный характер в сопряжении с познанием художественного мира писателя (например, открытие мира героев, особенности поэтического слова), рассмотрение лирического произведения во времени его создания, осмысление как общекультурного феномена и культурного явления. Конечно, понимание этого во всём объёме возможно при наличии у читателя особого настроения к восприятию «пастернаковских» (и подобных) многоуровневых текстов, степени начитанности и общей эрудиции.

При культурологическом анализе произведений Пастернака следует обратиться к следующим компонентам, которые могут содержаться в его лирических текстах:

1) История и предыстория создания стихотворения (дата, посвящение, эпиграф, историческая обстановка, взгляды поэта на момент создания произведения).

Умонастроение поэта и биографические особенности рождают в читателе особое погружение в мир жизненный и поэтический. Авторское видение реальности может открыть новые грани в понимании не только воплощенного художественного мира, но и внести в мир нынешний новые ассоциативные краски, тем самым обогатить воспринимаемые картины.

2) Ведущие темы и мотивы (в том числе из социальных наук, содержащих культурологическую информацию). Если необходимо, с интересом можно обратиться к другим источникам – политике, философии, религии, истории и прочим, к которым автор делает отсылки, будь то исторический факт, временной промежуток, любое описываемое событие и так далее.

3) Лирические образы произведения в их системе и внутренних связях, аккумулирующие культурологический аспект. Символизм, изображение в образах культурных ценностей нации.

Всегда можно выделить некий символический образ, которому следует поэт, когда изображает культурную особенность страны или народа (как в стихотворении «Венеция» – ниже).

4) Сцены и лирический сюжет, несущие культурологическую информацию.

5) Своеобразие хронотопа и временных рамок произведения, отражающих культурную, культурно-историческую реальность на момент его создания.

6) Наличие аллюзий и реминисценций в художественной ткани стихотворения, которые могут пересекаться и соотноситься с другими произведениями мировой литературы.

7) Культурно-семантические пересечения в произведении, заданные сведениями из других областей знаний (при наличии) и наук.

8) Влияние речевого строя на создание образов эпохи или какой-либо социальной (этнографической) группы. Важны изобразительные средства, употреблённые автором, и возможная стилизация речи или целого стихотворения для создания определённой интерпретации и достижения нужной художественной цели.

9) Место и роль произведения в творчестве поэта, в истории русской и зарубежной литературы.

Указанные компоненты являются достаточно обширными, но глубокими, поскольку именно такой планомерный анализ подразумевается, когда ведётся речь о культурологических особенностях лирики Б. Пастернака.

Так, стихотворение «Венеция», написанное в 1913 (редактированное в 1928 году), переносит нас в летнюю Италию, где поэт был в 1912 году:

Я был разбужен спозаранку
Щелчком оконного стекла.
Размокшей каменной баранкой
В воде *Венеция* плыла.

Все было тихо, и, однако,
 Во сне я слышал крик, и он
 Подобьем смолкнувшего знака
 Еще тревожил небосклон.

Он вис *трезубцем Скорпиона*
 Над гладью стихших *мандолин*
 И женщиною оскорбленной,
 Быть может, издан был вдали...

Туда, голодные, противясь,
 Шли волны, шлендая с тоски,
 И *гондолы* рубили привязь,
 Точа о пристань тесаки.

Вдали за лодочной стоянкой
 В остатках сна рождалась явь.
Венеция венецианкой
 Бросалась с набережных вплавь [6, с. 10].

Очевидно, что путешествие навеяло на поэта определённые настроения, и со свойственной ему метафорической манерой изложения «*Венеция венецианкой*» «размокшей каменной баранкой» плывёт в воде и бросается вплавь. Целый мир другой страны и культуры открывается в небольшом стихотворении. Его анализ может вестись и через:

- наличие отмеченных незнакомых деталей, слов, названий, где потребуется использование терминологического словаря-толкователя;
- сопоставление редакций стихотворения со звуковыми отличиями:

Я был **разбужен** спозаранку
Бряцаньем мутного стекла.
 Повисло сонною **стоянкой**,
 Безлюдье висло от висла.
 (1912 год)

Я был разбужен спозаранку
 Щелчком оконного стекла.
 Размокшей каменной баранкой
 В воде Венеция плыла
 (1928 год)

Заметим, что первый вариант, благодаря звуковым сочетаниям со звуком **-р-** вносит резкость, звонкость, пробуждение от громкого «**бряцанья**», в то время как последний вариант более мягкий – пробуждение от щелчка оконного стекла. Таким образом затрагивается и лексико-грамматический, и словесно-звуковой анализ.

– выявление связей контекста произведения с другими науками: в данном стихотворении – с географией, астрономией («подобьем смолкнувшего знака еще *тревожил небосклон*, Он вис *трезубцем Скорпиона*»), с музыкальным искусством – «стихших мандолин». Поэзия Б. Пастернака в своём воплощении имеет удивительную черту – сочетание, синергию наук и явлений.

– изучение творческой истории произведения [7, с. 508], наблюдение над развитием сюжета и композиции; рассматриваются внесюжетные элементы (оцениваются

настроения и факты в судьбе автора, послужившие толчком для написания стихотворения, хронологические перестановки);

– определение образов культуры, быта, картин из жизни в художественном пространстве текста: городской пейзаж автор рисует, когда называет отдельные элементы итальянской действительности – саму Венецию (портрет Венеции как женщины), водоём, волны, пристань, лодки, гондолы, набережные, музыкальные инструменты – мандолины...

При этом культурологический аспект лирики Б. Пастернака включает оценивание не только образов, но и, как было указано выше, исторического контекста, средств выразительности, а также – интертекстуальности. Поэт обращался к мировому культурному наследию, включал в текст аллюзии и реминисценции на произведения разных видов искусства, интерпретируя суть произведения в соответствии со своим личным, сакральным (из романа «Доктор Живаго» [6, с. 280]):

Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далёком отголоске,
Что случится на моем веку.

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идёт другая драма,
И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, всё тонет в фарисействе.
Жизнь прожить – не поле перейти.

Рассуждение о данном стихотворении можно дополнить следующим:

1. Текст содержит отсылки к Библейской истории – реминисценцию, когда Иисус молился в Гефсиманском саду перед взятием его на растерзание:

Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.

2. Одновременно словно разыгрывается спектакль «Гамлет» по Шекспиру на сцене (интертекстуальность), где лирический герой жаждет правды, поняв в кульминации трагедии, что изменить общество он не в силах. Здесь мы видим перенос лирического в трагическое, когда внимание сосредоточено на фатальной судьбе главного героя:

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, всё тонет в фарисействе...

3. Можно отметить, что в данном тексте чётко выражен авторский прием типизации персонажа – герой соотносит себя с героем Шекспировской трагедии.

4. Снова автором в «его Гамлете» подчёркивается связь между науками (историей, литературой, театральным искусством и другими) и культурой другой страны.

5. Последняя строфа – идиома и пословица «...Жизнь прожить – не поле перейти» отображает не только размышления лирического героя, но и показывает близость к русскому национальному слову. Тем самым, поэт не отделяет себя от культуры своего народа, показывая родной язык в конкретных языковых единицах и во взаимосвязи с лингвокультурологической концепцией мировой литературы (посредством образа шекспировского героя – Гамлета).

В другом стихотворении «Музыка» (1956) из позднего творчества Пастернака будет занимательно обнаружить живой интерес автора к музыкальному искусству. Читатель может выявить главную идею стихотворения – музыка видится автором как способ уйти от серости городской жизни, находя утешение в искусстве:

...Раскат импровизаций нес
Ночь, пламя, гром пожарных бочек,
Бульвар под ливнем, стук колёс,
Жизнь улиц, участь одиночек.

Благодаря метафорам, сравнениям звуковым повторам, звукосочетаниям прослеживается настроение героя, различие между восприятием обыденной жизни и жизни музыкально-окрашенной, значение музыки для автора (поэт «поднимает» музыку как рояль до шестого этажа) [3]. В словах и строфах усиливается основная тема и эмоциональная окраска лирического текста: «до слёз... потрясал». Очевидны и музыкальные ассоциации (стихотворение содержит отсылки к известным композиторам Р. Вагнеру – «Полёт Валькирий», Ф. Шопену, П. Чайковскому – симфоническая поэма-фантазия «Франческа да Римини», основанная на сюжете из «Божественной комедии» Данте Алигьери). И вновь видим взаимодействие разных музыкальных культур и традиций:

... Так ночью при свечах, взамен
Былой наивности нехитрой,
Свой сон записывал Шопен
На чёрной выпилке пюпитра.

Или, опередивши мир
На поколения четыре,
По крышам городских квартир
Грозой гремел полёт валькирий.

Или консерваторский зал
При адском грохоте и треске
До слёз Чайковский потрясал
Судьбой Паоло и Франчески [6, с. 367].

Конечно, в своём лирическом творчестве Пастернак не раз обращался к музыке и звукам. Есть и другие стихотворения, содержащие отсылку к музыкальной направленности – «Баллада» или тексты из книги «Раскат импровизаций». Поэт словно исповедуется музыке, очищается через неё, привнося этот очистительный музыкальный свет в свои строки.

Благодаря углубленным исследованиям произведений Б. Пастернака возможно подчеркнуть не только литературно-языковую уникальность поэтического мышления автора, но и культурологическую особенность его поэтики, а также обратить внимание на ведущий принцип литературного русского языка как национального феномена культуры.

В многогранности культурологического аспекта лирики через притяжение наук (знаний) и в их взаимосвязи читатель может полнее и вдумчиво прочитывать любое произведение литературы, интегрировать такие знания в исследовательскую и другую деятельность. Благодаря культурологическому аспекту, поэзия Б.Л. Пастернака открывает для внимательного слушателя широкий кругозор автора, возможности для собственного творческого, читательского поиска и развития аналитических способностей.

Список литературы:

1. Гаспаров Б. М. Борис Пастернак: по ту сторону поэтики (Философия. Музыка. Быт) // Серия я Научная библиотека. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
2. Голубков С. А. Введение в литературоведение. М.: Просвещение, 1996.
3. Казарин Ю. В. Филологический анализ поэтического текста // Учебник для вузов. М.: Академ. Проект, 2004.
4. Лаврентьева Н. Н. «Культурный текст» в творчестве Б. Л. Пастернака // Россия: Русская филология и национальная культура, 2021. № 1.
5. Озеров Л. А. О Борисе Пастернаке. М.: Знание, 1990.
6. Пастернак Б. Л. Во всём мне хочется дойти до самой сути... // Сборник. Москва: Издательство АСТ, 2022.
7. Чернец Л. В., Хализев В. Е., Эсалнек А. Я. и др. Введение в литературоведение. // Учебное пособие под ред. Л. В. Чернец. М.: Высшая школа, 2004.

МБОУ СОШ № 12 г. Калуги, Калуга, РФ

УДК 82-14

Н. И. Симак

КОНЦЕПТ «ЛУНА» В ПОЭТИКЕ

Ю. К. БАЛТРУШАЙТИСА И В. И. ИВАНОВА

В статье сравниваются структуры концепта «луна» из произведений Ю. К. Балтрушайтиса и В. И. Иванова. В методологию исследования входит когнитивный подход к литературоведению. Общие места в структурах двух концептов обнаруживаются в таких когнитивных признаках, как двойничество, магия, инструментальность, релятивность, пограничность, но каждая из структур обладает уникальными авторскими модификациями.

Ключевые слова: когнитивный признак; когнитивная структура; концепт; Ю. К. Балтрушайтис; В. И. Иванов; концептуальное интегрирование.

N. I. Simak

THE CONCEPT OF «THE MOON» IN THE POETICS

OF YU. K. BALTRUSHAITIS AND V. I. IVANOV

This article compares the structures of the concept of «moon» in the works of Y. K. Baltrushaitis and V. I. Ivanov. The research methodology incorporates a cognitive approach to literary criticism. Common features in the structures of the two concepts are found in such cognitive attributes as duality, magic, instrumentality, relativity, and borderlines, but each structure has unique authorial modifications.

Keywords: cognitive attribute; cognitive structure; concept; Y. K. Baltrushaitis; V. I. Ivanov; conceptual integration.

В данном исследовании будет проведён сопоставительный анализ концепта «луна» в работах Юргиса Казимировича Балтрушайтиса и Вячеслава Ивановича Иванова.

В ходе анализа будет применяться метод когнитивного литературоведения, разработанный М. Тёрнером и Ж. Фоконье. В связи с данным методом нами будут обозначены общие места в структурах концептов у обоих авторов, полученных из интеграции разных ментальных пространств, которые представляют из себя «пакеты информации, возникающие в процессе мышления и речи и позволяющие нам выявить подробную внутреннюю структуру высказывания или концептуального поля, расчленив их на более мелкие составные части» [1, с. 70]. Сама эмергентная структура, то есть продукт интеграции ментальных пространств, «элементы которых, так же как и в метафоре, проецируются друг на друга» [1, с. 70], состоит из элементов структуры, которые наполняются теми или иными когнитивными признаками. Важно то, что смысловое значение имеет только когнитивный признак, тогда как элемент когнитивной структуры представляет из себя потенциал тех или иных признаков. В ходе концептуальной интеграции происходит выделение обобщённой структуры, полученной из общих мест в структурах данных ментальных полей, и её преобразования, дополнения элементами тем или иным образом следующие из уже имеющихся в обобщённой структуре.

Так как структура концепта «луна» уже была рассмотрена в нашей предыдущей статье [3], выделять её заново мы считаем избыточным и сделаем упор на обнаружение типологических схождений или расхождений в рассматриваемых концептах.

Соотношение образа и концепта будет рассмотрено в свете изысканий А. Ф. Лосева на тему понятий логос и эйдос, изложенных им в своей работе «Философия имени», а точнее в свете интерпретации данных изысканий И. А. Тарасовой. Мы будем исходить из того, что пара эйдос/логос по Лосеву «может быть переадресована паре образ/концепт» [4, с. 744]. Образ нами понимается как неделимый, цельный и имеющий место только с сохранением своей цельности эйдос. Концепт же как разделённый на элементарные частицы, «атомы» логос, как образ, рассмотренный естественнонаучным взглядом: «в логосе по порядку перечисляется то, что совокупно и как единый организм дано в эйдосе» [4, с. 744].

За основу метода нашего исследования также взята теория парадигмы образов Н. В. Павлович. «Парадигма образа – это инвариант ряда сходных с ним образов, который состоит из двух устойчивых смыслов, связанных отношением отождествления» [2, с. 7]. По мнению Н. В. Павлович, любой образ представляет из себя «отождествление противоречащих в широком смысле понятий» [2, с. 13], то есть он должен содержать как минимум два члена отождествления. Каждый член отождествления способен иметь вариант, непосредственно реализуемый в произведении, и инвариант, представляющий из себя общий знаменатель всех сходных вариантов данного образа. Принципиальным для нас является именно понятие инварианта.

Объектом исследования является поэтика образной структуры концепта в работах Ю. К. Балтрушайтиса и В. И. Иванова. Предмет исследования – стихотворения из сборников «Горная тропа» (1912 г.) Ю. К. Балтрушайтиса и произведений из сборника «Cor ardens» (1911–1912 гг.) В. И. Иванова.

Итак, в концепте «луны» у Балтрушайтиса выделяются следующие когнитивные признаки: «магия, релятивность, инструментальность, пограничность, двойничество» [3, с. 70]. Наша задача – узнать, обнаруживаются ли эти признаки в поэтике В. И. Иванова, как модифицируются, какую находят альтернативу и т.д.

Ключевой инвариантный образ во всей поэтике Ю. К. Балтрушайтиса – «трансцендентное». Оттолкнемся от данного инварианта: появляется устройство и иерархия художественной действительности; в первую очередь оппозирующий инвариант – «имманентное». Применимо к «Песни из лабиринта», серии стихотворений, объединённых общим нарративом, лучше сказать «иррациональное» нежели «трансцендентное»: Ивановым подчёркиваются несколько иные свойства данного образа, а первая выкристаллизовывающаяся из него оппозиция – это «рациональное», то есть обыденное, бытовое, осознанное, ясное и т.д.

Сюжет «Песни из лабиринта» – это процесс расставания человека с «иррациональным» параллельно с процессом взросления. В «Сестре» описывается ситуация, произошедшая с лирическим героем в «пространстве иррационального». Упоминаемая здесь «луна» дана во взаимодействии с «мглой» – атрибутом «рационального», «земного» мира. Поэтому и к «клубу», подаренному «Сестрой» младенцу, применяется эпитет, говорящий о большей степени «иррациональности», чем что-либо, соприкоснувшееся с «рациональным»:

И нити клуб волокнистый –
Воздушной, чем может спрясти
Луна из мглы волнистой.

Образы «луны» и «мглы» уже сами по себе довольно «иррациональны» (за счёт признаков «искажённости», «тайны» и т.д., что соотносится и с частым в этом произведении

образом «волны» в связи с «иррациональным»), но это только повышает ценность и «иррациональность» «клуба», возвышающегося над ними.

В последнем стихотворении цикла «луна» отождествляется с «клубом», что можно считать также прямым причастием её к «иррациональному». Важным является образ «лунного луча», входящий в параллель с образом «нити»: «луч» выступает как «мост», как бы «связующая нить» между «небесным» и «земным», «иррациональным» и «рациональным». Собственно отождествление «луны» и «клуба» можно считать очевидным только благодаря отождествлению «луча» и «нити». То есть у Иванова «луна» так же, как у Балтрушайтиса, – это «часть небесного, которая связана с частью земного посредством „лунного пылания“ или „света лунных лучей“, которые, подобно мосту, протянулись между двумя мирами» [3, с. 67]. Через образ «луча» проявляется «инструментальность» «луны» у Иванова: она выступает как инструмент поддержания единения с «иррациональным» для лирического героя.

Использование «луны» (зенит надлунных слав) описывает её как нечто находящееся «ниже», «приземлённое», чем контрастирующий и оппонирующий в данном случае образ «зенита слав». Противостоят данные образы друг другу на таком параметрическом основании, так как находятся в выстроенной системе координат концептуальной метафоры «ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ – ВЫСОТА». Но отождествление с «клубом» в этом же стихотворении всё же оставляет за «луной» причастность к «иррациональному», она лишь находится ниже относительно других вещей «небесного» мира. Такое положение имеет место за счёт тесной связи «луны» с «земным», «рациональным». Всё это в совокупности («низкое» положение в связи с тягой к «земному») даёт признак «пограничности», присутствующий и у Балтрушайтиса, у которого «луна» «как фрагмент небесного как бы выдаётся вперед к земному во время своего магического воздействия на фрагмент земного» [3, с. 67].

«Магия» у Балтрушайтиса заключается в «приобщение земного небесному [...] и небесного земному» [3, с. 64] через метаморфозу образной субстанции, «магию превращения» [3, с. 63]. «Магия» у Иванова также реализуется через синтез «высокого», «иррационального» и «низкого», «рационального»:

И в трещинах куполов тлеет
Зенит надлунных слав;
И в тусклых колодцах белеет
Глубоких морей расплав.

Между «небом» и «землёй», прежде отрешённых и отделённых друг от друга, устанавливаются отношения, связь (в данном случае – зрительная):

И в кружево облачных окон
Глядят голубые сны).

Самые существенные заинтересованность и взаимодействие двух миров обнаруживается в мотиве «прядения», когда «ночь» прядёт «туман». Оба образа находятся на границе своих измерений: «ночь» за счёт связи с «пограничной» «луной», «туман» – в силу своей способности искажать «рациональные» вещи (пара «рациональный – иррациональный» соотносится с парами «прямой – кривой», «ясный – мутный» и т.д. На основании бинарности

каждой из этих оппозиций), оттого и их органическое родство, непротиворечивость при условной оппозиционности в рамках иерархии художественной действительности:

Ночь пряжу прядет из волокон
Пронизанной светом волны

Предметы под воздействием «магии» «луны» обретают новые, несвойственные им по своей «земной» природе свойства, например: волна – источает свет.

«Релятивность» «луны», то есть её неотделимость от объекта своего магического воздействия, у Иванова проявляется через мотив «прекращения сна»: вместе со сном исчезает вся «магия». Исчезновение «магии» реализуется через «таянье туманов», то есть нейтрализацию продуктов взаимодействия «иррационального» и «рационального» миров.

«Песни из лабиринта» имеют типологические схождения с мифом о Тесее и Минотавре на образном уровне текста: «клуб», «лабиринт», «Сестра». «Сестра» обнаруживает параллели и расхождения с Ариадной: она даёт лирическому герою «клуб» перед выходом за «порог» в «лабиринт»-«рациональный» мир, но, исходя из имени, находится с ним в родственных, а не любовных отношениях. Такая модификация образа добавляет элементы бескорыстности, неминуемости, должности любви персонажей, обосновывающей их стремление друг к другу из разных миров посредством «лунного света». Родство – это более устойчивый и постоянный любовный стимул, нежели чувство. Гендерное различие персонажей подчёркивает разность их природы, к преодолению которой ради обоюдной платонической любви они и стремятся. Таким образом, «Сестру» можно считать двойником лирического героя в мире «иррационального». То есть у Иванова двойником лирического героя является не сама «луна», как у Балтрушайтиса, а персонаж, дарящий её герою.

Признаки могут обнаруживаться, когда «луна» упоминается косвенно, не играет такой основополагающей роли, как в «Песнях из лабиринта». Например, в «Молчании» «магия» проявляется через пластику образа, не затрагивая никакой мотив:

Где реют лики прорицаний,
Как радуги в луче луны.

Опять возникает «лунный луч», волшеббно влияющий на «земное», здесь – посредством того, что в его составе находятся «радуги» – ассоциаты «чуда», которые контрастируют с лунным светом и оттого, находясь с ним всё же в смежности в рамках одного образа, – создают эффект чуда.

В стихотворении «Semper morior, semper resurgo» «луна» противопоставляется «бездне» на основании оппозиции «свет-тьма»: «луна» отводится свет, «бездне» – тьма:

Меж мгновеньем и мгновеньем
Бездна темная зияет.
По змеисто-зыбким звеньям
Тухнет свет, и свет сияет
Над струистою могилой.

Сладко, вспыхнув лунной силой,
Вновь тонуть мне в силе темной, –
Малой искрой миг единый
Мреть – и меркнуть – над огромной
Колыбельною пучиной.

Со «светом» здесь наразрывно связан мотив «воскрешения», с «тьмой» – «смерти», что раскрывает «магию» «луны» через цепочку: луна – свет – воскрешение – чудо (магия). Также в данном произведении можно наблюдать частое для Балтрушайтиса отождествление «луны» и «искры» (например, в стихотворении «Песня» из сборника «Земные ступени»:

Только в ночь бездонную
Звезды с высоты
Бросят в бездну сонную
Искру красоты...

Или «Ныне и присно» из «Горной тропы»:

Солнце в светающем небе,
Искра в ночной тишине –
Каждый раскрывшийся жребий
Замкнут во мне).

У Балтрушайтиса «искра» – это вариант «трансцендентного», связанный с «луной» на основании признака «магии», который имеет место в связи с равноправностью двух противоречащих аспектов возникающей образности: «ночь», порождающая «свет», «искру». Данное противоречие сохраняется и у Иванова и также указывает на «магию», а «жизнь» также можно связать с «трансцендентным»: художественная действительность данного стихотворения выстраивается следующим образом: жизненный путь человека на основании концептуальной метафоры «ВРЕМЯ – ЭТО МАТЕРИАЛЬНАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ» отождествляется с «цепью» (через образ «звеньев»), «полосой», которая разделяет по горизонтали «высокий», «светлый» и «глубокий, «тёмный» миры. Между «высоким» и «глубоким» мирами Иванова и «трансцендентным» и «имманентным» мирами Балтрушайтиса обнаруживаются типологические схождения на основании общих оппозиций: разделение по вертикали, распределение «света» и «тьмы» и тд. Это даёт повод для отождествления «жизни» и «трансцендентного». Автор «*Semper morior, semper resurgo*» под «жизнью» имеет в виду как бы «подлинную» жизнь, сакральную, одухотворённую чудом воскрешения.

Образ «луны» четыре раза встречается в цикле «Привечерие». В «Загорье» «луна» наделяется «магией» эксплицитно – через номинативное поле признака:

И в грустную лазурь глядит, осветлена, –
И медлит день тонуть в сияющих расплавах,
И медлит ворожить на дремлющих купавах
Над отуманенной зеркальностью луна.

«Луна» здесь «ворожит», то есть реализует свою «магию». В стихотворении описывается особое состояние души, когда в ней проявляется как бы имманентная трансцендентность, исходящая изнутри лирического героя. Поэтому воздействия обоих миров на него сбавляются, так как не требуются: луна «медлит» «ворожить», так как результат этого «ворожения» уже имеется у героя; день, который противопоставляется здесь «луне» как атрибут «земного» мира, в свою очередь медлит препятствовать магическому действию природы. Атрибутирование «дня» «имманентному» традиционно также и для Балтрушайтиса, что можно видеть в приведённом выше отрывке из «Ныне и присно», где «солнце» противопоставлено «луне» через образ «искры».

То же состояние души, что и в «Загорье», осваивается в стихотворении того же цикла – «Покров». Здесь также появляется «день», так же как у Балтрушайтиса, атрибутируемый «имманентному», обыденному, повседневному. Но его «обыденность» «дня» так же, как в «Загорье», одухотворяется «трансцендентной», необыкновенной «луной», сравниваемой с сакральным образом – «ладаном»:

Твоя ль голубая завеса,
Жена, чье дыханье – Отрада,
Вершины зеленого леса,
Яблони сада

Застлала пред взором, омытым
В эфире молитв светорунном,
И полдень явила повитым
Ладаном лунным?

В «Предчувствии» «луна» также увязывается с сакральным образом «востока»:

Луна сребрит парчу дубрав восточных.

В стихотворении осваивается особое состояние «предчувствия», связанное с наступлением «будущего» и с прощанием с «прошедшим». Пространствам «будущего» и «прошедшего» отводятся разные образы: «дуба» и «озими» соответственно; образ «берёзы» отводится «настоящему»:

И, просквозив фиалковую муть,
Мерцаньями межуют верный путь

Ряды берез, причастниц непорочных,
И пыль вдали, разлукой грудь щема,
На тусклые не веет озимя.

«Луна» в таком случае сближается с «трансцендентным», выраженным образом «иконности». Косвенно возникает также образ «света», связанный с «магией», – через образ «ясности», «мерцания», освещающего «путь» лирического героя и противопоставленный «тусклости», «неясности» «прошлого», проявленной через эпитет «тусклый» относительно

«озими», образ «поднятой пыли», образ «фиалковой мути», преодолеваемой «мерцанием берёз» и т.д. То есть «прошлому» отводится «имманентное», «суетное», тогда как «будущему» – «трансцендентное», а основным указывающим на это признаком становится именно «луна». А связи с реализацией «лунного света» как «проводника» возникает «инструментальность», отделённость «луны» от «трансцендентного»-«иконостаса» и её приближённость и связь с лирическим героем и «берёзовой рощей»-«настоящим» обнаруживает «пограничность».

В «Exit cog ardens» «луна» увязывается с «трансцендентным» тремя путями: она вписывается в общую метафору причастия, став одной из составляющих «причастного вина»; возникает в связи с сакральным образом «потира»; и в связи с образом «эфира», вариантом «трансцендентного».

Таким образом, все основные когнитивные признаки, обнаруженные в концепте «луны» в поэтике Ю. К. Балтрушайтиса, – магия, релятивность, инструментальность, пограничность, двойничество, – содержатся в таковом в поэтике В. И. Иванова. Художественные действительности данных авторов, в которые вписываются концепты «луны», сохраняют структурное соответствие при разной признаковой наполненности, обусловленной различными эстетическими приоритетами поэтов (например, «трансцендентное» Балтрушайтиса и «иррациональное» Иванова).

Список литературы:

1. Лозинская Е. В. Литература как мышление: Когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков: Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. Научн.-информ. Исслед. Отд. Литературоведения. М., 2007. 160 с.
2. Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 1995. 491 с.
3. Симак Н. И., Похаленков О. Е. Концепт «луна» в поэтике Ю. К. Балтрушайтиса // *Мировая литература в контексте культуры*, 2025. № 21 (27). С. 61–72.
4. Тарасова И. А. Художественной концепт: диалог лингвистики и литературоведения. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 2010. № 4 (2), С. 742–745.

МБОУ «СОШ № 8 имени А.А. Матюшина», Калуга, РФ

УДК 82

И. А. Юсифова

ЛИРИЧЕСКОЕ И САТИРИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ШАКИРА ХЕЯЛА

В статье впервые рассматривается творческий путь талантливого поэта Шакира Хейла, сыгравшего значительную роль в формировании литературной среды Шеки и Габалы (Куткашена) в XX веке. Исследователь, взяв за объект анализа сатирические и лирические стихи поэта, раскрывает особенности его художественного мастерства. Анализ показывает, что Шакир Хейл, будучи активным участником литературного кружка «Себухи», действовавшего в Шеки в 1940–1980-е годы, создавал свои произведения на основе литературных норм и строго следовал канонам поэзии.

Ключевые слова: Шакир Хейл; литературный кружок «Себухи»; сатирическое стихотворение; художественные средства; сравнение.

I. A. Yusifova

THE LYRICAL AND SATIRICAL WORKS OF SHAKIR KHEYAL

This article examines for the first time the creative path of the talented poet Shakir Kheyal, who played a significant role in shaping the literary milieu of Sheki and Gabala (Kutkashen) in the 20th century. Focusing on the poet's satirical and lyrical poems, the researcher reveals the distinctive features of his artistic mastery. The analysis reveals that Shakir Kheyal, an active member of the «Sebuh» literary circle, which operated in Sheki from the 1940s to the 1980s, created his works based on literary norms and strictly adhered to the canons of poetry.

Keywords: Shakir Kheyal; «Sebuh» literary circle; satirical poem; artistic devices; simile.

Введение. В 1950–1960-е годы одним из поэтов, поддерживавших связь с литературным кружком «Себухи» и присылавших свои стихи в редакцию газеты «Нухинский рабочий», был сотрудник газеты «Галибият» Куткашенского (ныне Габалинского) района – Шакир Хейл. Шакир Хейл родился 25 мая 1936 года в селе Солтаннуха Габалинского района.

Начальное и среднее образование он получил в родном селе, а среднее специальное в Бакинском сельскохозяйственном техникуме, который окончил в 1957 году. Трудовую деятельность начал в Габалинском комбинате бытового обслуживания, позже же, благодаря склонности к журналистике и литературному дару, работал в редакции районной газеты «Галибият».

Поэтические сборники «Прошедшие годы жизни» (2007, издательство «Гюнеш») и «Жизнь – это доверие, мир – это память» (2022, издательство «Муэллим») объединяют темы любви к Родине, верности родному краю, уважения к памяти предков, а также глубокие чувства к природе и человеку.

Основная часть. В лаконичном предисловии к книге «Жизнь – это доверие, мир – это память» редактор Гарыб Гусейн справедливо отмечает, что «поэт (имеется в виду Шакир Хейл. – И.Ю.) с особой любовью, а порой и в свете несбывшейся любви изображает не только живописные места Габалы, но и её знаменитые родники, реки, горы, ущелья и пастбища». Такими являются произведения «Салам, ай бахар», «Даха яз гелир», «Шонгар булагы», «Бей йолу», «Зогаллы корук» и др. [1, с. 4].

Тематика Карабаха, подвиги героических сынов Азербайджана и мученичество занимают центральное место в поэзии Шакира Хаяла 1990-х гг. и более позднего периода. В посвящённом национальному герою, генералу Поладу Гашимову стихотворении «Я мать шахид-генерала», поэт с глубокой сердечной болью передает чувства матери:

Oğul itirmişəm, igid bir oğul.
Şəhid generalın anasıyam mən.
Bu deyil əfsanə, bu deyil nağıl,
Çiçəktək saralıb solasıyam mən,
İgid generalın anasıyam mən [1, с. 7].

*Я сына потеряла – храбра была душа,
Я мать генерала.
Не сказка это, нет, не мираж,
Как цветок ослабла я,
Я мать отважного генерала.*

Стихотворения поэта о Карабахе – «Карабах, верни мне сына», «Не плачь больше», «Я не верю в твоё отсутствие», «Эй, Карабах, что сделал ты с моим Русланом?!» наполнены глубоким трагизмом.

Лирика Шакира Хаяла также придаёт большое значение теме любви – вечной теме поэзии. Его стихотворения «Я увидел тебя – и вернулся в свою юность», «Ради тебя», «Когда вижу твою фотографию», «Жаль шёлковые волосы, струящиеся пряди», «Я прилетел бы к твоему окну», «Тебя», «Дни, проведённые с голубоглазой девушкой» и др. являются яркими образцами этого цикла.

В стихотворении «Дни, проведённые с голубоглазой девушкой» поэт живёт ностальгией по пережитым дням любви. Написанное в жанре гошма, стихотворение привлекает внимание художественно-образными средствами. Основной выразительный момент – романтические мечты влюблённого, оказавшегося вдали от своей возлюбленной. Воссоздавая в памяти свои сладостные беседы с любимой, лирический герой ощущает тоску по ушедшей любви, прекрасным дням и несбывшимся надеждам:

Şirin söz – söhbətim getdi onunla,
Eşqim, məhəbbətim getdi onunla,
Arzum, səadətim getdi onunla,
Ay məndən aralı düşən günlərim [1, с. 461].

*Мои сладкие беседы ушли вместе с ней,
Моя любовь, моё чувство ушли вместе с ней,
Моя мечта, моё счастье ушли вместе с ней,
О, дни мои, что отдалились от меня.*

Строго соблюдая каноны жанра, поэт с мастерством передаёт выразительность и образность, воплощая своё томление в языке риторических вопросов, сравнений и метафор:

Mən niyə itirdim mavi gözlünü,
O lalə üzlünü, şirin sözlünü,
Hələ axtarıram bülbül səslini,

Yellərə qarışdı əsən günlərim [1, с. 461].

*Почему же я потерял голубоглазую,
Ту тюльпанолицую, сладкоречивую,
Всё ещё ищу её соловьиный голос,
Растворились в ветрах мои промчавшиеся дни.*

Поэт виртуозно использует эпитеты и метафоры: «голубоглазую», «тюльпанолицую», «сладкоречивую», «соловьиный голос». Герой, не выдерживая тоски по своей голубоглазой возлюбленной, впадает в отчаяние и жалуется на боль утраты:

O mavi gözlünü bir də tapmaram,
Daha istəyimə heç vaxt çatmaram,
Öluncə göynəyər, sızlayar yaram,
Kədərli günlərim, ay şən günlərim! [1, с. 461].

*Ту голубоглазую больше не найду,
К своим желаниям уже никогда не дойду,
До смерти будет жечь и ныть моя рана,
О дни печальные, о мои весёлые дни!*

Шакир Хаял – поэт, живущий национальными идеалами, что отражается и в его любовной лирике. Известно, что волосы всегда были важным атрибутом азербайджанских девушек. Ещё в древнем памятнике «Китаби-Деде Горгуд» женщин восхваляют как «длинноволосых, косы которых спускаются до ног». Видный поэт XVIII века М. П. Вагиф также восхищался карабахскими девушками: «Каждая коса – в локоть длиной».

Стихотворение Шакира Хаяла «Жаль шёлковые волосы, струящиеся пряди» написано с протестным пафосом. То, что возлюбленная остригла свои чёрные, шёлковистые волосы, не только расстраивает поэта, но и вызывает в нём чувство гнева:

O ipək telləri niyə kəsmisən?
Heç elə telləri kəsərdilərmimi?
O qara tellərdən bəlkə küsmüsən?
Elə tellərdən də kəsərdilərmimi? [1, с. 458]

*Зачем ты отрезала эти шёлковые пряди?
Разве такие волосы можно резать?
Неужели ты обиделась на чёрные косы?
Разве на такие пряди обижаются?*

Несмотря на недовольство возлюбленной, лирический герой выражает свою твёрдую позицию. Все радостные дни ушли вместе с обрезанными волосами. Чёрные волосы, придававшие возлюбленной особую красоту, исчезли, и поэт выражает лишь сожаление:

Heyf qara saçlar, şəlalə tellər,
Əlin necə quydı belə tellərə? [1, с. 458]

*Жаль чёрных волос, струящихся, как водопад,
Как смогла твоя рука подняться на такие пряди?*

Для него важна не только духовная сущность любимой, но и её волосы, которые он ласкал:

O qara telləri tumarlayardım,
Mən elə bilərdim dünya mənimdi.
Onlara baxmaqdan mən heç doyardım?
Təqsirkar özünsən, neyləyək indi? [1, с. 458]
*Я бы ласкал те чёрные пряди,
И думал бы, что весь мир принадлежит мне.
Разве мог бы я насытиться их видом?
Ты сама виновата – что же теперь поделаем?*

Во имя национального идеала чувствуется, что лирический герой готов отказаться даже от своей любви. Считаая поступок возлюбленной серьёзной ошибкой, он обрушивает на неё поток риторических вопросов и восклицаний:

Yaraşıq verərdi o tellər sənə,
O yar - yaraşığı niyə itirdin?
Günahın böyükdür, nə deyim sənə?
Niyə gözəlliyə xələl gətirdin? [1, с. 458]
*Те волосы так шли тебе,
О красавица, зачем утратила своё украшение?
Велика твоя вина – что сказать тебе?
Зачем ты нарушила свою красоту?*

Некоторые стихи Шакира Хаяла написаны в сатирическом ключе. В 1960-е годы поэт создал ряд стихотворений именно в этом стиле. В сатире «Женюсь или нет?» он продолжает традиции сатиры Сабира, как это делали его коллеги по перу. Хотя талантливая сатира Шакира Хаяла вызывает отклик у одноимённой сатиры знаменитого «молланэсреддинца» Али Назмина, идеи авторов полностью различны. В произведении Али Назмина сомневающийся в женитьбе герой – пожилой мулла, у которого несколько жён, тогда как сатирический герой Шакира Хаяла – молодой человек, посвятивший себя праздной жизни, бесцельным развлечениям, времяпрепровождению в пороках: пьянстве, азартных играх и бесчинству в тени углов и закоулков.

Язык произведения, как и у «молланэсреддинцев», строится на монологе отрицательного персонажа. Уже с первого куплета проявляется тип, который считает холостяцкую жизнь королевским даром и гордится своей холостяцкой свободой:

Nəyatımın, ömrümün nemətidir subaylıq.
Ən qiymətli çağların, şöhrətidir subaylıq.
Eşqimin dan ulduzu, ziynətidir subaylıq.
Bir gözələ dil töküb evlənim, evlənməyim?
Subaylıqdan əl çəkib, evlənim, evlənməyim? [4, с. 4]
*Холостяцкая жизнь благословение моей судьбы.
Наиболее ценные годы – слава холостяцкой жизни.*

*Рассвет моей любви, украшение холостяцкая жизнь.
Уж стоит ли очаровать красавицу и жениться, или нет?
Отказавшись от холостяцкой жизни, женюсь или нет?*

В третьем куплете отрицательный персонаж переживает ещё более серьёзные внутренние потрясения. Для него крайне тяжело отказаться от привычных забав холостяцкой жизни – быть «слугой жены», терпеть семейные тяготы, отказаться от игр в нарды и домино, а также от друзей, увлекающихся алкоголем и вином:

Deyirlər ki, arvada nökdərđ evlənənlər,
Çəkirlər min əzabı, min dərdi evlənənlər,
Oynamırlar domino, nə nərdi evlənənlər,
Var qəlbimin marağı, evlənim, evlənməyim?
Atıb çaxır, arağı, evlənim, evlənməyim? [4, с. 4].

*Говорят, что женившиеся становятся слугами у своих жён,
Терпят тысячи страданий, тысячи мучений женившиеся,
Не играют в домино, не играют в нарды женившиеся,
А у меня есть желание сердца жениться или нет?
Отказавшись от вина и водки, женюсь или нет?*

В последнем куплете сатиры поэт раскрывает сущность отрицательного героя: его пустоту, склонность к праздной жизни и пороку, оставляющую многих плачущими на пути любви; в списке ложной любви для него уже нет места, он презирает труд и честное усилие:

Gözəllərin adını sinəmə yazdırmışam,
Neçəsinə söz verib, neçəsin əzdirmişam,
Mən azad qanad çalib, yem axtaran bir quşam,
Yeyib-içməklə varam, evlənim, evlənməyim?
Zəhmətlə yoxdur aram, evlənim, evlənməyim? [4, с. 4]

*Я написал имена красавиц на своём сердце,
Обещал многим, а кого-то лишил обещаний,
Я свободная птица, ищущая пищу,
Существую, питаюсь и выпивая, женюсь или нет?
Нет у меня гармонии с трудом, женюсь или нет?*

В 1960-х годах в стихах «50-й праздник» [7] (1967), «Я комсомолец эпохи Ленина» [5] (1968) и других Шакир Хаял склонялся к политическим темам, воспевая ленинский комсомол и достижения социалистической революции. Однако его вдохновение того периода не ограничивалось только политикой; он также писал стихи о природе.

В стихотворении «Привет, весна!», написанном в 1971 году, поэт с ювелирной точностью передаёт все особенности весеннего сезона, создавая живописную картину с помощью силы художественного слова. Обращение поэта к весне подчёркивает художественную красоту:

Günəş gülümsəyir
bir gəlin kimi,

Üfüqlər don geyir
qövsi-qüzehdən.
Titrədir otları
səhər nəsimi,
Sürünür dağlardan
yenə duman, çən.
Dərələr boyunca
səslənir sular,
Salam, ay bahar!
Tələsir harasa
bal arıları,
Kəpənək çiçəkdən,
gülə qayıdır.
Alçalar ağ geyib,
zoğallar sarı,
Ördəklər çaylardan
gölə qayıdır.
Havada sevinclə
süzür durnalar,
Salam, ay bahar! [2, c. 4].
*Солнце улыбаётся,
Как невеста,
Горизонты надевают зимнюю одежду
Из арки и свода.
Трепецуют травы
От утреннего ветра,
Туман вновь сползает с гор.
По долинам звенят воды,
Привет, весна!
Пчѣлы спешат куда-то,
Бабочка возвращается с цветка на цветок,
Сливы в белом одеянии,
Рябина желтеет,
Утки возвращаются с рек на озѣра,
В небе с радостью скользят журавли,
Привет, весна!*

Особое внимание привлекают третья и четвёртая строки – как по содержанию, так и по художественной выразительности. Метафоры весны: «выросла фиалка», «ива покрыта серёжками», «дуб украшен», «небеса смеются» – так выразительны и уместны, что читатель словно сам оказывается в прекрасной весенней поре:

Yaşılbaş sonalar
göl qırağında,
Quzular güneydə

xumarlanırlar.
 Bənövşə boylanır
 yol qırağında,
 Söyüdlər su üstə
 tumarlanırlar.
 Sənin gəlişinlə
 bəzənir çinar,
 Salam, ay bahar!
 Sən gəldin torpağın
 göy otlarında,
 Göylərin sehrkar
 qəhqəhəsində.
 Gəldin qaranquşun
 qanadlarında,
 Çoban tütəyinin
 şirin səsində.
 Sən gəldin qaynadı,
 daşdı arzular,
 Salam, ay bahar! [2, c. 4]

*Зелёные овцы на берегу озера,
 Ягнята на юге пасутся,
 Фиалка поднимается вдоль дороги,
 Ивы свисают над водой,
 С приходом твоим украшен дуб,
 Привет, весна!
 Ты пришла на зелёные травы земли,
 В волшебном смехе небес,
 На крыльях ласточки,
 В сладком звуке пастушьей свирели,
 Ты пришла кипят и каменеют мечты,
 Привет, весна!*

Стихотворение Шакира Хаяла «Колыбельная матери» не является оригинальным по теме, но ценно как художественный образ, выражающий материнскую любовь и величие матери. В литературной среде Шеки XX века трудно найти поэта, у которого тема матери не присутствовала бы в творчестве. Лирика не позволяет упрекнуть кого-либо в повторении, ведь речь идёт о существе, создавшем человечество. Однако каждый авторский стиль должен проявлять уникальность, оригинальность выражений и красоту мысли. Стихотворение Шакира Хаяла «Колыбельная матери» занимает особое место в этом ряду. Он воспевает свою старую мать, считая материнскую колыбельную тёплой, как солнце, прохладной, как лёд, ароматной, как цветок, сладкой, как мёд, исцеляющей для сердца и мудрой:

Onun məhəbbəti, eşqi dərindir,
 Günəşdən istidir, buzdən sərin dir.
 Çiçəkdən ətirli, baldan şirindir,

Ürəyə dərmandır ana laylası.
Təbibdir, loğmandır ana laylası.

Mənə gəncliyimdən anam əzizdir,
Sanıram günəşlə o da əkizdir.
Layla musiqiyə, şeirə əvəzdir.
Arzudur, kamandır ana laylası.
Bitməmiş romandır ana laylası [3, с. 4].

*Её любовь, её страсть глубоки,
Тепла больше, чем у солнца, прохлады чем у льда,
Ароматна, как цветок, сладка, как мёд,
Колыбельная матери – лекарство для сердца,
Колыбельная матери – врач и мудрец.*

*С юности моя мать дорога мне,
Кажется, она близнец солнца.
Колыбельная заменяет музыку и поэзию,
Желание и цель колыбельная матери,
Незавершённый роман колыбельная матери.*

Заключение. В исследовании дана общая характеристика богатого творческого наследия талантливого поэта Шакира Хаяла. Анализ показывает, что поэт занял достойное место в литературной среде Шеки и Габалы XX века как самобытный автор с ярким художественным стилем. Его сатиры соответствуют литературным критериям по тематике, языку и стилю, что свидетельствует о высоком уровне наблюдательности и художественного дарования. Разносторонний взгляд на общество, Родину, а также глубокое почитание памяти предков, особенно заметное в позднем периоде его творчества, обеспечивают ему любовь читателя. Можно с уверенностью утверждать, что его глубокие лирические и сатирические стихи займут достойное место в истории азербайджанской поэзии.

Список литературы:

1. Шакир Хаял. Жизнь – это доверие, мир память. Баку: Учитель, 2022. 620 с.
2. Шакир Хаял. Привет, весна // Шекинский рабочий, 1968, 23 апреля – 7 марта.
3. Шакир Хаял. Материнская колыбельная // Шекинский рабочий, 1971, 15 мая 1971.
4. Шакир Хаял. Жениться или нет? Сатирическое стихотворение // Шекинский рабочий, 1969, 18 января.
5. Шакир Хаял. Мэн, Я комсомолец эпохи Ленина // Шекинский рабочий, 1968, 29 октября.
6. Шакир Хаял. Вагиф: Стихотворение // Шекинский рабочий, 1968, 7 сентября.
7. Шакир Хаял. 50-летний праздник // Нухинский рабочий, 1967, 7 ноября.

Шекинский региональный научный центр Национальной академии наук Азербайджана, Шеки, Азербайджан

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 82

Е. А. Балашова

**ТРИ РОДИНЫ ВАЛЕРИЯ ПЕРЕЛЕШИНА:
РЕЦЕНЗИЯ НА ДИССЕРТАЦИЮ ЛЮ ЛЭ
«ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ ДОМ И РОДИНА В ЛИРИКЕ ВАЛЕРИЯ
ПЕРЕЛЕШИНА», ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 5.9.1.
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ) (КАЛИНИНГРАД, 2025, 187 с.)**

Рецензируемое исследование Лю Лэ посвящено поэтическому наследию Валерия Перелешина, представляющего «восточную ветвь» русской эмиграции, сумевшего сберечь национальные духовные ценности и одновременно сделать их достоянием иной культуры. Валерий Перелешин показал, что Родина – понятие «духовное и многогранное» (С. 141). Фигура поэта интересна тем, что он выполнил миссию связующего звена между культурами и эпохами. Родина и чужбина соединились в его поэзии, перестав быть непримиримыми противоположностями. Его личная ностальгия трансформировалась в универсальное художественное высказывание о судьбе человека на перепутье культур (С. 126). Перелешин – один из тех, кому удалось сохранить своё творчество для России: он дожил до признания на Родине, когда его стихи вернулись к русскому читателю в виде изданного собрания сочинений (С. 112).

Ключевые слова: восточная ветвь русской эмиграции; Китай; Бразилия; поэзия XX века; Валерий Перелешин.

E. A. Balashova

**VALERIY PERELESHIN'S THREE HOMES:
REVIEW OF THE DISSERTATION BY LUE LE «ARTISTIC CONCEPTS OF HOME
AND MOTHERLAND IN VALERIY PERELESHIN'S POEMS» SUBMITTED FOR THE
DEGREE OF CANDIDATE OF PHILOLOGY IN SPECIALTY 5.9.1. RUSSIAN
LITERATURE AND LITERATURES OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN
FEDERATION (PHILOLOGICAL SCIENCES) (KALININGRAD, 2025, 187 p.)**

The reviewed study by Liu Le is devoted to the poetic legacy of Valery Pereleshin, who represents the «eastern branch» of Russian emigration and managed to preserve national spiritual values while making them available to a different culture. Valery Pereleshin showed that the Motherland is a «spiritual and multifaceted» concept (p. 141). The poet's figure is interesting because he fulfilled the mission of being a link between cultures and eras. In his poetry, the Motherland and the foreign land became united, no longer being irreconcilable opposites. His personal nostalgia transformed into a universal artistic statement about the fate of a person at the crossroads of cultures (p. 126).

Keywords: Eastern branch of Russian emigration; China; Brazil; 20th-century poetry; Valery Pereleshin.

Следует отметить, что использование историко-литературного, биографического, структурно-семантического и др. *методов исследования* с целью выявления и систематизации художественных концептов «дом» и «Родина» в лирике Валерия Перелешина, а также «определения их роли в формировании поэтического мироощущения автора» (с. 12–13) обнаруживает научную результативность не только в русле заданной *цели*, но и в расширении научных представлений о художественных средствах реализации концептов «дом» и «Родина»: представленный анализ и выводы позволяют осмыслить реализацию универсальных и национальных ценностных констант в эмигрантской поэзии.

Для достижения поставленной в работе цели осуществляется грамотное решение первоочередных *задач*: рассмотрены понятия «дом» и «Родина» в аксиологическом аспекте и их воплощение в русском литературном сознании; выявлен лирический субъект в творчестве Валерия Перелешина. исследовано функционирование концептуальных понятий «дорога», «путь», «чужбина», «бездомье» в художественном мире поэта.

Актуальность работы Лю Лэ вытекает из потребности современного литературоведения применить новые и заново осмысленные подходы к анализу широко употребляемых концептов. *Предмет научного исследования* диссертанта – поэтика воплощения концептов в произведениях Валерия Перелешина – принадлежит к важнейшим безотносительно к фактору времени явлениям. Это, во-первых, рождает тенденцию к избыточной конкретике в изучении концептов дома и Родины, а во-вторых, позволяет уточнить и углубить семантику динамического комплекса других дефиниций, сопутствующих изучаемым концептам (путь, дорога, чужбина, бездомье). Предложенная исследовательницей их интерпретация позволяет почувствовать внутренний драматизм стихотворений. Несомненным достоинством рассматриваемой диссертации следует считать опору на тщательный анализ поэтических текстов – в результате чего перед нами не «голые» теоретические положения, но именно научно убедительные выводы, логично обобщающие наблюдения над конкретной литературно-художественной практикой.

Предпринятое научное исследование Лю Лэ отвечает важным тенденциям в развитии современной филологической мысли, сближается по своей тематике и методологии с целым рядом историко-литературных работ, актуализирующих внимание как к творчеству Валерия Перелешина, так и к традиционным категориям поэтики (Лю Лэ грамотно суммирует отечественные и зарубежные подходы к изучению концепта). Кроме того, диссертация является историко-литературным исследованием с элементами междисциплинарного подхода, поскольку речь идет о привлечении лингвистического, культурологического материала.

Научная новизна исследования определяется осуществлением цели – детальным, методологически последовательным и точным комплексным анализом концептов дома и Родины в поэзии В. Перелешина. В диссертации предложен целостный концептуальный анализ лирики Перелешина: показаны смысловые связи между воображаемыми пространствами родины, настоящего дома и духовного прибежища. Разработана авторская интерпретация «двойной ностальгии» поэта за двумя попечительницами-родинами (Россией и Китаем) через призму лингвокультурного подхода. Кроме того, к анализу творчества этого автора исследователи прибегали нечасто, так что сам объект исследования обеспечивает новизну работы.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что в нем несомненно предлагаются новые подходы к интерпретации лирики В. Перелешина и расширяются научные представления о художественных средствах реализации концептов

«дом» и «Родина» в его поэтической системе. Кроме того, представленный анализ и выводы дополняют сведения о художественном мире В. Перелешина и вносят вклад в изучение его литературного наследия, что способствует углублению представлений о творчестве одного из ярких поэтов русского зарубежья.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что ее материалы, основные выводы и положения могут быть использованы в курсах истории литературы русского зарубежья XX века на филологических факультетах вузов, а также при подготовке спецкурсов и спецсеминаров, посвященных поэтике лирического текста.

Алгоритм научного исследования диктует строго определённую структуру диссертационного сочинения, следующую от характеристики конкретных концептов: дома – в первой главе и Родины – во второй. Но даже разводя эти понятия, Лю Лэ синтезирует их значение: концепция дома и Родины в художественном мире Валерия Перелешина неразрывно связана с трагизмом эмигрантского опыта, попытками найти баланс между прошлым и настоящим. Дом и Родина перестают быть физическим местом и становятся знаком недостижимого покоя. Благодаря этим мотивам поэзия Перелешина вписывается в общий контекст русской литературы изгнания, где темы разлуки, памяти и несбывшегося возвращения приобретают особую эмоциональную глубину и философскую значимость (С. 94).

«Дом» и «Родина» в диссертационном сочинении выступают своего рода индикаторами, иллюстрирующими не только отношение к жизни Валерия Перелешина, но и тенденции поведенческих моделей в эмиграции. Потенциал такого подхода может быть раскрыт в соотношении с литературным бытом эпохи, с бытовой словесной культурой конкретного историко-культурного континуума Китая и Бразилии, с переводческой практикой. Судьба В. Перелешина в диссертационном сочинении Лю Лэ вписана в контекст типологии судьбы других эмигрантов: М. Цветаевой, В. Набокова, И. Бродского, И. Шмелева, Б. Зайцева (С. 103–105), однако обозначено и индивидуальное: уникальная биография Перелешина породила у него феномен «двойной ностальгии» – одновременной тоски по двум родинам: по исторической Родине (России) и по месту первого изгнания (Китаю). Двойная ностальгия – тоска сразу по двум утраченным мирам – стала естественным состоянием Перелешина и одним из главных мотивов его лирики (С. 110).

Находясь вдали от Родины рядом с теми, кто не знает его родного языка, Перелешин пишет на русском, как бы переходит к внутреннему существованию в стихии языка. Эта упорная приверженность русскому стихотворному слову – и есть его «спасение» (С. 152), сохранение русской культуры в изгнании «как в некоем резервате» (С. 154), отсюда – сознательное использование дореволюционной орфографии, архаизмов (С. 156).

Весьма похвально, что в диссертации Лю Лэ далека от однозначности оценок: восхваляя приверженность автора своей Родине, Перелешин не сводит свое к ней отношение к романтической идеализации. Это признание выдает болезненную отчуждённость поэта: оторванный от реальной России, герой порой ощущает её как абстракцию, нечто живущее только в мыслях. Однако признание России «придуманной» не означает отказа от неё. Наоборот, чем более остро осознаётся призрачность Родины, тем сильнее может быть тоска по ней (подр. см. разбор стихотворений «Россия» на С. 119).

Обращают на себя внимание конкретные разборы текстов, а именно анализ образной системы в стихотворениях «Ностальгия» (С. 119–121), «Карусель» (С. 79–80); весьма любопытно было перебирать вслед за автором образы знаменитых коней в одноименном стихотворении – от Горбунка до Росинанта (см. стих. «Конь» С. 85–87). Понравилась работа

диссертанта с лексикой в стихотворении «Беседа в дороге» (С. 78–79), с жанром (сентиментальным путешествием) – в стихотворении «По глобусу» (С. 84).

Мне понравилось, как в работе в начале каждой главы строятся каркасы, определяя путь к дальнейшим рассуждениям. Сделано это академически точно, притом интересно. В частности, можно отметить условное разделение на этапы развития реализации концепта «Родина» начиная от древнерусской традиции (С. 99).

Удачным местом в работе считаю доказательство тезиса, что «образ Бразилии в стихах – прежде всего образ звуковой, музыкальный, тогда как образ Китая более зрительно-эмоциональный» (С. 134).

Несмотря на то что в большинстве примеров Лю Лэ уходит в констатацию метафорического пространства дома/Родины, все-таки интерес читателя поддерживается изображением и пространства реального: «картофельных грядок» в детском доме в Чите, «обрезков шпал» (С. 88), изображением Храма Нефритовых Облаков Би-Юнь-сы (С. 126), творений бразильского скульптора XVIII века Антониу Алейжадиньо (С. 136), климата Китая и Бразилии... За счет этих примеров работа Лю Лэ выглядит интереснее и доказательнее.

Соискателю удалось представить образ дома и Родины как сакрализованную духовную реальность, укоренённую в языке, культуре и личной идентичности. Множество ценных наблюдений содержится в параграфе «Тема пути в лирике Валерия Перелешина. Поэзия как пристанище», в котором отчетлива мысль: выступая мостом между Родиной и чужбиной, прошлым и настоящим, именно поэзия становится духовным домом, давая возможность преодолеть внутренний конфликт, сохранить живой язык и культурную память.

Отмечая сильные стороны диссертации, отметим, что в работе не хватило некоторой информации о творчестве Перелешина, которая, думается, прояснила бы обращение к исследуемым концептам:

1. Не ясно: откликнулся ли Перелешин на исторические события, происходившие в России, в частности на события Великой Отечественной войны? Из работы можно узнать, что было после Второй мировой войны – у Перелешина «особо зазвучала тема стыда за Родину, когда он наблюдал со стороны становление советской сверхдержавы»; тогда было «неприятие Советского Союза и его идеологии» (С.123). Но неужели его сердце не болело за Родину, за оставленный дом в страшные годы испытаний? Эта лакуна тем более остается зияющей, что мы видим из материала диссертации: В. Перелешин, например, следил за политической жизнью Бразилии после её избавления от военной диктатуры (С. 138).

2. Создавал ли В. Перелешин религиозную поэзию, кроме «Заупокойного канона» (С. 76)? Например, перелагал ли он псалмы, когда служил в монастыре? Это ожидаемо в соответствии с природой его личности: «лирический субъект ... балансирует между мирским и божественным, земным и духовным» (С. 64).

3. На С. 117 диссертационного сочинения сказано, что «архивы поэта передаются в российские библиотеки». Какие? Это очень интересная информация, о которой хотелось бы знать. В диссертации не отражено, была ли у Лю Лэ работа с архивными материалами В. Перелешина.

4. В Библиографии (источниках) указаны как разные издания, выпущенные в одном и том же издательстве в одном и том же 2018 году, трехтомники Перелешина:

Перелешин В. Собрание сочинений: в 3 т. / Сост., подгот. текста, коммент. В.А. Резвого. М.: Престиж Бук, 2018. (Серия «Золотой Серебряный век»).

Перелешин В. Три родины: Стихотворения и поэмы: в 3 т. М.: Престиж Бук, 2018.

Это техническая ошибка? Интернет-поиск не прояснил разницу в этих изданиях. Или существует подобная издательская практика? Правда, интересно.

5. Поскольку в теме диссертации обозначено, что исследуется *лирика* Перелешина, строго говоря, не следовало в качестве материала привлекать «Поэму о мироздании» (С. 69).

6. Апробация работы имеет очень тесные географические рамки: выступления с докладом были только в пределах Калининграда. Почему?

Эти вопросы, возникшие по ходу чтения глав представленного исследования, имеют частный характер, связаны с дополнительными аспектами, а потому не требуют ответа во время защиты.

В качестве же замечаний отметим следующее:

1. В работе термин «концепт» используется непоследовательно. Постепенно происходит подмена понятия на «тему» (напр., С. 11; 62), на «образ» (напр., С. 21; С. 75; С. 92). Заявляя о значимости концепта и подготавливая читателя к работе с ним во «вводных» параграфах, в дальнейшем автор диссертации не очень-то настойчиво его использует. Например, в первой главе с параграфа 1.2 (С. 35) и до Выводов (С. 93) термин «концепт», по нашим наблюдениям, не встречается в тексте работы. Подмены предмета исследования, конечно, не происходит, но, похоже, исходя из достойного литературоведческого анализа в работе, понятно, что привычных терминов литературоведения могло быть достаточно.

2. Второе замечание связано с введением в текст диссертации термина «лирический герой». Сразу несколько вопросов возникает из-за пункта 4 критериев «определения лирического героя» (С. 38): «Лирический герой определяется по следующим грамматическим показателям: употребление в тексте местоимения "я", глагольных форм первого лица. Но лирическое "я" может заменяться лирическим "мы", когда, к примеру, герой говорит от лица целого поколения» (С. 38). В данном отрывке как синонимы использованы термины «лирический герой» и «лирическое я», которые традиционно разводятся как субъекты лирики.

Кроме того, раз уж речь зашла об использовании местоимения «мы», следовало бы добавить и местоимение «ты», так называемые ты-тексты, когда

предлагается взгляд на себя «со стороны» – как на другого. Лирические стихотворения, организованные посредством 2 лица и реализующие акт автокоммуникации, обозначают не адресат высказывания, но его субъект.

Следует подчеркнуть, что реальная поэтическая практика всегда богаче и интереснее теоретических построений, поэтому, когда на С. 44 сказано: «...лирический герой неизменно сохраняет верность себе, независимо от выбранной роли или грамматической формы ("я", "ты" или "он")» – захотелось увидеть иллюстрацию редчайшего употребления «он» в качестве субъекта лирики. Есть ли такие примеры у В. Перелешина?

Безусловно, высказанные замечания не умаляют достоинств работы, а напротив, являются следствием ее разноаспектности.

Структура диссертации свидетельствует о ее вдумчивом осмыслении. В корпусе текста, состоящего из 187 страниц, представлены 2 обстоятельные главы. Каждая глава завершается выводами, которые представляют собой конструктивно оформленный итог проведенного анализа. Список литературы достаточно полный: он включает в себя 219 наименований научных работ.

Язык работы Лю Лэ отличается ясностью научного изложения, побуждает к усвоению опорных положений в качестве базовых для продолжения научных исследований в данном направлении. *Положения, выносимые на защиту*, представляются глубокими и

действительно заслуживающими научного внимания, поскольку содержат тезисы, ценные с точки зрения историко-литературного аспекта.

Считаю, что диссертационное исследование Лю Лэ «Художественные концепты *дом* и *Родина* в лирике Валерия Перелешина» представляет собой добросовестное, законченное, самостоятельное научно-квалификационное исследование, которое заслуживает поддержки.

Автореферат и публикации автора соответствуют содержанию диссертации.

Отдельно отмечу грамотность представленного текста, что, несомненно, стало возможным благодаря педагогическому таланту научного руководителя Лю Лэ доктора филологических наук Н. П. Жилиной.

Диссертация Лю Лэ «Художественные концепты *дом* и *Родина* в лирике Валерия Перелешина» тематически соответствует паспорту специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации, отвечает требованиям, установленным в п. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней» в редакции Постановления Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а её автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балашова Елена Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: balashova_ea@mail.ru.

Васильев Лев Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и иностранных языков Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: vasilevlg@tksu.ru.

Графова Елизавета Андреевна – магистрант Института лингвистики и мировых языков Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: grafovaea@tksu.ru.

Гусева Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и иностранных языков Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: goal_post@mail.ru.

Елистратова Валерия Анатольевна – учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 6 имени А. С. Пушкина г. Калуги. E-mail: valeriaelistr_2000@mail.ru.

Коста Алёна Андреевна – учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 6 имени А. С. Пушкина г. Калуги. E-mail: suslikova22@mail.ru.

Кууз Александра Викторовна – преподаватель кафедры лингвистики и иностранных языков Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: sanechka_kuuz@mail.ru.

Молодинская Вера Алексеевна – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, старший преподаватель. E-mail: verabatig@mail.ru.

Останина Екатерина Романовна – магистрант Института филологии и массмедиа Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: ekaterinaor3110@mail.ru.

Романовская Мария Юрьевна – магистрант Института лингвистики и мировых языков Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: RomanovskayaMY@tksu.ru.

Савотина Елена Геннадиевна – учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 12 г. Калуги. E-mail: ms.milena7676@mail.ru.

Симак Назарий Игоревич – учитель русского языка и литературы МБОУ «СОШ № 8 имени А.А. Матюшина». E-mail: p0plaw0k@yandex.ru.

Топорков Пётр Евгеньевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: ptoporkovnewnew@yandex.ru.

Юсифова Ирада Алибаля кызы – кандидат филологических наук, заведующий отделом «Литературно-культурная среда и фольклор» Шекинского регионального научного центра Национальной академии наук Азербайджана. E-mail: irada.yusifova@list.ru.

Яшкина Оксана Владимировна – магистр, учитель иностранного языка (английского) МБОУ СОШ № 6 имени А. С. Пушкина г. Калуги. E-mail: dol_oks@mail.ru.

ВЕСТНИК КАЛУЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 2 «Исследования по филологии»

Электронное периодическое издание

2026 № 1

Электронное периодическое издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

от 16.01.2023 Эл № ФС77-84596

Дата выхода в свет 22.06.2026.

Тираж 15 экз.

Максимальный объём 2,1 Мб

Издательство КГУ им. К.Э. Циолковского.
248023 Калуга, ул. Разина, 26.

